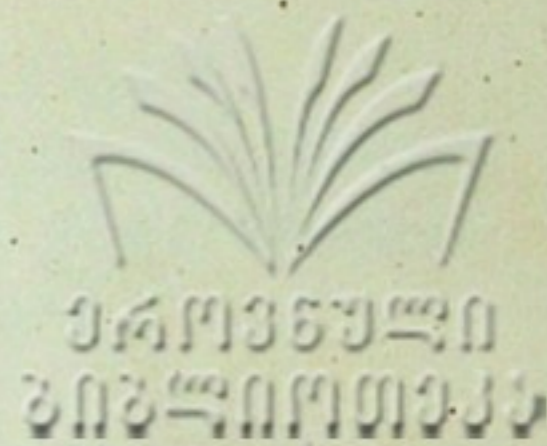


1961



243

10.335

7

ИЮЛЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
 ГРУЗИЯ
 1961

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания пятый



С О Д Е Р Ж А Н И Е

ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Песня гор	3
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Неумирающие строки. Стихи	6
СИМОН ЧИКОВАНИ. Жизнь и творчество Ва- жа Пшавела	7

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЯ

Моя жизнь	15
Рассказ косуленка	19
Свадьба соек	25
Горы спят. Их мечтанья — счастье народное. Не тот герой, кто... Черная туча. Гора и долина. Завещание. Стихи	31—35
Думы	36

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ...

ВАЖА ПШАВЕЛА. Гиглия.	39
ВАЖА ПШАВЕЛА. Что называется свободой? Что такое свобода?	42

ЖИВОЙ ВАЖА

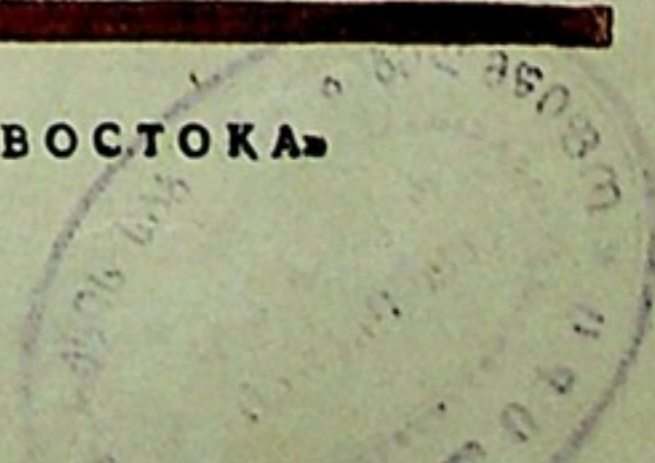
ВАХТАНГ РАЗИКАШВИЛИ. О моем отце. От- рывки из воспоминаний	46
ШИО МГВИМЕЛИ. Друг мой Важа	48
СИМОН САЛАРИДЗЕ. Из воспоминаний	52
САНДРО ШАНШИАШВИЛИ. О великом поэте	53
ВАДИМ МИХАЙЛОВ. По тропам Пшав-Хевсу- рети. Очерк.	59

7

И Ю Л Ь

1961

67.005



МИХАИЛ КВЕСЕЛАВА. Горы, высокие горы... 62

ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. Слово дружбы 66

БОРИС ПИРАДОВ. Важа Пшавела и револю-
ция 1905 года 71

ИСКУССТВО

НОДАР ГУРАБАНИДЗЕ. Важа Пшавела и
грузинский театр 74

ХРОНИКА

Н. ДОЛИДЗЕ. Важа Пшавела в кино 77

Н. АККЕРМАН. Произведения Важа Пшавела
за рубежом 78

Книги к юбилею 79

Фронтиспис и заставки работы художника

Т. Кубанеишвили.

Фоторепродукции Н. Арчвадзе.

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Заместитель редактора Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

მედიკალი
გეგმვა





Демна Шенгелая

Песня гор

Амиран грузинской литературы Важа Пшавела с болью в сердце взывал к родным горам:

«Почему не поете вы, горы? Неужели мне суждено умереть, так и не услышав вашего голоса, вашей песни? Почему не смеетесь? Хоть улыбку увидеть бы вашу, любимые!..

Кто сказал, что у вас нет чувств? Мыслей? Высоких дум? Не может этого быть! Откуда же взялись тогда эти цветы на вашей груди? Они-то и есть ваши мечты, ваша надежда и отрада. Зачем вы кутаетесь густыми туманами, если не для того, чтобы утаить от людей сокровенные думы свои? Зачем вам эти травы? Зачем источаете студёные родники? Зачем обрушиваете в пропасть обвалы? Зачем растите могучих туров? Кого вы обманываете, родные мои!..

Валит снег. Крепчает мороз. От стужи трескается камень. Горы укутались в саван, словно мертвецы. Похороните нас, оплачьте! — взывают к людям. А мы-то ждем, что они похоронят нас...

Стоят и ждут. Болит у них сердце, нет предела этой боли. Но горы не умирают, не чахнут, они ждут. Ждут кого? Или чего?

Жаждут увидеть невидимое, изведать неизведанное. Ждут нового, небывалого, чего еще не постигло сердце. Это и есть ненасытность духа и глаз...»

Читаешь эти строки и невольно представляешь себе, будто Важа переселился в обитель Манфреда и узрел «нечто невидимое», по которому так истосковалась его душа.

Если «Змеед» считается ключом к поэзии Важа Пшавела, то рассказ «Горы высокие» с таким же правом можно назвать ключом к его прозе.

В мировой литературе редким исключением является такая цельная, монолитная в своем творчестве и жизни фигура, каким был Важа Пшавела.

Вольный сын гор, он метался от Горийской семинарии к Тбилиси, от редакций к Петербургскому университету, но нигде не обрел покоя. Тогда он, словно вырвавшийся из неволи орел, устремился к родным горным вершинам, к синим просторам небес.

Лишь изредка осенью спускался Важа в город. Он шел в редакции с перекинутым через плечо хурджини, на дне которого лежали руко-

писи гениальных творений. Но проходил день, томительно плелись недели, и Важа неодолимо тянуло к своим горам, в Чаргали.

Одетый по-пшавски, с кинжалом и мохнатой папахой, этот неистовый Роланд грузинской поэзии перекликался с великим Гете и, словно языческий жрец древней Грузии, подымал знамя с изображением льва, бросал клич грузинскому народу освободить Бахтриони.

Глубоко уйдя корнями в родную землю, Важа гордо озирался вокруг, и сердце его обливалось кровью. Поэт ждал чего-то. И этим «чем-то» было освобождение его родины. Важа не выпало счастье порадоваться осуществлению выстраданной мечты. Он умер за шесть лет до того дня, который принес его народу свободу.

С Важа Пшавела беседовали задушевно горы, делились своими радостями и горестями деревья, шептались прозрачные ручьи.

Прочтите только названия его рассказов: «Медведь», «Волк», «Заяц», «Рассказ косуленка», «Горный родник», «Скала», «Корни», «Высохший бук», «Свадьба соек», «Горы высокие» и вы недоуменно спросите — это художественная литература или учебник естествознания? И то и другое. Ни один учебник не расскажет вам так о сокровенных тайнах природы, как произведения Важа Пшавела. А разве много на земле художников, которые так чутко слышали природу, так глубоко проникали в тайники ее души.

У Важа двойкий подход к изображению природы. Сравнивая птиц с людьми, он мыслит аналитически. Важа восторженными глазами следит за свободным парением гордого орла и с брезгливостью говорит о воронах.

В этом случае он сатирик — ведь между черным вороном и Баграмом Захарычем, урядником, нет никакой разницы.

Но, беря природу как единое целое, Важа мыслит синтетически — природа для него неделима.

В этом случае он — восторженный певец природы; ведь и люди, и деревья, и горы, и родники — плоть от плоти ее, дыхание и жизнь ее.

Подобно Гомеру, Важа Пшавела населил свои произведения языческими богами и людьми, горами и родниками, бурями и шорохами пробивающейся травы. В его поэмах живут боги, напоминающие людей, и люди, похожие на богов. Природа у Важа так же радуется и скорбит, мыслит и живет, как простой человек, но она так же величественна и неборима, как бог Копале или Квирия.

Важа Пшавела — универсальный писатель. Можно найти великое множество параллелей его гениальным творениям в мировой литературе. Разве Миндия не тот же Гайавата? Ведь Лонгфелло так же нашел источник вдохновения в народном эпосе, как и Важа в грузинском предании «Хогаис Миндия». Разве не Важа Пшавела услышал первым плач леса, когда охотник подстрелил робкого оленя? Этот лиричный рассказ Важа («Лес плакал») удивительно напоминает произведение современного американского писателя Гарсиа-Вентура Кальдерона «Плач леса». Разве не схожи рассказ Важа Пшавела «Дареджан» и повесть Ильи Чавчавадзе «Отарова вдова»?

Важа Пшавела не был узким, замкнутым бытописателем. Герои его произведений: бог Копале, Миндия и волк Тотия стоят в одном ряду с Манфредом, Фаустом и Маугли.

Гениальный поэт творил так же непринужденно, свободно, как играет пандурист. Для него, как и для пандуриста, не существовала проблема формы. Она была неотделима от содержания. Разве родник ду-

мают, как ему течь? Произведения Важа журчат горным родником, вливаясь в море мировой литературы.

Важа Пшавела, подобно своему герою богочеловеку Копале, выломал дверь мировой литературы и забросал ее не булыжниками, а горами, горами, похожими на людей, людьми, похожими на богов. Он всем своим существом вошел в природу, причастился народным эпосом.

Творчество и жизнь Важа Пшавела стали единым целым, в личной жизни он поступал так, как его поэтические герои. И не случайно, что Важа высмеял Ницше, назвав его досужим человеком, роющимся в золе.

Вместе с глубоким интеллектуализмом Важа сохранил удивительно мудрую наивность человека, который впервые увидел мир и, пораженный его красотой, запел от восторга.

В середине июля, изнывая от тбилисской жары, Важа метался на больничной койке, словно орел с подбитым крылом, и умолял отвезти его в родной Чаргали. Он, как умирающий Абесалом, просил дать ему глоток воды горного ручья и этим спасти от смерти. Друзья достали ему воду с Мтацминда. Казалось, она принесла Важа облегчение.

— Молодцы, ребята. Как вкусна горная вода! Вы не устали от ходьбы?

Но было уже поздно. Подстреленного на лету орла не смогла излечить даже родниковая вода.

А родные чаргальские горы стояли и терпеливо ждали, ждали затерявшегося внизу сына своего.

Перед самой смертью Важа попросил сиделку:

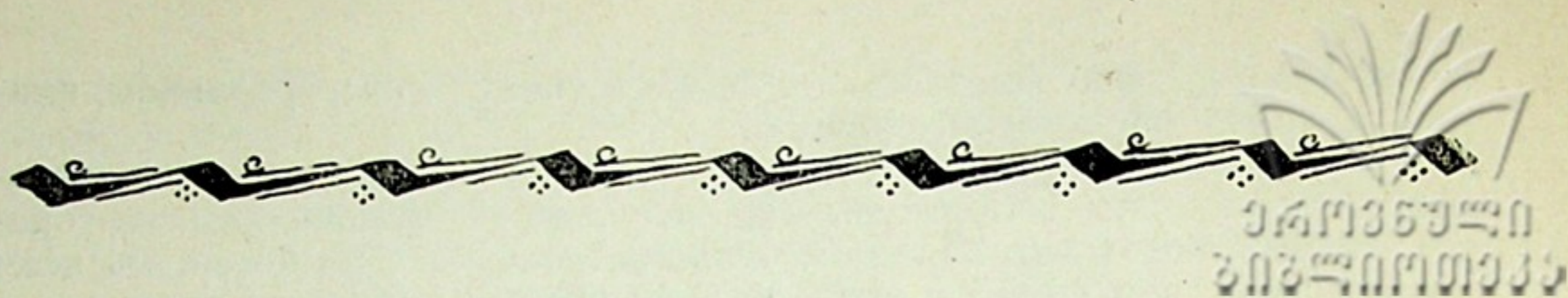
— Ради бога, постели мне на полу, а вокруг насыпь цветы и траву. Дай хоть в смертный час вдохнуть запах родных гор.

Со слезами на глазах грузинская женщина исполнила последнюю просьбу поэта.

Важа Пшавела лежал на полу и сыпал на грудь себе траву, прижимал к лицу листья, вдыхал запах цветов. Он прощался с горами, с цветами, с травой. И умер, словно возвращая душу, которую они когда-то вдохнули в него.

Важа Пшавела умирал и видел то невидимое, чему он дал название «что-то». А чаргальские горы стояли и ждали Важа, ждали, с надеждой устремив взор к долинам.





Георгий Леонидзе,

народный поэт Грузии

НЕУМИРАЮЩИЕ СТРОКИ

Перевод с грузинского В. Тура

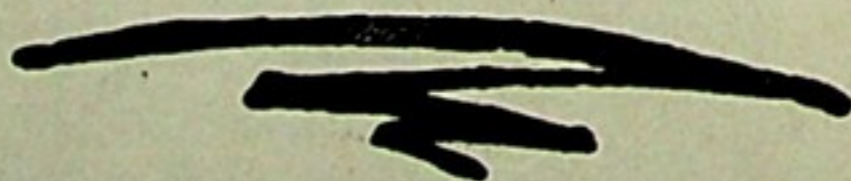
Бедняк, владелец порванных карманов,
Таким богатым был лишь ты один,—
Властитель рек и звездных караванов,
Немолчных водопадов властелин.

Орел отдал тебе перо для песни,
Арагви — струны,
Свой язык — листва,
А горы, как посланцы поднебесья,
Открыли небожителей слова.

Природы речь...
Как рощ родимых листья,
Ты говорил на этом языке.
И в час, когда глаза глядели мглисто —
— Как небо низко!
Как прощанье близко!—
— Ты мял листву в хладеющей руке.

Стихи Важа — дыхание Арагви.
Водила нежность бережной рукой.
Цветок, возвращенный синими горами,
Ты мог бы стать его живой строкой!..

В лесах поющих замирают лани,
Орлы кружатся, небо сторожа...
О сабля, — ты жива могучей дланью,
О слово,—
ты живешь стихом Важа.





Симон Чиковани

Жизнь и творчество Важа Пшавела

100-летняя годовщина со дня рождения Важа Пшавела — великий праздник грузинской культуры.

Всю свою трудную творческую жизнь провел Важа в горах Пшави, но его несравненная песня прозвучала по всей Грузии, стала неотъемлемой частицей нашей духовной жизни. За последние сорок лет песня Важа не только перешагнула через границы Грузии, но и нашла отзвук за рубежом, приобрела друзей и почитателей во многих странах мира.

В многовековой и многокрасочной грузинской литературе Важа Пшавела поистине поднял новые глубочайшие пласты, вспахал неизведанную целину и обогатил родную поэзию великими шедеврами, пронизанными высоким духом нравственной чистоты и страстного гуманизма.

Важа Пшавела (Лука Разикашвили) впервые выступил в печати в 1879 году с этнографическими очерками; в 1881 году появились его первые стихи. С этого дня на протяжении 35 лет он постоянно вел напряженную литературную работу.

Среди мастеров грузинской классической поэзии Важа Пшавела занимает особое место. Можно утверждать, что из всех грузинских поэтов он наиболее близок к народному поэтическому мышлению. Творчество его общенародно и общедоступно и вместе с тем глубоко самобытно. Творческий мир его первозданен и необычен.

В Грузии Важа Пшавела называют певцом грузинских гор, хотя и до него этой теме были посвящены блестящие стихотворения таких выдающихся поэтов, как Александр Чавчавадзе, Григол Орбелиани, Николоз Бараташвили, Рафиэл Эристави, Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. И тем не менее имя певца гор осталось все же за Важа Пшавела, потому что он особенно глубоко проникся взглядами, бытом, обычаями, заботами и бедами горцев, сделал их жизнь главной темой своей поэзии.

В сущности Важа никогда не покидал гор — даже когда жил в Тбилиси, Гори или Петербурге. Словно всегда и везде носил он с собой в хурджине горную землю и траву и по ночам вдыхал их аромат, чтобы набраться свежих творческих сил. Он был участником и летописцем повседневной жизни Пшав-Хевсуретии.

Важа Пшавела довольно часто наезжал в Тбилиси, принося в редакции журналов и газет свои стихи и поэмы. Но цель его приезда часто заключалась не только в издании стихов. Он жаждал бесед с друзьями, споров по вопросам литературы. Особенно он любил делиться мыслями о творчестве Руставели, Пушкина, Гете, Толстого, Спинозы и Гегеля. Излюбленными темами его бесед были будущее Грузии и народность поэзии.

Когда Важа Пшавела привлек внимание грузинского читателя и критики, он был уже зрелым художником, вполне выработавшим свою поэтику. Поэзия Важа Пшавела многим казалась странной, и источники его вдохновения как будто оставались скрытыми. Тогда грузинская критика решила определить самобытные особенности поэзии Важа Пшавела и найти ее источники, выяснить, как произошло ее национальное и местное колорит, на какой литературной традиции возник столь своеобразный поэтический мир. Иные критики предшественником Важа Пшавела считали Илью Чавчавадзе с его «Письмами путника»; другие полагали, что Николоз Бараташвили помог Важа Пшавела проникнуть в душу природы; третьи утверждали, что учителем поэта является Рафиэл Эристави со своими стихами, написанными на мотивы фольклора горцев.

Важа Пшавела несколько раз откликался на высказывания критиков и пытался опровергнуть вышеприведенные суждения. Он имел ясное представление о своем месте и пути в поэзии. Литературными статьями и полемическими стихами он отстаивал свой индивидуальный творческий путь и пытался показать читателю, на какой почве выросла его

поэзия, где были истоки его вдохновения. Важа Пшавела считал преувеличенным мнение критиков о безраздельном влиянии на него народной поэзии. Он признавал, что в каждой его поэме имеются какие-то крупницы, взятые из фольклора, но они настолько переработаны в горниле души поэта, что их почти невозможно заметить с первого взгляда.

«Мои поэмы построены на двух-трех словах, услышанных в народе», — говорил Важа. Он утверждал, что воспользовался образами и мотивами, рассеянными в народной поэзии, но так их расширил и углубил, что они получили новое художественное звучание, и на этой основе он создал свой самобытный поэтический мир.

Относительно же родства своего с Рафиэлом Эристави Важа Пшавела говорил в самой общей форме: «Конечно, мне нравятся написанные на народный лад стихи Рафиэла Эристави, но я сам начал с юности, независимо от него, писать стихи на пшавском говоре, хотя долго не решался их печатать».

Важа Пшавела был идейным соратником грузинских просветителей и демократов, крупнейших поэтов XIX века — Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели. Однако из той же статьи Важа Пшавела, которую мы цитировали, явствует, что он считал свой поэтический путь несколько иным, чем путь своих старших современников. Важа Пшавела относился к И. Чавчавадзе и А. Церетели с глубоким уважением, говоря о них неизменно с благоговением, но никогда не настаивал на своем литературном родстве с ними. Более того, он считал, что его поэтика имеет совершенно иное происхождение.

В полемическом стихотворении, обращенном к Акакию Церетели, Важа Пшавела сравнивает свой поэтический голос с трубным кличем оленя, который мог быть рожден только горами. Но этот своеобразный горный голос, по мнению Важа, понятен всей Грузии и, может быть, еще более органичен и естественен, нежели голос «поэтов долины».

Важа Пшавела поддерживал борьбу, которую вели Николоз Бараташвили, Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели против сильно заметного одно время в грузинской поэзии влияния иранской и вообще восточной поэтической традиции с ее цветистостью, экзотикой и аллегоричностью. Но вместе с тем Важа Пшавела скептически относился к тому новому направлению грузинской поэзии, которое И. Чавчавадзе назвал «европеизмом» (подразумевая под этим понятием прежде всего борьбу против внешних, чисто орнаментальных приемов, присущих восточной поэзии). Самый термин «европеизм» Важа Пшавела считал неудачным и никогда не пользовался им. Гораздо более важным представлялось

ему выявление народных истоков грузинской поэзии и ее развитие на этой народной основе.

Все замечательные западноевропейские и русские мастера слова, утверждал Важа Пшавела, выросли на народной почве, и грузинские поэты должны прежде всего отыскать свои народные корни. Таким образом, он как бы обходил стороной литературный путь, избранный «отцами», и обращался непосредственно к «дедам». Своими предшественниками Важа Пшавела называл Шота Руставели и Давида Гурамишвили. Если Руставели, по его мнению, был Эльбрусом, то себя самого он сравнивал с холмом — ибо холм более похож на Эльбрус, чем Тирипонская долина. Тем самым автор «Бахтриони» отмечал качественное свойство своей поэзии, роднящее ее с эпосом Руставели. Он также упорно требовал, чтобы истоки его творчества искали в поэтическом мире Давида Гурамишвили. Обращаясь к Гурамишвили, он писал:

Дед мой славный и предтеча!
Снова я стишки крою
И, склоняясь, издавеча
Лобызаю тень твою.

Народность поэзии Важа Пшавела с большой силой проявилась в его совершенно своеобразном стихотворном языке, очень свободном и самобытном. И в этом отношении Важа Пшавела не являлся непосредственным продолжателем языковых поисков Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели. Когда А. Церетели в одном из своих выступлений осудил поэтический язык Важа Пшавела, тот вступил в спор со своим критиком и в полемическом задоре объявил пшавский говор одной из основ общегрузинского литературного языка. Обращение к этому говору он считал характерной чертой своей поэтики и доказывал, что «как непорочна природа гор, так же чист и обременен разговорный язык горцев».

Народный язык был резервуаром, из которого Важа Пшавела черпал щедрой рукой. Но при этом важно подчеркнуть, что, решительно отстаивая свою позицию в данном вопросе, он применял народный пшавский говор с достаточным художественным тактом. Говор этот служил для Важа Пшавела средством придания «местного колорита» в поэтических описаниях природы и быта Пшав-Хевсуретии, и особенно — в прямой речи героев-горцев. Лирическая же речь самого поэта почти свободна от диалектизмов и отвечает нормам грузинского литературного языка.

Как своеобразная поэтическая речь, так и само поэтическое видение мира у Важа Пшавела удивительно непосредственны и чисты, проникнуты высоким народным гуманизмом. Поток чувств поэта безбрежен: словно впервые в гру-

зинской литературе открыл он врата природы, увидел необыкновенных людей, сохранившихся в горах, и создал их про- никновенные, скульптурно четкие обра- зы. Пусть материал, которым владел по- эт, его язык и весь колорит его поэзии характерны лишь для горцев, но обра- зы и характеры, созданные им, — обще- народные, общегрузинские. Более того, они близки и понятны всем народам, по- тому что поэзия Важа Пшавела — это высокая, героическая поэзия могучих, нестигаемых характеров, поэзия рыцар- ской дружбы и благородства. Она возвы- шает и облагораживает человека.

Пожалуй, никто из поэтов, творивших на рубеже XIX и XX веков, не был так близок к природе, не был так тесно, так неразрывно связан с нею всеми своими корнями, как Важа Пшавела. Он бук- вально слился с природой.

Истоки поэзии Важа Пшавела таились в его собственной душе, а Пшавия — этот романтический уголок Грузии — да- ла обильную пищу его поэтическим раз- думьям. Он говорил: «Воспоминания у меня лежат грудой бульжника; отбираю и отбираю их постепенно... Я помню, что было в прошлом плохого и хорошего...»

Воспоминания, запечатлевшиеся в ду- ше горца, властно требовали проверки, отбора, оценки, воплощения в поэтиче- ском слове. Задачей поэта было художе- ственно обобщить эти воспоминания и связать их с запросами текущей жизни.

* * *

Органическое единство исторических, литературных и биографических факто- ров определило идейную и художествен- ную направленность творчества Важа Пшавела, смелость его поэтического ви- дения и неповторимо своеобразный коло- рит его поэтических картин.

Душа поэта, подобно природе, испол- нена могучей внутренней энергии и, по- добно природе, порождает бесчисленное множество образов. Его поэзия словно рождена в мире изначальных прозрений народа, где еще не утрачено духовное детство, где все воспринимается непо- средственно. Народность является едва ли не прирожденным ее качеством. Ле- генда, созданная народом, сказание, бас- ня, крылатое слово, песня или бытующее в народе наблюдение над явлением при- роды — все это служило для Важа Пша- вела материалом, из которого он созда- вал большие, обобщенные, монументаль- ные поэтические произведения.

Важа Пшавела был человеком весьма своеобразным. Вкусив все блага — под- линные и мнимые — городской жизни Петербурга и Тбилиси, он почти весь свой век провел в отдаленной глуши горной деревушки Чаргали и появлялся на улицах Тбилиси в чохе и архалухе с хурджином, переброшенным через пле- чо. Этот человек, несший в своей душе поэтический и интеллектуальный мир

поистине гетевской мощи и размаха, внешне ничем не отличался от простого горца. Такой была и его поэзия — по- разительно похожая на своего создате- ля — и своим внешним обликом и сво- им глубинным смыслом. Его стихи и поэ- мы несут на себе отпечаток народной ре- чи, его образы и характеры облачены в пшав-хевсурские одеяния, но каждый из них живет общечеловеческими идеями и чувствами, герои его, рожденные в го- рах, являются носителями великих об- щенациональных и общечеловеческих, патриотических и гуманистических идей. И самое поразительное, что в этом поч- ти фантастическом сочетании не было никакой дисгармонии: народная одежда была поэту и его поэзии вполне по ро- сту.

Знаменательно, что и в лирических произведениях Важа Пшавела господст- вует преимущественно эпическая поэти- ческая манера, они большей частью по- вествовательны и описательны. В лири- ке Важа мы больше встречаем пласти- ческие картины природы и быта, чем не- посредственную поэтическую исповедь и самовыражение чувств. Это свойство от- личает его и от Бараташвили и Церете- ли, и от грузинских лириков первой чет- верти XX века. Мир лирики Важа рож- ден в недрах девственной природы, и он сам отмечен ее непосредственностью и незапятнанной чистотой. Характерны в этом отношении и его любовные стихо- творения, которые кажутся лирическими монологами пастухов, пахарей, охотни- ков, монологами, произнесенными среди гор и ущелий, на лоне природы. Фиалки и пиримзе, олени и серны, косули и ла- ни, куропатки и горные индейки населя- ют чарующий метафорический мир лю- бовной лирики Важа Пшавела.

Когда мы вступаем в мир поэзии Ва- жа Пшавела, гигантские горы постепен- но обступают нас. Амирани боролся в этих горах с богом и нашел огонь для блага народа. Важа Пшавела беседу- ет с подернутыми туманом горными ве- шинами, как с живыми существами. И кажется ему, что горы размышляют:

Туманы — это размышленья
Могучих гор, седой венец
Их человечности, томленья
Несокрушимых их сердец.

Поэт слит с величием природы, с ее жизнью, и душа поэта одаряет природу высокими человеческими чувствами, при- дает ей мощь, нежность, томление:

Почему я создан человеком,
Почему, исполненный красы,
В сонме туч, в высоком мире неком,
Не рожден я капелькой росы?..
...И, любуясь солнцем и сверкая,
Плыл бы я в безбрежные края, —
Сверху небо, снизу прудь земная,
Оба вместе — родина моя.

Стихи Важа о природе можно считать своеобразными монологами Миндии¹. Такие его лирические шедевры, как «По ущельям тянутся туманы», «Почему я создан человеком», «Гора и долина», «Арагви», «Горы мне сказали» и «Орел», — это картины природы, увиденные глазами Миндии, отражение его внутренней духовной драмы. Поэтические пейзажи Важа поразительно драматичны. В названных выше стихотворениях сложность поэтической мысли сочетается с исключительной простотой и народностью формы.

Поэт избирал своими героями обыкновенных людей, действующих в повседневной жизни, но поручал им совершать необыкновенные дела.

Хотя все герои Важа — подлинные дети природы, влюбленные в свой родной уголок, но этим сильным и ярким характерам явно тесны горы и ущелья, их вольный дух явно ищет выхода к более широкому простору, к свободе, к благородному гуманизму. Они нигде не говорят о том, что им «тесно» в горах, но за них красноречиво говорит сама их судьба, само кипение их страстей, бегство их духа. И в этом, быть может, величайшая тайна художественной силы воплощения гуманистических идей Важа Пшавела. В духовных свойствах героев Важа Пшавела чувствуется родство с фольклорным художественным мышлением. В народной поэзии обыкновенные люди всегда являются выразителями помыслов и мечтаний народных. И автор «Бахтриони» изображал именно таких героев. Он как бы создавал народные мифы и легенды. В поэзии Важа Пшавела чувствуется дух, свойственный античной поэзии. Он никогда не прибегал к образам античной мифологии, но широко пользовался материалом и образностью грузинских народно-мифологических представлений.

Может быть, поэтому в поэзии Важа Пшавела не только богатыри и природа имеют свою собственную независимую духовную жизнь, но даже военные доспехи одухотворены и одарены собственной жизнью. Когда герой — защитник родины — находится при смерти, друзья умирающего спрашивают о его мече:

— Где же, пшавы, меч героя,
Что сверкал змеиным жалом?
— Трижды в день он точит слезы,
Смерть оплакивая Гиги.

В поэзии Важа Пшавела оружие принадлежит только достойному. Символ мужества — сабля стала главным «действующим лицом» нескольких произведений поэта; она сама борется за то, чтобы стать собственностью героя. В одном из своих рассказов («Сабля Ба-

тура») Важа Пшавела в этом духе переработал одно народное сказание. После смерти Батура в деревне не оказалось человека, который мог бы достойно носить его саблю, и потому ее спрятали в сундук. Но сабля возмутилась, выскочила из ножен, стала летать в воздухе и ночью разбудила звоном все село. Сабля успокоилась только тогда, когда ее забрал себе самый достойный воин.

Существенной особенностью поэзии Важа Пшавела является одухотворенность природы, которую так любил живописать поэт. В его представлении природа — это сокровищница тайн человеческой души, отсвет духовной жизни человека. Поэтому картины природы, создаваемые поэтом, наделены теми же характерными чертами, что и героические люди, действующие на лоне природы. Природа в изображении Важа Пшавела всегда динамична, воинственна и мужественна. Она всегда в борьбе и движении. Картины природы у Важа Пшавела материальны, зримы и почти осязаемы.

Но предначертан волей рока,
Непроницаемый для глаз,
Туман, как черная морока,
Скрывает витязей от нас.
Встает он пологом заклятым
Над очарованным холмом,
И не разбить его булатом,
И не рассеять волшебством.

Пушкин писал в «Путешествии в Арзрум», что при въезде в Дарьял «клочок неба, как лента, синее над нашей головою, ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне «Похищение Ганимеда», странную картину Рембрандта. К тому же и ущелье освещено совершенно в его вкусе». В поэтических картинах Важа Пшавела, которые воспроизводят такие же ущелья и горные склоны, столь же отчетливо видна игра света и теней. Они свидетельствуют об удивительной способности поэта к живописному видению. Важа Пшавела избегал отвлеченных, беспредметных поэтических образов. Он хотел все представить в осязаемой и предметной форме. Только он умел унести печаль, как «сагзали»¹, и представить мысль так же зримо, как можно увидеть горный туман.

Каждая поэтическая картина, нарисованная Важа Пшавела, как будто сложна, но по существу всегда ясна и точна:

Лишь на окраине Хахмати,
И сиротлив и одинок,
Сквозь дверь молельни на закате
Мерцает робкий огонек:
На листьях ясеня трепещет
Его колеблющийся свет,
То вспыхнет ярко и заблещет,
То вновь его как будто нет.
Так тело борется живое
Со смертью, испуская дух.

¹ То, что человек берет с собой в дорогу.

¹ Миндия — герой поэмы Важа Пшавела «Змеяд».

Лучшие поэмы Важа Пшавела — «Бахтриони», «Гость и хозяин», «Гоготур и Апшина», «Змееед», «Алуда Кетелаури», «Этери» — открыли новую эру в грузинской поэзии.

В восьмидесятые годы, когда Важа Пшавела вышел на литературную арену, в грузинской литературе безраздельно господствовали Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели — подлинные властители дум грузинского народа. Их патриотические произведения пользовались всенародной славой, и казалось, что патриотическое чувство уже столь сильно и неповторимо ими выражено, что сказать в этой области новое слово уже никому не под силу. Но вот появился Важа Пшавела и сказал это новое слово во всю мощь своего поэтического голоса. Певец гор раскрыл тему родины по-своему, найдя для нее новые интонации и новые краски.

С наибольшей силой патриотическое чувство Важа Пшавела выражено в его шедевре — в поэме «Бахтриони». Когда Важа Пшавела опубликовал эту поэму, ему шел 32-й год. Его муза вступила уже в зрелость, и после глубокого изучения материала он как бы одним дыханием создал эту поэму, как сам он сообщает, почти без исправлений.

«Мои поэмы почти все основаны на народных сказаниях, древних историях, каждая из них — по-своему, — сказал Важа Пшавела и добавил: — Некоторые очень отдалены от содержания народного сказа, некоторые более близки».

История взятия Бахтриони вкратце описана в грузинской летописи («Картлис Цховреба»). В 1656 году иранский шах Аббас I отобрал Кахетию у царя Карталинии и посадил там правителем кизилбаша Селим-хана, который ввел в Кахетию большое войско, в крепости же Бахтриони поставил гарнизон. Грузинский историк XVIII века так говорил об этом: «Покорили Бахтриони и Алаверди и осквернили святые храмы, а в 1659 году собралась вся Грузия, соединились войска долин и гор и одолели Селим-хана, взяли крепость Бахтриони и изгнали врага из Грузии».

Об этой истории Важа Пшавела знал еще в детстве из народных стихотворений, где упоминается имя военачальника тушинов Зезва, который станет одним из действующих лиц «Бахтриони». Но толчок к созданию поэмы дали Важа Пшавела не только «Картлис Цховреба» и народные стихи, но также и известное сочинение Иоанна Батонишвили «Калмасоба», где в одном из эпизодов монах Хелашвили рассказывает пшавам об их предках, о борьбе их против войск шаха Аббаса I. По этой версии войско

шаха Аббаса после поражения больше не решалось вступить в горы, но и горцев не пускало в долины, и таким образом долины Алазани и Иори в Кахетии оставались недоступными для горцев. Поэтому три уголка горной Грузии объединились с Карталинией, враг был разгромлен и изгнан, и пастбища были возвращены горцам.

Таков вкратце тот материал, которым пользовался Важа Пшавела при написании поэмы «Бахтриони». То, что было дано в исторических источниках и в народной поэзии в виде зачатка, поэт, как он сам сообщает, переработал в «горниле своего творчества», развил, обогатил и при помощи поэтической фантазии и силою художественного слова создал монументальное, проникнутое патриотическим чувством произведение.

Важа Пшавела изображает взятие Бахтриони как народную битву, выигранную без участия феодалов. Он не отводит князьям никакой роли в деле освобождения Кахетии. В одной из своих статей поэт писал, что за проявленный героизм во время взятия Бахтриони царь пожаловал пшавам Панкисское ущелье. Эти сведения Важа Пшавела считал достаточным основанием для того, чтобы взятие крепости Бахтриони приписать одним лишь хевсурам, пшавам и тушинам.

Важа Пшавела даже в поэмах исторического содержания не любил придерживаться точности исторических хроник. Так и в «Бахтриони» подлинный исторический материал внесен очень скупно. Вернее будет сказать, что Важа Пшавела в своей поэме отталкивается от исторического материала, чтобы создать оригинальные, художественно полноценные образы.

Как уже сказано, в народных стихах о Бахтриони из героев, действующих в поэме Важа Пшавела, упомянут только Зезва. Остальные действующие лица — не исторические личности. Главный герой поэмы Лухуми не упоминается ни в одном из исторических источников. Носящий это имя герой-пшав упоминается в народных стихах хевсуров и пшавов, но в этих стихах он действует совсем в другое время и при других обстоятельствах. Изображенный в хевсурских народных стихах Лухуми, у которого лезгины отрезали правую руку, человек большого мужества, но он совершенно не похож на изображенного в «Бахтриони» мудрого и смелого предводителя рода.

Важа Пшавела в грузинской поэзии, подобно Руставели, Гурамишвили и Бараташвили, является поэтом философских устремлений. Его вдохновение всегда было слито с большой поэтической «чувствуемой мыслью», его восприятие действительности — и в стихах и в поэмах — всегда гармонирует с внутрен-

ним ладом природы, является философско-поэтическим ее постижением. Даже патриотические идеи, которые до него в грузинской поэзии имели великих пропагандистов и выразителей, находят в творчестве Важа своего рода философское обоснование.

Особенно ярко сказалось это во второй части поэмы «Бахтриони», где смертельно раненный в бою с врагами герой Лухуми исцеляется благодаря единению с родной землей, набирается жизненных сил и обретает бессмертие, вновь приобщившись к родной природе. Эта идея животворного приобщения к природе роднит «Бахтриони» с другой уже собственно философской поэмой Важа «Змееед» — ведь Миндия, нарушив свою связь с природой, теряет как раз тот дар, который обретает Лухуми, установив этот контакт. Причем в обоих случаях бессмертие и мудрость нужны героям Важа для служения отчизне, и выступая против узкого, бескрылого утилитаризма идейных противников Миндии, принудивших его к компромиссу, Важа провозглашал вместе с тем необходимость служения высоким патриотическим и гуманистическим целям. Лухуми нужна жизненная сила не сама по себе, а для нового подвига во имя отчизны. В этом философский оптимизм патриотизма Важа, выразившего свой идеал любви к родине в судьбе Лухуми:

Еще поднимется Лухуми
К Лашари, на гору свою.

В одной из своих статей Важа Пшавела передает любопытный рассказ о том, как понял один простой пшав-читатель главную мысль «Бахтриони». Этот пшав сказал поэту: «Важа, ради бога, не скрывай от меня, скажи правду, не подразумеваешь ли ты свободу Грузии, когда в «Бахтриони» говоришь: «Еще поднимется Лухуми к Лашари, на гору свою?..» Важа Пшавела согласился с догадкой своего читателя. Он полагал, что не только это произведение, но и другие его поэмы служили народным, национальным интересам, проповедывали передовые идеи. Поэмы «Гость и хозяин» и «Алуда Кетелаури» непосредственно не касаются темы защиты родины, однако автор и их считал произведениями патриотическими, потому что Гоготур, Алуда, Агаза, Джокола, борясь против отсталых обычаев общины, способствуют тем самым возрождению и возвышению родины. Именно поэтому он называл патриотическими все свои произведения, а не только, скажем, «Бахтриони», где тема любви к родине выявлена непосредственно.

* * *

Из стихотворений, поэм и этнографических статей Важа Пшавела можно ясно представить, как он был влюблен в

обычаи и нравы своего народа и в природу Пшав-Хевсуретин. Его восхищали черты характера горцев, их мужественный ратный дух, традиции дружбы и гостеприимства, царившие в горах. Он любил в праздничные дни присутствовать на соревнованиях, слушать народных певцов и сказителей, но он же открыто, непримиримо и со всей страстью боролся с отсталостью в общинном быту, с варварским обычаем кровной мести, сохранившимся в условиях родового строя, с суевериями и со всеми формами попрания человеческого достоинства, встречавшимися в общинном быту.

В поэмах Важа Пшавела «Гость и хозяин», «Алуда Кетелаури» повествуется об остром столкновении отживших традиций родовой общины и ее передовых представителей. В этих поэмах Важа отнюдь не оплакивает прошлое, не рисует драматических картин борьбы старого с новым. В этих поэмах, говоря условно, предугадан исход борьбы, которая шла между уродливыми обычаями, вырождавшимися в недрах общинного строя, и благородными помыслами лучших сынов народа.

Поводом к написанию поэмы «Гость и хозяин» послужило народное предание о некоем доблестном и мужественном хевсуре Звиадаури. В предании рассказывается лишь о том, как попал Звиадаури в плен к кистином, убив в бою одного из них. По верованию кистинов, душа убитого сможет успокоиться только после свершения кровной мести. И если мстители перед смертью заставят кровника молить о пощаде, то это означает победу мертвого. Но Звиадаури проявил большое мужество и встретил смерть, не склонив головы перед врагами.

В поэме Важа Пшавела эта история передана с удивительной экспрессией и оживлена яркими, сочными поэтическими красками.

Герой поэмы кистин Джокола благородное народное гостеприимство поставил выше обычая кровной мести. Он пошел наперекор своей общине. Опьяненная жаждой кровной мести, община попрала обычай гостеприимства и унизила человеческое достоинство Джоколы, который отказался предать гостя. С точки зрения Джоколы, такое предательство свидетельствует о том, что община сама разрушает свои высокие моральные устои, что существующие испокон века благородные обычаи и нравы вырождаются. На стороне Джоколы оказывается только его жена Агаза. Ее привлекает мужество и рыцарское поведение хевсура Звиадаури. В лагере противников Джоколы и Агазы вся община, и Агазе кажется, что сама природа, даже могилы кистинов, погибших в бою против хевсуров, борются с ней:

Она встает в смертельной муке,
Она бежит, а вслед за ней
Не мертвецы ли тянут руки
Из-за кладбищенских ветвей?
«Нет, ты не скроешься в селеньи,
Удрав от нас по-воровски!» —
Кричат ей скалы и каменья,
И остролисты, и пески...

Восстав против решений общины,
Джокола и Агаза погибают.

Важа Пшавела в поэме «Гость и хозяин» с большим душевным волнением выразил свой гуманизм. Звиадаури — отважный герой, защитник отчизны. Важа Пшавела любит мужеством человека, его рыцарской природой, его патриотическим чувством и самоотверженностью. Он сближает людей — представителей разных народов, коль скоро люди эти обладают такими качествами. Он пытается проповедывать идею дружбы между народами. Не только Джокола и Агаза, но и сами враги Звиадаури видят его внутренние достоинства. Но они подчиняются требованиям общины и скрывают в глубине души свои чувства... Тем самым поэт подсказывает вывод, что духовную жизнь народа выражают больше и вернее отдельные благородные люди, нежели закостеневшие бесчеловечные законы общины. В финале поэмы возникает картина братской трапезы трех призраков — Джоколы, Агазы и Звиадаури:

И вот среди вершин Кавказа
Мерцает зарево костра,
И снова трапезу Агаза
Готовит братьям, как сестра.
Сквозь сумрак ночи еле зримо,
В сиянии трепетных огней
Ведут беседу побратимы
О дивном мужестве людей,
О дружбе, верности и чести,
Гостеприимстве этих гор...

Они собрались вместе, чтобы утвердить братскую любовь между людьми. Они возвысились над общиной и ее жестокими законами, они сберегли чистоту своей человеческой души и протягивают руку человеку будущего.

В поэме «Гость и хозяин» Важа Пшавела борется против всех сковывающих человека традиций. Тем самым он стремится внести свой вклад в дело возрождения родного края.

Поэма «Гость и хозяин», как и все другие значительные произведения Важа Пшавела, написана восьмистопным народным «шаири». Внутренняя экспрессия поэмы и композиционная стройность делают ее подобной скульптуре, высеченной из одной каменной глыбы.

Как бы «оборотной стороной» поэмы «Гость и хозяин» является поэма «Алуда Кетелаури». Если действие «Гостя и хозяина» развивается в селе кистинов,

Алуда Кетелаури — хевсур, и поэма развертывается на фоне хевсурского поселения. Если в первой поэме кистин Джокола ради своего гостя-хевсура восстал против общины, то здесь хевсур Алуда нарушает законы рода ради кистина Муцала. Судьбы кистина Джоколы и хевсура Алуды одинаковы. Алуда тоже восстал и противопоставил себя неразумному требованию общины: род требовал от Алуды, чтобы он, согласно обычаю, отрезал правую руку у убитого врага и принес ее в село, но мужество Муцала восхитило Алуду, у него словно раскрылись глаза, он не позволил себе надругаться над человеком, даже оружия не взял у мертвого. Община возмутилась этим поступком Алуды и захотела сломить его, но Алуда оказался таким же стойким, как Джокола из «Гостя и хозяина». И даже больше — он решил принести жертву божеству для поминания души погибшего врага. Это окончательно возмутило сородичей Алуды, и он был изгнан из родного села.

И в этой поэме, как и в «Госте и хозяине», гуманизм героя рождается из культа героизма и рыцарства. Алуде понравилось бесстрашие противника, он полюбил своего врага, и эта любовь стала основой его благородства. В поэмах Важа Пшавела почти везде чувство человеколюбия и уважения к человеческому достоинству возникает на почве героических дел и поступков, и когда это высокое чувство пробуждается в Алуде, он возвышается над отсталыми сородичами и вступает в борьбу с общиной. Алуда расстается с селом, с горами, но он ни на мгновение не расстается со своими убеждениями, унося их, подобно теплу родного очага, далеко за пределы своего края. И тем самым выступает как победитель, гордо неся в поднятой руке факел своей веры и освещая путь к будущему.

По сравнению с «Гостем и хозяином» сюжет «Алуды Кетелаури» более лапидарен и прямолинеен. Драматизм здесь лишь в столкновении Алуды и общины, но и эта поэма написана как бы одним росчерком пера. Основой «Алуды Кетелаури» послужила также народная поэзия. В одном из произведений грузинского фольклора рассказывается, как хевсур Алуда победил доблестного кистина. Поэт заимствовал из этого народного предания лишь имя героя и первый эпизод поединка, но все переделал так, что в поэме осталось очень немногое от ее первоисточника. Образный строй ее и идейное содержание представляют собой совершенно самобытное явление, независимое от народного предания.

В этих трех поэмах — «Бахтриони», «Гость и хозяин» и «Алуда Кетелау-

ри» — ярче всего проявились благородные, гуманистические идеалы Важа Пшавела, вся глубина и мощь его поэтического мира, весь эпический размах его дарования.

* * *

Особое место в творческом наследии Важа Пшавела занимает «Змееед» — самая поздняя среди наиболее значительных его поэм. Из высказываний самого поэта явствует, что он придавал ей особое значение и возлагал на нее большие надежды. В своих статьях он всегда выделял «Змеееда» и «Гостя и хозяина». Поэт никогда прямо не сравнивал своей поэмы с «Фаустом», но по его замечаниям можно судить, что он считал «Змеееда» произведением фаустовского типа. Эта поэма в свое время была признана произведением глубокой философской мысли и стала предметом самых разнообразных толкований. Некоторые исследователи ставили ее выше «Гостя и хозяина», «Бахтриони» и «Алуды Кетелаури».

«Змееед» в творчестве Важа Пшавела действительно занимает важное место и является чрезвычайно знаменательным для него произведением. Поэма создана в пору зрелости поэта, и в ней обобщены результаты его глубоких философско-этических исканий. Она также построена на материале народной поэзии: поэт сопровождал ее характерным подзаголовком — «Старинный рассказ». Обширные фольклорные варианты народной легенды о змеееде были собраны и записаны после опубликования поэмы, и сейчас уже трудно судить о том, что именно дал поэту фольклор и что дала фольклору его поэма. В народных вариантах «Миндии» встречаются и такие мотивы, которые поэт обошел, которые не нашли отзвука в его поэме. Один из основных мотивов поэмы — постижение языка природы и приобщение к волшебной мудрости — встречается во всех фольклорных вариантах легенды и, по свидетельству самого поэта, заимствован им из этого источника.

В «Змеееде» Важа попытался создать поэтическое представление о гармонии, существующей между личностью и природой, и придал этой поэме сугубо общественное звучание. Приобщившись к природе, постигнув ее тайный язык, Миндия всю свою мудрость посвятил народу, интересам общества. Миндия

использует свою мудрость на благо народа, он известен в народе как мудрый советчик и самоотверженный защитник родины, проникающий во все замыслы врага.

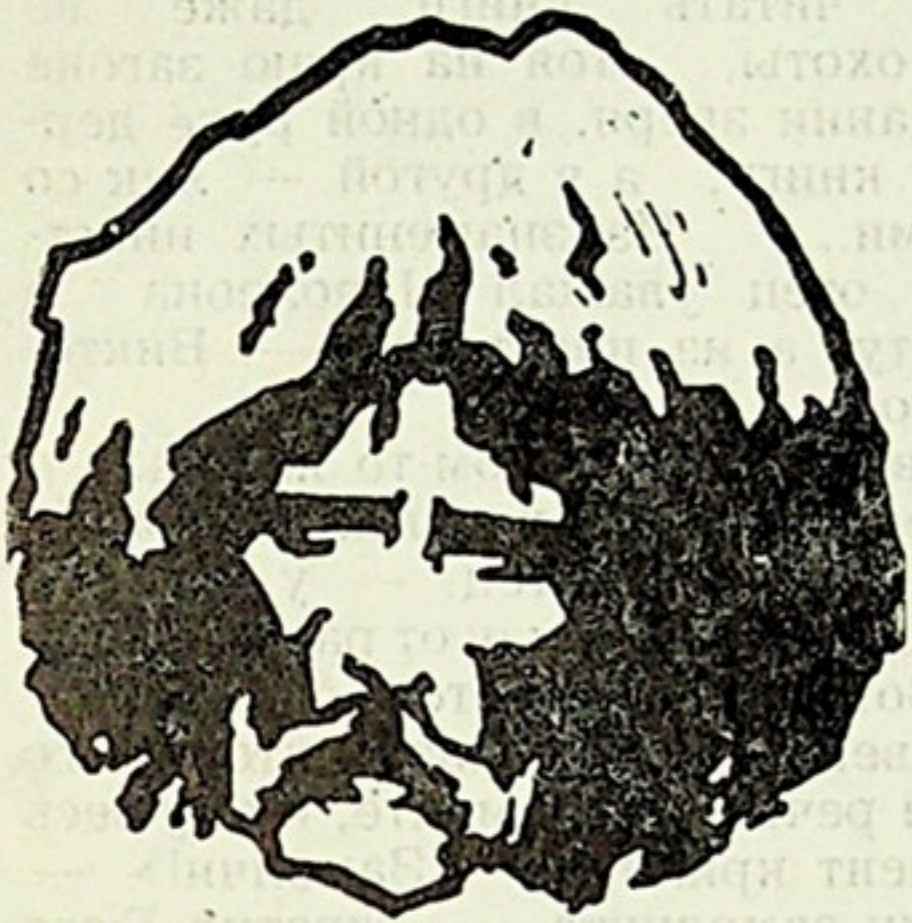
Однако семья и члены общины требуют от Миндии узко утилитарного применения его способностей — даже ценой нарушения того союза, который связывает его с природой и питает его мудрость. Люди, окружающие Миндию, все время выдвигают на первый план личные, семейные интересы. Миндия постепенно вынужден уступить им и совершает поступки, отчуждающие его от природы. Он утрачивает свою «мудрость», он уже не слышит «певучести в морских волнах», природа его наказывает — так же, как община наказала Алуду и Джоколу, преступивших ее законы. Но в данном случае как раз природа возвышала Миндию над общиной и сама община толкнула его на нарушение контакта с ней. Поэтому трагедия Миндии принимает иную форму, нежели трагедия Алуды и Джоколы: он наказан не потому, что отступился от общины, но потому, что подчинился ей, а подчинившись, стал для нее бесполезным и даже принес ей несчастье.

Миндия — центральный и вполне законченный образ поэмы. Все остальные персонажи служат лишь всестороннему раскрытию характера Миндии. Этот герой духовно близок автору, в его судьбе можно усмотреть какой-то далекий отзвук личной и общественной судьбы самого поэта.

Поэма «Змееед» своеобразное явление не только творчества Важа Пшавела, но и всей грузинской поэзии. Произведение глубоко философского звучания, оно в этом отношении может быть соотнесено лишь с некоторыми лирико-философскими стихотворениями Николая Бараташвили.

Важа Пшавела оставил большое творческое наследие. Он автор более 500 лирических стихотворений, 35 поэм, около 80 рассказов и новелл, одной пьесы и многочисленных этнографических очерков, литературно-критических и публицистических статей. Судя по некоторым высказываниям Важа Пшавела, можно предположить, что он был знаком с марксистским учением. На протяжении 35 лет он неустанно трудился как народный поэт и народный учитель и сыграл великую роль в духовной жизни своего народа.

М О Я Ж И З Н Ь



Посвящаю памяти моих родителей,
матери — Гулкани и отца Павле
Разикашвили.

Родной дядя моей матери Параскева был первый стихотворец Пшави, он сочинял сатирические стихи, и их напевал каждый пшавец. К несчастью, он был совершенно неграмотным, и потому его стихи не сохранились на бумаге, но народ хранит в своей памяти эти песни, проникнутые мягким юмором.

Неграмотной была и моя мать, хотя от природы она обладала незаурядным умом. Была прекрасной хозяйкой, добродушной, милостивой к нищим и любезной с соседями. О благотворительстве моей матери говорят до сих пор. Она так и сошла в могилу, никого не обидев.

Один факт благотворительства и сострадания к неимущим со стороны моей матери сделался даже предметом насмешек соседей, да и от отца заслужила она тогда большой упрек. Неизвестно откуда однажды в Пшави появились цыгане. Это было необычным явлением, мать моя, увидя эту гольтибу, особенно полунагих цыганят, от жалости к ним начала плакать. До этого ей ни разу не приходилось видеть цыган или слышать об их существовании. «Боже, что за несчастье видят мои глаза», — воскликнула она. И не долго думая, вынесла свои новые платья, а так как по целому не хватило бы на всех, разорвала их пополам, раздав половинки: «Вот, возьми это, пошей себе, несчастная!..» Увлеченная своим занятием, моя мать не заметила, как несколько цыган, прокравшись в дом, взломали сундук и выкрали из него четыреста рублей. Об этом стало известно лишь тогда, когда цыган уже

I
Выполняя просьбу моих друзей, я начинаю писать свою автобиографию, хотя считаю долгом вначале же оговориться перед читателем, — поделиться всем из своей жизни, что сохранилось в моей памяти, я не смогу, многое должен скрыть, о многом неудобно говорить, а тем более писать, многое же — малозначительно. Однако в написанном я постараюсь изложить все, как было, без прикрас, не преувеличивая ничего. Полагаю, что такая автобиография имеет большее значение для критика и читателя, нежели надуманная и неправдоподобная.

Итак, милостивые государи, если кто-нибудь интересуется мной и хочет познакомиться поближе, я предлагаю их вниманию следующее.

По происхождению я чистейшей воды пшавец как со стороны матери, так и со стороны отца. Мать моя с Иори¹, из сел. Схловани, из рода Пхиклиани. Там и сейчас проживают ее родственники. В своем теми², однако, Пхиклишвили назывались Габидоури.

¹ Иори — река в Восточной Грузии.

² Теми — община.

и след простыл... Возвратившись домой, отец узнал об их посещении и, как человек опытный и знакомый с нравами и обычаями цыган, тотчас кинулся к сундуку, но, увы, было уже поздно. «Что с возу упало, то пропало», — подумал он. Это известие отец привез в Телави, где в это время я со старшим братом обучался в духовном училище.

Наш дом стоял у самого края дороги, и к нам беспрерывно заглядывали проходящие мимо путники, то пшавы, то хевсуры. Мать моя не различала среди пришельцев ни богатых, ни сытых, все казались ей одинаково голодными и усталыми. «Отдохни, сын мой, наверное, проголодался с дороги!» Это были ее первые слова приветствия при встрече. Поэтому-то в нашем доме постоянно бывали гости. Должен откровенно признаться, что семья наша была зажиточная, так как отец, кроме службы, занимался еще и торговлей. В нескольких местах у него были лавки, в которых работали телавцы. Отец мой не был мотом и много раз наказывал матери: «Несчастливая, не пускай на ветер все наше добро», но все же гостей он любил. Этот невысокий человек был олицетворением неутомимой деятельности и огромной энергии. Обладатель редких способностей, он был прекрасным оратором, любознательным и начитанным. Не было ни одной грузинской книги, которую мой отец не приобрел и не прочел бы. День и ночь он беспрерывно работал, не зная сна, и не выносил, когда мы, вернувшись домой по окончании учебного года на каникулы, спали допоздна. «Подымайтесь, ребята, не проголодались разве?» — бывало, окликал он нас, с утра уже наработавшись.

— Да ляжет земля пухом всем твоим покойникам, оставь их, пусть себе спят! — замечала ему мать, и тут между ними начиналась обычно перебранка. Конечно, бранился отец, а то разве мыслимо, чтобы мать с кем-нибудь ссорилась. Где это слыхано! Скажет, бывало, она свое, затем замолкнет и покорно выслушивает упреки и замечания мужа.

«Спят?... Можно подумать, во сне обретут мужество и познают жизнь, дай бог вам здоровья! Где это слыхано, спать так долго, вон, взгляните на солнце — уже полдень», — бушевал он.

За проступки отец строго наказывал своих детей, но только лишь словами. А так он был нашим другом и товарищем, беседовал с нами на тысячу тем, которые сам и выискивал. Любил говорить о великих исторических личностях. Из всех царей больше всех он уважал Давида Строителя и с восхищением отзывался о нем: «А знаете вы, как Давид Строитель любил читать книги, даже во время охоты, стоя на краю загона в ожидании зверя, в одной руке держал он книгу, а в другой — лук со стрелами...» Из знаменитых иностранцев отец уважал Наполеона и Гамбетту, а из писателей — Виктора Гюго.

«Я вычитал в каком-то журнале о Наполеоне: когда он думал о чем-нибудь, — говорил отец, — у него загоралось все лицо, как от раскаленной печи. Вот где сказывается сила таланта человека... Как-то раз Виктор Гюго держал речь в парламенте, и ему весь парламент крикнул: «Замолчи!» — Вы сами замолчите, — ответил Гюго и продолжал свою речь, — не имеете права не дослушать меня, — сказал он. И действительно, разве не могло быть, чтобы ум одного человека превосходил умы всего парламента? В ком весь мир? — В человеке, а говорят — мал человек. И такого «богра» должна вырастить мать!

Эпитет «богра» мой отец считал величавым украшением достойных людей. В нем сочетал он великодушие, непреклонность, могущество, энергию.

Отец мой в глаза не видел школы. Грамоту он изучил в пастушестве, тайком, воровски, так как родители мешали ему учиться. Дед мой с ружьем в руках преследовал сына. Учебу он считал дьявольским наваждением. Однако, несмотря на угрозы, отец упорно продолжал учиться, писал на плоских камнях, которых так много в Пшавском ущелье. Кто бы удостоил его бумаги? Всем пшавским ущельем заправляли тогда хевисбери¹ и гадалки-кликуши. Они были полными хозяевами всего теми и держали народ в кулаке, как хотели, так и решали все дела, налоги в пользу хати² тоже определяли сами, и все это в конечном счете попадало в

¹ Хевисбери — выборная должность, воплощавшая как светскую, так и духовную власть в общинах — теми.

² Хати — икона-покровительница.

их собственный карман. Грамотность моего отца, конечно, им не нравилась, так как его ученость, кроме вреда, ничего им не сулила.

2

67005
В то время, откуда начинаются воспоминания моего детства, мой отец был уже протодьяконом в сел. Магароскари, в восьми верстах от Чаргали. Когда ему случалось бывать дома, он всегда рассказывал что-нибудь из старого завета, обучал меня грамоте по старинному методу. Бывало, присядет он на скамейку, начнет рубить мясо на доске для хинкали¹, там же поблизости на тахте подсаживаюсь и я и с особым удовольствием слушаю увлекательные рассказы из священного писания. Мне очень нравилось слушать его. Мое внимание особенно привлекали рассказы о победе Давида над Голиафом, о деяниях всесильного Самсона, о самопожертвовании братьев Маккавеев и др. Должен вам откровенно признаться, что я мнил себя всесильным Самсоном. К тому же моя мать рассказывала, что когда я родился, волосы у меня были такие длинные, что почти прикрывали глаза. Это необычное обстоятельство вскружило мне голову, и я представил себя каким-то особым человеком с необычным будущим. И потому я все сокрушался, что меня остригли.

До восьми лет я воспитывался на старинных книгах: «Витязь в тигровой шкуре», «Мзе-Чабуки», рассказы о Джимшеде (Хрестоматия Чубинашвили). Я перечитывал каждую книгу по нескольку раз.

Героические истории приводили меня в восторг, они и легли в основу моего дальнейшего творчества. Одно время я мечтал постричься в монахи, но родные подняли меня на смех и вынудили вопреки моему желанию отказаться от этой идеи.

Из рассказов матери у меня глубоко запечатлелось в памяти пережитое ею сновидение, в которое впоследствии, когда мы выросли и стали немного разбираться в науке, уже не верили, хотя мать все же продолжала убеждать нас в правдоподобности это-

¹ Хинкали — национальное блюдо наподобие пельменей.

го явления: «Тогда я еще была в девушках, не замужем, — рассказывала моя мать (постараюсь передать ее историю дословно), — спали мы с двоюродной сестрой на балконе дома в Схловани; наверное, была уже полночь, когда поднялся такой страшный шум и грохот, что казалось, разверзается земля и рушатся горы. Я в испуге присела в постели и взглянула наверх; все небо было освещено. Две золотые цепи, переплетенные между собой, спускались вниз, одна с горы Чиаури, другая же — с горы Схловани, по ним ползали, поднимаясь и спускаясь, огненные младенцы и пели чистыми, звонкими голбсами поразительно сладко — о, боже, ничего лучше не может слышать человек». Этот ее рассказ, что и говорить, оказал свое воздействие на меня, и я решил, что в судьбе моих родителей и нас, детей, принимало участие провидение...

Восьми лет я был отдан в Телавское духовное училище. Пребывание в этом училище ничего не дало ни моему уму, ни сердцу. Мои мечты и стремления никак не вязались с зубрежкой латинских и греческих фраз. Негодная система обучения не удовлетворяла мою любознательность, не давала пищи разуму, и я обратился к книгам, а их нелегко было находить. Читал я что попало, без разбору, так как руководителя у меня не было. Я читал астрономические книги и, хотя совершенно не разбирался в них, увлекался ими намного больше, чем естественно-историческими и историческими. Я витал в небесах, тогда как настоящая жизнь оставалась для меня тайной. За шесть лет пребывания в Телави плодами моего просвещения можно считать лишь заученные наизусть несколько русско-греческо-латинских фраз, знание русских былин, которые изучались нами довольно основательно, да и учитель русского языка, если не ошибаюсь, С. Рцхиладзе, обучал нас хорошо. Зато я прекрасно знал «криви»¹, тем более, что оно устраивалось по субботам, воскресеньям и в праздничные дни и для всех было доступно. Если нас не застукивал инспектор Тариелов, все бы-

¹ Криви (груз.) — спортивная игра наподобие кулачного боя.

ло в порядке, но если он, подобно урагану, настигал нас, тогда всем приходилось худо. В этом криви самым лучшим моим товарищем был сын нашего священника Шакро Магалашвили... Мы с ним жили у одного хозяина и всегда вместе участвовали в играх. Наш домохозяин, Кириле Колотадзе, причетник¹, человек старого поколения, не удовлетворился нашими фамилиями: мою переделал он на «Раза»², а Магалашвили придумал кличку «Кочаки»³; и когда я, утомленный и разбитый после криви, возвращался домой, он обращался ко мне на ломаном русском языке: «Ти, Разиков, здес, а Кочаков (Магалов) гдэ?» Должен вам сказать, что я назывался Разиковым, а не Разикашвили; возможно, я счел бы за оскорбление, если кто-либо назвал меня Разикашвили, так как в то время я высоко ценил окончание моей фамилии на «ов».

Учителя и начальники школ запрещали нам криви и строго наказывали нас. А между тем сами они заслуживали большего наказания: ведь мы играли в криви только раз в неделю, а они расправлялись с учащимися кулаками, а то и розгами ежедневно. Я лично в этом отношении оказался счастливым, так как избежал кулаков и розог: после моего поступления в школу, розги применялись лишь в течение двух лет, затем они были запрещены.

Нет ничего удивительного, что озлобление на учителей мы вымещали на других. Да и дурные примеры заразительны: учителя размахивали кулаками в классе, среди учащихся, а ведь нас определяли в школу для то-

¹ Причетник — церковный служитель.

² Раза (груз.) — досл. перевод запер или перемычка на дверях.

³ Кочаки (груз.) — катушка или бачка.

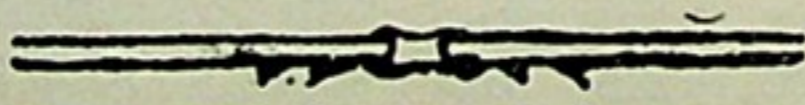
го, чтобы сделать из нас людей, а не зверей.

Для нас школа была темницей, и мы всем своим существом молили бога о том, чтобы поскорее окончить учебу и вырваться из этого кошмара. Очень несчастен должен быть тот учитель, который школу обращает в тюрьму, и тем более несчастны те, кого сажают в эту тюрьму, называя это просвещением. Наверное, сами воспитатели чувствовали жестокость старинного воспитания, о котором грузины говорили: «Корни учения горьки, но побеги становятся сладкими». Кто его знает, сказано это действительно грузинами, или позаимствовано у русских: «учение — мучение, а плоды его сладкие». Неужели учение мы всегда должны считать мучением, и не будут разработаны такие правила, которые обратят его в удовольствие?..

Десяти лет я был уже влюблен, но насколько сильна была моя любовь, настолько же нерешительна, скрытна, бессловесна. По-моему, о моей любви ничего не знала даже моя возлюбленная; я же, не видя ее хоть один день, умирал от тоски, и в каждый удобный момент устремлялся туда, где надеялся увидеть ее.

Я сам стыдился своей любви — она казалась мне преступлением. И разве я мог поведать об этом своей возлюбленной! Вскоре я вынужден был покинуть Телави. А если бы остался, как вы думаете, вышло бы что-нибудь из моей любви? Ровно ничего. По приезде в Тбилиси свое чувство к телавской возлюбленной я перенес на другую, и эта любовь очень походила на первую: «вздохи на расстоянии, терзания», — этим я и жил. И пока я не возмужал и не женился на той, которую любил, я не решался сказать ей о своем чувстве.

Перевод с грузинского
И. Арджеванидзе





საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

Рассказ косуленка

Перевод с грузинского А. Кузьмичева

I

Я еще очень маленький — и уже сирота. Судьба жестоко поступила со мной. Горькие и трудные настали для меня дни.

Я одет в тонкую, нежную шкурку с короткой шерсткой, всю усеянную белыми пятнышками. Рога у меня еще не выросли, зубы не прорезались и копытца не окрепли. А ходить мне приходится много — и все время по бездорожью. Посмотрите на мою окровавленную ногу — я расшиб ее и поранил, когда спускался в овраг, чтобы напиться воды. А сердце... У меня постоянно болит сердце. Бедная моя мама! Пока она была жива, я почти не знал никаких забот. Каждый день ощущал я ее ласку: она кормила меня, учила видеть опасность, оберегала от нее. Что ж мне несчастному делать теперь? Не пью я больше материнского молока — только росу собираю с травы утром и вечером, когда она выпадает, и кое-как убиваю в себе этим непроходящее чувство голода. И я все время чего-то боюсь, брожу один-одинешенек и каждый день жду своей смерти... Боже, сколько, оказывается, у меня врагов!

Вот вчера, например, удрученный и опечаленный, вышел я на маленькую лесную полянку, огляделся вокруг — и вдруг сверху, прямо над моей головой, послышался страшный, оглушительный шум. Взглянул я на вершину дерева, а оттуда, сложив крылья и раскрыв свой хищный клюв, ринулась на меня огромная, черная с серым, птица. Испугавшись, я отскочил в сторону, в чащу леса. Птица всей своей тяжестью шлепнулась на то самое место, где только что стоял я. Дрожь пробегает по моей спине, стоит мне вспомнить ее загнутый книзу клюв и большие, крепкие, как алмаз, когти. Упала эта птица на землю и, поняв, что постигла ее неудача, злобно затрепыхала крыльями в густой траве и колючих кустах ежевики. Повела вокруг желтыми, страшными своими глазами, увидела, что осталась без добычи, поднялась, выбралась кое-как из цепкого кустарника. А я все стоял неподалеку за толстым деревом и с дрожью в сердце следил за ней одним глазом. Спасибо тебе, родной лес! Ты очень помог мне в тот раз, ты помогаешь мне всегда, а то и шерстинки давно не осталось бы от моей шкурки. Но все равно — мне постоянно бывает страшно, и сердце говорит мне, что стану я добычей своих врагов. Ведь очень я маленький и совсем-совсем неопытный! Только неделю прожил я со своей матерью. Она помогала мне понять, кто мой враг, а кто друг. А теперь... кто же теперь научит меня этому? Оттого-то и лежу я целыми днями в густых зарослях, целыми днями от кого-то

прячусь, и лесная мошкара не дает мне ни минуты покоя. Ах, как хорошо жилось мне с моей мамой! Как легко и свободно дышалось!

Мы жили вот здесь, на этой зеленой полянке, окруженной темным оврагом. Лес укрывал нас, и нам казалось, что наше жилье недоступно для врагов. Ляжет, бывало, мама на самом пригорке, а я — рядом с ней. С трех сторон кусты и деревья, а в ту сторону, где их нет, все время настороженно смотрела мама. Иногда услышит она что-то, наострит уши — и я тоже, подражая ей, наостряю свои маленькие ушки, хоть и не понимаю ничего.

И вот однажды донесся до нас три раза подряд какой-то шум. Не был похож он ни на журчание воды в ручейке (я хорошо знаю, как она журчит), ни на возню дрозда в листве дерева, ни на стук дятла, ни на шорох сухой ветки, упавшей на землю, ни на шелест кружащихся по ветру листьев... И я заметил тогда: стоит только маме услышать этот шум, быстро вскакивает она на ноги и говорит мне: «Пойдем, сынок. Пойдем отсюда!» Бежит она, бывало, изо всех сил, и я скачу за ней следом с колотящимся в груди сердечком. Не знал я тогда, не понимал, кого она боялась. Но теперь-то я это знаю! Много, очень много у нас врагов! А ты, человек! Эх ты! Неужели не жаль тебе меня, маленького. Почему ты хочешь отнять у меня покой и свободу? Почему не даешь ты мне вольно бродить по этому лесу, топтать молодую траву, а по вечерам, остановившись на пологом лесном пригорке, наслаждаться дуновением свежего ветерка?

Поэтому очень боюсь я выходить из чащи. Даже солнечные полянки должен обходить стороной, по опушке. Да и тогда, кажется мне, лишаюсь я половины жизни. Все время гляжу я по сторонам, прячусь за деревьями, за камнями, в высокой густой траве. А доведется что-нибудь поесть — ем, дрожа от страха, стоя с оглядкой... Разве я сделал тебе что-нибудь плохое, человек? Скажи, что я сделал? В чем виноват перед тобой? Чем провинилась моя несчастная мама? За что ты убил ее и оставил меня сиротой, маленького и несмышленного? Эх, люди, люди! Вы сильны и умелы, у вас — оружие... Но о нас вы не думаете. Вы не понимаете, что и мы любим жизнь и свободу, любим землю и небо, деревья и травы, шелест листьев и журчание воды в родниках, тенистую прохладу леса и изумрудную зелень полянок. Вы не понимаете, что мы тоже хотим скакать и резвиться на солнце среди благоухающих цветов. Жестокое и злое у тебя, человек, сердце! Глаза твои налиты кровью, когда ты рыщешь по лесу, выслеживая меня и тысячи мне подобных — слабых, незащищенных, неопытных. Ты подкрадываешься со своим ружьем, как предатель, и выпустив пулю, лишаешь нас жизни, заставляешь нас всегда распрощаться с этим прекрасным и радостным миром.

2

Скажите теперь: могу ли я не бояться?

Всего лишь неделю живу я на земле, а сколько страху уже натерпелся, сколько опасностей уже видел!

Вчера был дождливый день. Моя мать, красивая, стройная, полная жизни и силы, стояла у ствола старого бука и вкусно жевала траву. Я, как всегда, был тут же, рядом, и радовался, что мама со мной, что поэтому ничего плохого не может случиться, и не вспоминал ни о своих врагах, ни о страхе смерти. С густых веток бука осыпались капли. Я подставлял под дождь свою мордочку, и он освежал и бодрил меня.

— Тебе хорошо, сынок? — спрашивала мама.

Я кивал в ответ, прыгал вокруг нее, радостный и счастливый, бросался к материнским сосцам.

Неподалеку от нас, на черном стволе сухого дерева, возился дятел и стучал своим клювом так громко, что я только диву давался: моя мама — такая большая! — но она не может шуметь в лесу так, как шумит эта маленькая пестрая птичка. Дятел суетился вокруг ствола, царапал лапками сухую кору, стучал клювом то там, то здесь, а я... Я с безмятежной радостью и любопытством смотрел на его забавную возню.

И вдруг я услышал: «Чх-и, чх-и!» Поднял голову и увидел: кружится над нами маленькая птичка-сойка. «Спрячься за меня, сынок, — сказала мама. — Спрячься, а то сойка выклюет тебе глаза». Я быстро спрятался за маму, а она, мотая головой, стала отбиваться от этой назойливой, дрянной птички.

Сойка все норовила подлететь поближе ко мне, но как она ни старалась, у нее ничего не вышло. Она оставила нас в покое, с жалостным, обиженным видом уселась по соседству на ветку бука и начала попискивать тоненьким своим голоском. И что странно: ее голос был в точности похож на мой.

Мама засмеялась тогда и сказала мне:

— Сойка очень хитрая птица, сынок. Она — опасный враг таких маленьких косуль, как ты. Увидит она косуленка — и начинает кричать тонким, скорбным голосом. Неосторожный и неопытный косуленок вторит ей, откликается, идет на ее зов, — а ей только того и надо! Налетит на него и тотчас выклюет глазки.

Дрожь прошла у меня по телу.

— Я не пикну, если услышу ее голос, — сказал я маме. — Не пикну ни за что и в тот же миг спрячусь.

— Так и делай, так и делай, сынок... Но сейчас ты не бойся, ведь я с тобой. А когда меня не будет, прошу тебя: остерегайся соек.

Ах, как плохо я еще знаю жизнь, маленький несмышлениш!..

3

Когда стало очень жарко, мама поднялась с нашей постели и сказала:

— Пойдем, сынок, к воде — попьем и освежимся.

И мы пошли. Обогнули небольшой открытый пригорок, пробрались через заросли и стали спускаться в овраг. Он был глубокий и темный, заросший высокими густыми деревьями, и лучи солнца никогда не проникали на его дно. По склону росли кусты малины. Усыпанные красными ягодами, свесили они свои головы в овраг и глядели сверху, как течет там, внизу, вода. Она журчала по гладким камням, холодная и прозрачная, падала с одной скалы на другую и разливалась в низине маленьким чистым озерцом.

Мама прошла первой и шагнула прямо в воду. А я с трудом перебирал своими ножками по камням, и у меня очень болели копытца.

— Иди, сынок, не бойся, стань в воду. В такую жару очень приятно постоять в воде.

Я боязливо ступил в маленькое озеро одной ногой и сразу же выскочил назад: вода была ледяная.

— Она очень холодная, — сказал я маме. — Я не смогу стоять в ней.

— Надо привыкать, сынок. Уже сейчас надо привыкать. Иди скорей, ничего с тобой не случится.

Я зашел в воду, мне было очень хорошо, и я стоял в ней до тех пор, пока сверху, с краю оврага, где деревья были вырублены, не послышался какой-то шум.

— Там люди,— сказала мама. — Но эти люди для нас не опасны. Женщина с ребенком. А человек-враг шумит не так. И все равно нам лучше уйти. Пойдем прямо по склону. Только на полянку не выйдем, чтоб нас не заметили.

Она пошла вперед. А я, любопытный, не выдержал — выглянул из кустов. Весь не показался — лишь высунул голову и поглядел вокруг.

— Ой, мамочка, волк! — послышался в этот миг испуганный детский голос.

— Что ты, детка! Откуда здесь волк? Где он? Покажи. Где? — спросила у малыша женщина.

— Вон там, — ребенок со слезами на глазах показал пальчиком в мою сторону. — Видишь: голова и уши торчат...

— Эх ты, глупенький! Какой же это волк! Это маленький косуленок. Смотри, какой он красивый...

— Давай поймаем его, давай поймаем! — закричал малыш и стал за руку тянуть свою мать.

— Не надо, — проговорила та. — Пусть он гуляет на воле. Ведь у него тоже есть мама. И если мы поймаем его, она будет плакать.

Я слушал их разговор, затаив дыхание. И мне было очень приятно: я впервые слышал слова, в которых была жалость к нам.

Мне хотелось знать, о чем они будут говорить дальше. Но вернулась взволнованная мама, подбежала ко мне, стала упрекать:

— Какой же ты глупыш, если веришь их словам! Не смотри туда! Идем скорей! Идем скорей отсюда! Эти люди придут в деревню, скажут о нас охотнику и даже покажут место, где нас видели. И тогда нам придется распрощаться с жизнью.

Бедная мама! Она, видно, предчувствовала, что так будет.

4

Мама прыжками стала подниматься вверх по склону оврага. Я старался не отставать от нее. И последнее, что я услышал, были слова женщины:

— Оказывается, он не один. И мать с ним.

Мы забрались в заросли белокопытника, корни которого омывала вода оставшейся после дождя лужи. Тут и там на мокрой земле виднелись следы такого же маленького, как и я, косуленка. Жара утомила нас, и мы прилегли в гуще кустарника. Широкие листья белокопытника скрывали от нас солнце и небо. Но в один узенький просвет я увидел, как вверху собираются над нами тучи, сползавшие с далеких горных вершин. Потом в небе загрохотало, зазмеились огненные молнии, и полил дождь.

Он шел сначала над пригорком по ту сторону оврага! А вскоре и вокруг нас — по деревьям, по листьям белокопытника — застучали дождевые капли. Опять сверкали молнии, и опять гремело в небе; и нам казалось, что валится на землю наш старый дремучий лес, что рушатся горы и разверзаются долины. Все живое притаилось и смолкло. Затихли птичьи голоса. Противная сойка, такая же, как и та, что хотела выклевать мне глаза, нахохлившись, покачивалась на ветке, и капли стекали по ее клюву и крыльям. Рядом с ней примостилась красногрудка — маленькая птичка-буковка, безвредная и беззащитная.

Прилетела и села на ветку ципрана¹, позвала «црип, црип». Сойка испугалась, заметалась туда-сюда с неприятным своим криком «чх-и».

¹ Ц и п р а н а — пеночка.

чх-и». А я лежал под кустом и смеялся. Ведь я думал, что сойка — самая сильная и самая страшная птица, а теперь я увидел что она за «герой».

Наконец гроза прошла. И сразу, словно в один голос, приветствуя выглянувшее солнце, запели птицы. С трав и деревьев, как слезы радости, стекали капли воды.

Мама любила гулять после дождя. Пойдет, бывало, побродить на полянку и меня возьмет с собой. Так и сейчас — решили мы прогуляться по умытому дождем лесу. Обошли по опушке полянку и направились к горам, откуда доносились нежные и грустные звуки свирели.

У подножия горы рассыпались по свежей мокрой траве овцы. Солнце уже клонилось к закату, и его лучи прощались в этот миг с вершинами гор и макушками деревьев в нашем лесу.

Возле горы сидел на большом камне пастух в бурке и играл на свирели. Рядом с ним, свернувшись в клубок, лежала собака, большая и страшная, с всклокоченной на спине шерстью. Злыми глазами следила она за отарой, а когда смотрела на хозяина, взгляд ее становился преданным и ласковым.

— Ох, сынок, в нехорошее место мы пришли, — тихонько сказала мне мама.—Пастух без ружья, он нам не страшен. Но собака! Она почует наш запах и может погнаться за нами. Пойдем обратно. И вот еще что: следи за собакой. Если она побежит в нашу сторону, спрячься в траве, а я отвлеку ее сама.

Овцы, видно, почувствовали нас, забеспокоились, стали поглядывать туда, где мы стояли. Я притаился в густых зарослях душистого горошка и не сводил глаз с собаки. Но стоило только овцам зашевелиться, собака повела ушами, принюхалась и стремглав бросилась к нашему убежищу. Пастух что-то закричал ей вслед. Я дрожал и не мог сдвинуться с места.

Собака заметила маму и кинулась прямо на нее. Но мама ускользнула и исчезла в лесу. Я остался один. Сердце мое заколотилось и словно упало. Из глаз брызнули слезы. Что я теперь буду делать? Что станет со мной, если поймает мою маму этот огромный кровожадный пес?

Я долго еще слышал шум погони, треск сучьев и шорох осыпающихся в овраг камней. Боже, неужели собака уже догнала маму и теперь рвет ее на куски своими крепкими зубами?

Наступили сумерки. Пастух собрал овец и погнал их на стойбище. А я все лежал на прежнем месте, дрожал от страха и горя и невольно следил за пастухом. Он бил овец длинной палкой, швырял в них камнями. Одного маленького барашка он стукнул так, что несчастный упал и беспомощно задрыгал своими тоненькими ножками.

Потом пастух стал звать какого-то Куршиа. Это, наверно, была кличка собаки. И правда: через некоторое время я увидел, что пес, высунув красный язык и тяжело дыша, стоит рядом со своим хозяином. Но почему у собаки такой красный язык? Может быть, на нем кровь моей матери? Мне стало холодно и страшно еще больше.

Стемнело совсем. В лесу не слышалось ни звука. Где же мама? Где она? А вдруг она не сумеет найти меня, даже если и осталась жива?

И тут до меня донесся ее знакомый голос. Она звала меня. И я сразу же ответил на ее зов.

Мама появилась из гуши леса и кинулась ко мне:

— Ты жив, сынок? Жив? Не бойся, я тоже жива... Ни собаки, ни волки не страшны мне. У меня быстрые ноги... А ты... Ты жив?

— Жив, — тихо ответил я, сам не свой от радости.

Мама приласкала меня, накормила, успокоила...

Перед кем мне теперь плакать, кого молить, кто тот всемогущий и добрый, кто вернет мне мою маму, чтобы я снова смог посмотреть ей в глаза и согреться ее лаской! Как я перенесу свое горе! Лучше бы меня убил тот кровожадный и злой человек! Зачем я остался жить? Только вчера любовался я мамой — моей радостью, моим счастьем, моей надеждой. И мог ли я думать, что завтра потеряю ее навеки, навсегда!

Всю ту ночь бродили мы по окрестным полям и больше уже ничего не боялись. Зашли в рожь и сытно, хорошо поели. А едва начало светать — вернулись в лес. О, будь ты проклят, рассвет того страшного дня!

На поляне, покрытой густой высокой травой, росло несколько деревьев черешни. Тучами кружились над ними дрозды: одни улетали, другие прилетали, носили корм своим птенцам. Вокруг стояли шум и гам.

Мама предупредила меня:

— Опасно, сынок, много ходить в такое время. Враги ищут наши следы на мокрой земле. Надо смотреть в оба.

Это было ее последнее предостережение. Теперь я понимаю: ее охватило беспокойство, словно она предчувствовала близкую свою смерть.

На маму было горько смотреть: оторвет листик с черешни и замрет, прислушиваясь, а глаза ее, затуманенные и печальные, все глядели вверх, на самый склон, где над густыми кустами терновника, стояли три белые березы.

И вдруг, будто гром небесный, прогремел выстрел. Грохочущий отзвук заметался меж гор и долин. Затрепетали листья и травы, и синий дым потянулся по зеленой мокрой лужайке.

Мама вскрикнула и упала. А я, несчастный, застыл на месте, охваченный болью и ужасом. Я видел, как она катилась вниз по склону, и темный кровавый след тянулся за ней по пестрым цветам.

Какой-то юноша в серой чохе с подоткнутыми за пояс полами выскочил из-за берез, размахивая ружьем и громко крича: «Удача! Победа!» Выскочил и бросился вниз, за мамой. А она, бедная, все пыталась встать, но падала и падала на колени, падала и опять катилась по склону.

Проклятый охотник настиг ее, выдернул из-за пояса блестящий, сверкнувший на солнце кинжал и вонзил его в горло моей маме. Хлынула кровь и алыми пятнами забрызгала вокруг траву и стволы деревьев.

Я чуть не умер, видя все это. Но что я мог сделать? Чем я, слабенький, мог помочь своей матери?

А потом юноша полоснул кинжалом по маминому животу, по сосцам, которые поили меня молоком, выпотрошил и, взвалив маму на спину, довольный ушел прочь.

Он был доволен. А я... Я упал в мокрую горькую траву и заплакал...

Ни живой, ни мертвый брожу я теперь по лесу. Брожу и плачу и только в этом все мое утешение. Со слезами обращаюсь я к деревьям и травам, к цветам и ручейкам, к горам и небу. Я плачу над лугами и над водой родников, на просторных полянках и в лесной чаще. Плачу и плачу... Но мамы у меня больше нет, и я никогда-никогда уже не увижу ее. Я сирота. Я еще такой маленький — и уже сирота. Кто завладеет мною? Кто станет моим хозяином? Чьи жестокие руки обагрят когда-нибудь и моя кровь?



საქართველოს
საბჭოთაო რესპუბლიკის

Свадьба соек

Перевод с грузинского А. Кузьмичева

Эта история произошла в огромном дремучем лесу, в стороне от дорог, вдали от деревень и больших городов. Но что за история? — несомненно спросите вы. И я отвечаю вам: свадьба соек. Сойка Захарий венчался с прекрасной и нежной подружкой своей — очень хитрой и очень лукавой сойкой Кетеван. А венчал этих двух молоденьких почтенный старый сойка Фома.

Молитвенно возвел он глаза к синему небу, светлевшему сквозь густые вершины деревьев, и торжественно возгласил: «Благослови, о господи, их вечный союз, внуши их сердцам взаимную любовь и уважение. Пусть живут они и множатся, яко рыба в воде, и да будет их потомство обильно и многочисленно, словно звезды в твоём небе. Да будет волей твоей в незапятнанной чистоте священное супружеское ложе раба твоего Захария и рабы твоей Кетеван! Аминь». Сказал так почтенный и достославный сойка Фома и возложил молодым супругам на головы благоухающие венцы из ароматных и нежных лесных цветов.

— Аминь! Аминь! — тотчас послышалось со всех сторон, зашумело и прокатилось по всей округе. И кричали это в восторге и благоговении приглашенные на свадьбу птицы: сойки и щеглы, чибисы и зяблики, красногрудки и куропатки, дятлы и чижи, голуби и горлицы и великое множество всяких других птиц, обитавших в этом темном, прохладном лесу. Гостей было так много, что приди еще кто-нибудь, ему, верно, не нашлось бы на свадьбе и места.

Прекрасную лесную полянку выбрали птицы для свадебного пира — ровную и тенистую, покрытую свежей изумрудной травой, с обилием всяких цветов. И эти цветы, раскрыв свои яркие венчики, радовались вместе со всеми, потому что они тоже были приглашены на праздник.

Скатерть расстелили вдоль чистого и прохладного ручейка, пробиравшегося тут же, на полянке, из-под земли, расставили тысячи разных блюд, десятки самых различных фруктов. Все было снесено сюда: червячки и мошки, гусеницы и бабочки, семена могучих деревьев и густых лесных трав...

Жениха и невесту почтительно усадили во главе стола на усыпанную цветами тахту, чинно, рядом, расселись все гости, и начался свадебный пир, обильный и веселый. Пили тысячи разных напитков. Рекой полилось темноалое, как рубин, кахетинское вино. Подняли бокалы за здоровье новобрачных, выпили, и каждый из гостей преподнес Кетеван и Захарию дорогой подарок. А дятел, сидевший неподалеку на старом прогнившем пне, торжественным басом затянул в этот миг добрую и красивую песню «Мравалжамиер».

— Эй ты, крикун! — зашумели тогда в один голос все птицы. — Почему ты не выпил вина? Почему обижаешь новобрачных? Иди сюда, пей!

— О, добрые люди, да продлит господь ваши дни, извините меня: я нашел здесь хорошего жирного червяка и хочу его откопать. А потом буду пить, сколько вы захотите, и уже ничто тогда не будет меня беспокоить. — Так ответил на это дятел и начал опять ковырять своим длинным клювом трухлявое, сгнившее дерево. А все птицы с усмешкою наблюдали за ним, кричали, подзадоривали:

— Да ты и не знаешь, каким ты окажешься молодцом! Но запомни, голубчик: коль не добудешь ты того жирного червяка, не спасти тебе тогда свою шкуру. Мы и куска хлеба тебе не дадим, так и знай!

Долго долбил по старому пню дятел, долго разгребал своими лапками гнилую древесную пыль — и потрудился не зря: вытянул такого длинного червя, что он был похож на кожу, сброшенную с себя змеей. Он взял червяка в клюв и, шагая торжественно и величаво, преподнес свой подарок жениху и невесте.

— Да здравствуют молодые! — закричал он громким и звонким голосом. — Да здравствует вся наша честная компания! Ур-ра!

— Ур-ра! Ур-ра! — подхватили птицы. — Молодец, дятел! Не посрамил ни себя, ни нас.

Свадебный тамада, — а был им не кто иной, как сам достопочтенный старый сойка Фома, — немедленно выпил «за хорошего доброго молодца — нашего славного дятла» и, чтобы тот на деле доказал, что он именно таков, как о нем говорят, протянул ему турий рог, полный кахетинского вина. Дятел осушил рог единым духом и небрежно бросил его обратно тамаде: смотрите, мол, сами, не добрый и не славный ли я молодец!

— И хлеб едят, и вино пьют, — недовольно пробурчал в это время ворон. — А песню затянуть никто не догадается. — И хриплым, пропиным голосом решительно затянул старинную застольную. Песню подхватили со всех сторон, она разрасталась и ширилась и стала наконец такой громкой, что загудел окрест весь огромный лес, и дальнейшее эхо зазвенело в горах и долинах. А цветы, нежные лесные цветы, слушая ее и глядя на певцов, качались на своих тоненьких ножках и покатывались со смеху.

Этот шум разбудил маленького мышонка, который жил тут же поблизости в земляной норе. Выглянул он из своего жилища, смотрел-смотрел на веселое птичье пиршество, на закуски и вина, такие обильные и привлекательные, глотал-глотал слюнки — и не выдержал, махнул лапкой: «Э! Будь, что будет!» Вынырнул из норки, прыгнул на праздничный стол и уселся на блюде с орешками, прямо перед женихом и невестой.

— Да будет нашим гостем всяк, что пришел сюда! — воскликнули птицы. — Да здравствует мышонок Пискун!

И захмелевшие гости стали наперебой твердить ему:

— Какой ты молодец, что пришел к нам, парнишка! Какой ты молодец! Славный Пискунишка! Молодец, парень!

— Будьте здоровы, будьте здоровы, дорогие мои! — растроганно отвечал им мышонок, вцепившись зубами в огромный орех и отгрызая от него по кусочку. — Живите и радуйтесь! Да не покинет вас никогда милость всевышнего! Да будет с вами вечный мир и вечное добро!

— Подать Пискуну вина! — скомандовал тамада. — Ему надо порядочно выпить, чтобы догнать нас... Подать почтенному Пискуну вина!

— Я не пью вина, дорогие гости, — пропищал мышонок. — Но я очень люблю орешки и предпочитаю их всему на свете. Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Пейте, веселитесь, пойте свои песни... Я же пока

буду забавляться орешками. И, право же, от этого не случится ничего плохого. А вина я, извините, не пью.

— Не пью! — презрительно сказал тамада и стал вдруг грозным и важным. — Что это за ответ! Когда тебя угощают, ты должен пить. Пей! Иначе мы выльем тебе вино на голову. Дятел, передай-ка Пискуну! — и он протянул турий рог с кахетинским доброму молодцу дятлу.

Тот подсел к Пискуну и начал сладко уговаривать его:

— Выпей, братец... Нельзя тебе не выпить. Это ведь свадьба — не что-нибудь! На свадьбе обязательно надо выпить. А ты все только орехи грызешь. Разве это дело? — Дятел протянул мышонку рог. — Бери, братец, бери. Отказываться неприлично, ты всех нас обидишь.

— Не могу! — упрямо повторил Пискун. — Если ты мне действительно братец, то оставь меня в покое. Не пью я вина, что ж тут поделаешь!

— Ах, значит, ты не пьешь?! — грозно поднялся над столом тамада. — Так вылейте вино этому негоднику на голову! Не выпить за жениха и невесту! За их счастье! Какая невежливость! Какая невежливость!

И взмолился тогда мышонок Пискун:

— Выслушайте меня, люди добрые! Никогда в своей жизни не пил я вина, а вы хотите приучить меня к этому. К чему такое упрямство? Вы же все умные, порядочные, спокойные. Вы все — мудрые. Неужели во что бы то ни стало надо пить вино? За здоровье жениха и невесты я с большим удовольствием скушаю вот этот сладкий жолудь.

— Заставить выпить! Заставить! Заставить! — запищали, закаркали, загоготали со всех сторон птицы. — Заставить выпить этого разбойника! Зачем он тогда к нам пожаловал, если не пьет вина и не хочет выпить за здоровье и счастье новобрачных!

— Заставить! — авторитетно подтвердил тамада.

Дятел схватил одной лапкой Пискуна за шиворот, а другой — поднес к его мордочке полный рог вина и стал насильно вливать вино ему в глотку, назидательно приговаривая:

— Знаю, знаю: коли была б твоя воля, ты и глотка не соизволил бы выпить, зазнайка, барин паршивый! Но тут на все воля тамады. Видишь, какое великое множество гостей собралось на свадьбу. И среди них нет ни одного, кто не пил бы вина. Только ты оказался таким неразумным упрямым. Пей, говорю! Смелей. Не булькай... И ты еще не хотел пить это вино? Оно как материнское молоко, байстрюк ты этакий, тварь ты такая без роду, без племени!..

С большим трудом проглотил мышонок несколько капель вина, задыхаясь и захлебываясь — нет, никакого удовольствия не доставлял ему этот напиток!

— Смелей, Пискунишка! Смелей! — подзадоривали его птицы. — Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна! Молодец, парень! Молодец!..

Приосанился Пискун, вытянул шейку, отважно бросился в единоборство с вином и выпил почти все, что было в роге. Только несколько капель пролилось на его серую бархатную шкурку.

— Куда ж ты льешь, болван! — набросился он на дятла. — Как ты обращаешься с моей драгоценной шкуркой! Разве сравнится с ней твой паршивый кошмовый хохолок!.. — Потом глубоко вздохнул, посмотрел на дно рога, где еще оставался глоточек вина, и воскликнул: — Многие лета жениху и невесте!

— Многие лета! Многие лета! — восторженно закричали птицы. — Молодец, Пискун, — все выпил! Все выпил! До дна! До дна!

Вскоре вино так разобрало маленького мышонка, что он начал петь.

песни и писком своим оглушил всех соседей. А немного спустя — пустился в пляс. За ним выскочила в круг сорока, и они вдвоем начали танцевать быстрый «Давлури» под веселые восклицания помиривших со смеху гостей.

— Уф-ф!.. Запарился! — сказал мышонок, закончив танец. По его мордочке и серой грудке обильно струился пот.

Чуть отойдя от стола, Пискун прилег, выставил свое вздувшееся брюшко к небу и блаженно засопел.

А соловей, тоже приглашенный на праздник, сидел в это время на другом конце стола, задумчивый и скучный, и грустно глядел на царившее вокруг птичье веселье.

— Соловей, прекрасный сладкоголосый друг наш, — обращались к нему соседи. — Почему ты ничего не спел нынче чудесным своим голоском? Спой нам.

Но соловей отказался:

— Разве я всегда в таком настроении, чтобы петь? Я не в духе сегодня.

Но птицы стали так умолять и уговаривать его, что у него не хватило сил снова отказать им.

— Хорошо, я спою, — сказал соловей.

И сразу затихли все гости. Влюбленно глядя на певца, затаили дыхание лесные цветы. Казалось, было слышно, как летают над праздничным столом мухи.

Соловей запел:

Слава тебе, о небесный владыка!
Слава вам, силы могучей природы!
Слава тебе, о жених,
И невесте —
Долгие годы ей, долгие годы!
Нежностью каждую розу наполнив,
Светлый венок вам любовно сплету я.
Все я вложу в него, не пожалею,
Все, что хорошего в мире найду я.
Вам поднесу его с искренним сердцем,
Головы ваши им украшая.
Сердце мое наполняя без края,
Пламя любовь зажигает чужая.
Нынче же все увенчала в округе
Ваша любовь, словно небо, большая!

Услышал эту песню бродивший неподалеку за деревьями олень. Остановился он, и разбудила песня в сердце его давнюю печаль. Видно, вспомнилось ему что-то грустное и далекое, набежали слезы на ясные, ласковые глаза его, и, вздохнув, пошел он обратно в густую чащу и скрылся в дремучей тенистой гуще леса.

А птицы стали петь все вместе, хором. Каждая пела на свой лад, но это была одна песня. Славилась в ней природа, благодать лесов и рек, неба и земли. Благодарный гимн пели ей вольные птицы.

И вдруг высоко в синеве неба показался орел, распластавший свои могучие крылья. Смолкли птичьи голоса, задрожали крылышки у красногрудок и соек, у чижей и зябликов.

— Орел, орел, — зашептали кругом. — Царь жалует на наш праздник...

Он был страшен, могучий и грозный царь птиц. В один миг он мог разнести в пух и прах всю эту многочисленную птичью стаю, собравшуюся на свадьбу соек.

— Чего вы испугались, дети мои? — ласково обратился к гостям достопочтенный пастырь Фома. — Почему вы притихли и дрожите? Разве позволит себе царь наш незаслуженно обидеть кого-нибудь из нас? Если вы согласитесь, я сию же минуту приглашу его на праздник.

Кое-кто наотрез отказался приглашать царя — редкая птица выдерживала его грозный державный взгляд. Одни гости говорили Фоме: не будем мы при царе веселиться в свое удовольствие! А другие, наоборот, одобрили его мудрые слова и сказали: пригласим царя на свадьбу, пригласим!..

Взмахнул пастырь Фома своими крылышками, взвился вверх и пролетел прямо перед царем птиц. Но тот даже не заметил его, словно была то обыкновенная маленькая мошка.

Тогда Фома снова пролетел перед царем и, сняв шапку, поклонился ему:

— Здравствуйте, ваше величество, царь наш и владыка!

— Здравствуй и ты, сойка, — важно ответил орел.

— Ваше величество, царь наш и владыка! Нижайше просим вас пожаловать к нам на свадьбу. Всею душой, всем сердцем, на коленях умоляют вас подданные разделить с нами нашу маленькую радость. И если ваше величество снизойдет до того, чтоб осчастливить нас своим присутствием, клянемся, мы так будем благодарны вам, что головы сложим за вас, ваше величество!..

— Отчего ж, отчего ж, — добродушным басом проговорил орел. — Можно заглянуть и к вам на свадьбу. Лети вперед, показывай дорогу.

Ринулся вниз, к лесу, сойка-пастырь Фома и следом за ним, сложив мощные свои крылья, устремился царь птиц. А гостям на свадьбе показалось, что само небо низвергнулось на них из бездонной выси со страшным, бросающим в дрожь свистом.

Вся птичья стая поднялась тогда в воздух и на разные голоса, трепеща крылышками, приветствовала своего могучего повелителя. И орел тоже приветствовал птиц — снисходительно и величественно.

Посадили царя во главе стола и стали перед ним, сняв шапки. Не было только среди птиц нежного соловья.

— Можете сесть, — разрешил орел своим подданным, и те уселись за стол, нерушимо соблюдая чины и титулы.

История эта случилась в понедельник. И вот люди, пришедшие в тот день в лес на работу, удивленно поглядывали вокруг, не понимая, куда это подевались все птицы, почему это не слышно их звонких веселых голосов. Не знали люди, что все птицы были на большом празднике — на свадьбе соек. Да и откуда было бы знать им об этом!..

Итак, посадили орла во главе стола и подали ему вино в турьих рогах. Царь не отказывался, пил без устали и очень скоро заметно повеселел — затянул своим страшным могучим голосом какую-то воинственную, героическую песню. И так затянул, что у всех птиц пробежала по спинкам дрожь.

— Господи, — потихоньку молили они бога. — Господи, святой отец наш! Не дай разгневаться нашему царю-владыке! Сотрет он нас тогда в порошок, уничтожит всех во мгновение ока...

Но царь и не думал гневаться. Наоборот, он стал просить птиц петь и танцевать. Но те были так подавлены его величием, так дрожали от страха, что даже сами не понимали, что это такое с ними творится.

Тогда орел, чтобы развеселить и ободрить подданных, приказал играть в дудуки и бить в барабаны. Царское повеление было исполнено в тот же миг. Царь стал приплясывать под музыку и своими могучими лапами вытоптал вокруг себя все цветы.

Играли дудуки, гремели барабаны, но опять никто не осмелился танцевать. И первым решил пуститься в пляс мышонок Пискун. Он так лихо танцевал лезгинку, так быстро и ловко ходил вприсядку, что поднятая им пыль затмила синеву неба.

Один раз, увлекшийся, разгоряченный танцем, он даже перепрыгнул через голову царя. Владыку сильно разгневала такая непочтительность. Но он был птицей воспитанной и не стал портить праздника — только так взглянул на разошедшегося мышонка, что тот замер на месте и от страха чуть было не испустил дух. От одного царского взгляда он умереть не умер, однако уже больше ни на что не был гожен — уполз в тень под густое дерево, тихонько лег там и накрылся сухим осиновым листиком.

А среди птиц смелее и независимее всех держал себя дятел. Подвыпил он изрядно и, несмотря на присутствие владыки, так горланил песни, что содрогались вокруг деревья и скалы. Дятел настолько осмелел, что стал придираться к самому царю.

— Ну кто тебя сделал нашим царем? — презрительно спрашивал он. — Когда это мы тебя выбрали? Ты самозванец!

Птицы пытались утихомирить его:

— Да замолчи ты, парень! Ты уже и так дошел до наглости. Замолчи! Ты понимаешь, что говоришь?

— Не замолчу — и все! — куражился вконец захмелевший дятел. — Почему это я должен молчать? А вы... Эх вы! Разве вы люди! Ведь в глубине души вы сами ненавидите этого царя, а в лицо ему сказать боитесь. Трусишки! Настоящее мужество — это говорить правду в лицо!..

Орел только посмеивался над пьяным дятлом, поэтому птицы решили наказать крамольника сами — проделали ему в клюв скрученную травинку и этой же травинкой привязали буяна к дереву. Загрустил дятел, притих, но понять, за что же его наказали, так и не понял.

А пока птицы совершали свою экзекуцию над дятлом, к праздничному столу тихо подкралась лиса. Она долго высматривала с опушки поляны лакомую добычу, терпеливо дождалась, пока все захмелели, и теперь решила, что пробил ее час. Лису заметили, когда она уже хотела схватить жениха и невесту. Поднялся крик, шум, гомон, вопли. И только орел не растерялся и не испугался. Он бросился на лису, вонзил в нее свои когти и клюв — и со злодейкой было тут же покончено. Птицы летали вокруг поляны, щебетали, кричали. А внизу остались только трое: орел, привязанный к дереву пьяный дятел да страдавший от вина Пискунишка: услышав шум и перепугавшись, он быстро юркнул в свою норку.

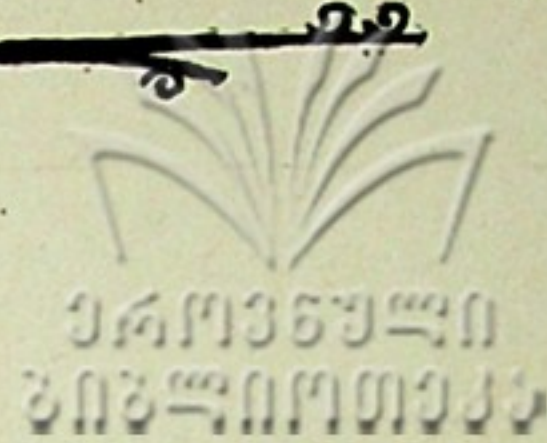

Царь птиц освободил дятла от пут и сказал ему:

— Ты был сегодня пьян и глуп, и поэтому я прощаю тебе твою дерзость. Но если ты осмелишься говорить такое впредь, то смотри — не сносить тебе головы!

Сказал — и стрелою взлетел в синее небо и долго кружился еще над тихой лесной полянкой, где птицы так весело отпраздновали свадьбу соек.

А юные новобрачные — Кетеван и Захарий — укрылись в густом дремучем лесу. В ласках и радости провели они этот день, а вечером, когда зашло солнышко, счастливые и спокойные, заснули рядышком на ветке старого бука.





ГОРЫ СПЯТ

Перевод с грузинского Н. Заболоцкого

В ущельях сгрудилась мгла.
Как братья, заполнив просторы,
К телам прижимают тела
Вечерние темные горы.
Луны опечаленный лик
Глядит из нахмуренной тучи,
И плещет в ущелье родник
И плачет о чем-то певуче.
Вот всхлипнул он, тяжело дыша,
Откликнулся эхом несмелым
И смолк... И как будто душа
Рассталась с измученным телом.

Росой освежая листья,
Дохла прохлада тумана
И вниз потекла с высоты,
Скитаясь в горах неустанно.
И в этих извилинах мглы
Укрылись орлы и орлицы,
И с ними на ложе скалы
Замолкли и прочие птицы.
Сидят они, клюв опустив,
Безжизненны, серы, понуры...
С высокой горы под обрыв
Бесшумно спускаются туры.
Здесь черною шалью ночей
Закутано горное горло,
И отблеск последних лучей
Туманное небо простерло.

Погасли пастушьи огни,
Ни конь не мелькнет, ни прохожий,
Лишь дикие звери одни
У каменных воют подножий.
На башнях дозорных застав
Нигде не видать караула.
Не виден по вмятинам трав
Разбойничий след из аула.
Один только звездный хорал
Доносит напев колыбельный:
«Привет вам, скопление скал!
Да сгинет ваш недруг смертельный!
Когда бы погибли и вы
В години суровые эти,

До нас не дошло бы молвы
О том, что творится на свете!»

Вот души усопших земли
Сквозь горные движутся щели,
И звезды померкли вдали,
И горы вокруг потемнели.
Найду ль я дорогу? Навряд!
В горах по ночам страшновато,
Они же без просыпу спят,
И в мире им нет супостата.



ИХ МЕЧТАНЬЯ — СЧАСТЬЕ НАРОДНОЕ

Перевод с грузинского В. З в я г и н ц е в о й

Волокла судьба меня волоком
И до этих дней дотащила.
Хоть немало яду мной выпито —
Не горчит в душе, как горчило.
Слабый свет надежды мерцающей
Стал светлей дневного светила;
Ослабел дракон издыхающий,
Пивший издавна кровь народа.
Выпрямляю спину согбенную,
Новый день принесет мне годы,
Почернеют седины заново, —
Не сломили меня невзгоды.
Заживают раны сердечные,
Оживает мечта святая:
Цепи рабства спадают, рушатся,
Светит разум, тьму побеждая.
Да поможет бог освещающим
Темноту неправного края,
Погибающим ради ближнего!
Разве скроет земля в глубинах
Руки смелых, доблестных витязей,
Заступившихся за безвинных,
Приложивших бальзам целительный
К ранам тех, что на голых спинах
Волочили связки терновника.
Разве могут истлеть в могиле
Те, кто страждущих, обессиленных
Призывали вспомнить о силе,
Окрылили нас — обескрыленных.
Дай им бог победить в той схватке!
Их мечтанья — счастье народное,
Их закон — закон справедливых,
Он таким навеки останется.
Урожаем взойдут на нивах

Семена, что ими посеяны.
Их бессмертье в сердцах счастливых.
Их делам, их гордому знамени
Благодарное славословье!
Память светлая, память вечная,
Их борьбе, окропленной кровью!

1905



НЕ ТОТ ГЕРОЙ, КТО...

Перевод с грузинского Л. Пеньковского

Не тот герой, кто храбр и тверд,
Когда с ним рядом трое, —
Лишь в том, кто стоит сам троих,
Живет душа героя.

Душить того, кто побежден,
Не есть героя свойство, —
Спасти того, кто был другим
Удушен, — вот геройство!

Не доблесть — милости снискать
У палачей в коронах,
А доблесть — ринуться в борьбу
За счастье угнетенных.

Не доблесть песнопевцем быть,
Когда ты сыт по горло,
И мнить избранником себя,
На нас взирая гордо.

Поешь, бахвалясь, и другим
Петь не даешь при этом.
Пой, голоден и бос, тогда
Сочту тебя поэтом!

ЧЕРНАЯ ТУЧА

Перевод с грузинского Ю. Вронского.

Солнце выплыло на небо,
Солнце землю озарило,
Тварь живую, мертвый камень —
Всех любовью одарило.
Все земное просияло
И восславило светило.
А в горах лежала туча
И чернела, как чернила.
Не по нраву ей, угрюмой,
Песнопение такое.
Ледяное сердце тучи
Жаждет стужи и покоя.



Для нее чужая радость
Обернулась злой тоскою.
И она прогрохотала:
— Вот взлечу я, словно птица,
Да по небу распластаюсь,
Ах, как солнце разъярится!
Это око золотое
Ослеплю я черным цветом!
Вот тогда и наслаждайтесь
Солнечным теплом и светом!
Поползла лучам навстречу,
Мокрый след пробороздила,
И угрюмо лоб нахмутив,
Путь лучам загородила.
Солнце вспыхнуло от гнева,
Поглядело взглядом жгучим,
И полки лучей послало,
Пламенем окутав тучу.
Туча бьется, не сдается,
Хоть и чувствует усталость,
И чернеет все сильнее,
Чтобы солнце испугалось.
Но угрюмой черной туче
Эта битва не по силам,
Нет, не стоило, пожалуй,
Связываться со светилом!
Туча тает, уползает
В горы, к ледникам унылым.
Солнце вновь стоит на небе
И пылает жарким горном,
Дарит свет степным просторам
И глухим ущельям горным.
И возносится повсюду
Радостное песнопенье —
Победителю ненастья
Шлет земля благословенье.

ГОРА И ДОЛИНА

Перевод с грузинского Н. Заболоцкого

Почему глядишь высокомерно
На долину, гордая гора?
Потому что ты крута, наверно,
А она полого и пестра?
Подымая льдистые вершины
И сверкая снежной сединой,
Ты гордишься чащами калины,
Горными цветами и травой.
Но взгляни в долину, на дорожки,
На сады, что зреют впереди, —
Это ль не жемчужные застежки

На расшитой золотом груди?
Иль тебе и розы не по нраву,
Иль тебе плоды не по нутру,
Или кахетинского на славу
Ты не хочешь выпить на пиру?
Не тебе ль сестра она родная —
Та долина, полная плодов?
Кровь героев рдеет, орошая
Эту зелень пастбищ и садов!
К ней стремятся, полные форели,
Реки, упавая с высоты,
На ее фундаменте доселе,
Укрепясь, владычествуешь ты.
Нет, гора, не следует гордиться
Перед той, с кем связана всегда, —
Стоит ей сквозь землю провалиться,
С ней и ты исчезнешь без следа!



ЗАВЕЩАНИЕ

Перевод с грузинского Н. Заболоцкого.

Не нужно жаловаться, дети,
На то, что много разных дел
Не довершили мы на свете
И вам оставили в удел.
Увы, наш век был веком чувства,
Мы жили горестью одной,
И не познали мы искусства
Спасенья родины больной.
Неподходящий для геройства
И неподатливый весьма,
Наш век губил живые свойства
Людского сердца и ума.
Бараташвилевский Мерани
Теперь вам грезится опять,
И снова нас томит желанье
О судьбах Грузии узнать.
Ужель мой стих, облит слезами,
Погибнет здесь, в родном краю?
О, если б крикнули вы сами
В могилу тесную мою:
«Забудь, поэт, свои печали,
Загробных слез своих не лей:
Сыны отцов, мы тоже встали
За дело родины своей!»



Д у м ы

Человек должен думать, так как думать не запрещено: думать — это одно, а делать — другое, разница здесь большая. Упаси боже, чтобы мысли карались законом, — из тысячи один решился бы тогда думать, а девятьсот девяносто девять уподобилось бы тем застывшим и онемевшим каменным глыбам, которые так безотрадно глядят с пригорка напротив моего дома. Вот уже сорок лет смотрю я на эти глыбы, да и куда от них деваться? Ведь они — это первое, что бросается мне в глаза каждый раз, как я выхожу из дому. Ни разу за все время они и словом не обмолвились... Ужасно!.. Но я терплю, ибо знаю — как ни старайся, камни не заставишь заговорить.

Иной раз злюсь я, ей богу, а потом начинаю рассуждать за них — потому что очень хочется, чтобы они заговорили. Вот и обманываешь себя. Со мной происходит то же самое, что некогда произошло с одним хевсуром: приснилось ему, что побратим дарил ему французский булат, а он отказывался: — «Нет, этот мне ни к чему, мне лучше дамаский». Да так громко отказывался, что собственный крик разбудил его. Проснувшись же и поняв, что булат потерян, он долго не мог успокоиться, бил себя в грудь и по голове, а потом в надежде увидеть тот же сон и забрать хотя бы этот булат, взял и уснул снова. Но увы! Сон не повторился... Что ж, обманывать себя, пожалуй, не так уж плохо, если это доставляет удовольствие, но какая от этого польза — судите сами; умный человек не станет тешить себя обманом, а постарается найти желаемое в действительности.

— Действительность — это еще что такое? — спросите вы.

— Не что иное, как то, что все мы воочию видим и слышим. Действительностью следует считать и то, что чувствуем мы от виденного и слышанного. Следовательно, действительность — наша жизнь и ее условия, те, кого мы видим, с кем так или иначе общаемся, и сама окружающая нас природа! Действительность и то, что мы, грузины, являемся нацией. По этому поводу мы не сможем сказать ничего такого, что не было бы уже сказано или кем-то из нас,

или иностранцами. Справедливо и действительно и то, что у нас, грузин, нет такого порока, которого не было бы у других наций; однако право этих наций на существование и счастливое будущее не отрицает и не ставит под сомнение ни один здравомыслящий человек. Мы же, отчаявшись в настоящем, подозрительно, недоверчиво относимся к будущему.

Говорят, что грузинская нация состарилась... Разве можно считать эту мысль плодом ума и знаний?

— Разумеется, нет. Так что или кто повинен в этом?

Во-первых, человек часто слепо верит тому, что вычитает в книге, во-вторых, превратно понимает ту или иную высказанную в ней мысль. Французский философ Огюст Конт, сравнивая жизнь наций с жизнью человека, утверждал, что нация проходит те же периоды, что и человек, начиная со дня своего рождения, то есть детство, отрочество, юность и так далее. Однако Конт не говорил нигде, что для всех наций обязательны и неизбежны старость и смерть. И даже если Конты, Канты и Спенсеры скажут вдруг глупость, — ибо они люди, а людям свойственно ошибаться и заблуждаться, — неужто, мы должны принимать все исходящее из их уст за чистую монету? Разве не ошибался Спенсер, когда отождествлял в своих «Основах социологии» человеческий организм с общественным, и пытался тем самым оправдать буржуазно-монархический строй? Но ни один здравомыслящий человек не принял эту версию за чистую монету. Наконец, Спенсер в другом своем сочинении — «Развитие политических учреждений» — сам же отверг эту мысль.

В старость и смерть наций могут поверить только те, кто видит вне действительности — какую-то незримую, сверхъестественную силу, которая не существует ни на земле, ни в небесах и которая, якобы, витает в пространстве времен или написана где-то в книге; почему мы не должны быть твердо уверены в том, что нация будет вечно жить и не умрет, пока условия ее жизни благоприятствуют этому? Нация, которая хорошо осознает это, будет за-

щищать и оберегать свои жизненные прага, будет вечно живой, полной сил и энергии, счастливой, никогда не состарится и не умрет. Нам могут возразить, что состарилась и пала даже Римская империя. Да, это верно, но ведь не кто-нибудь другой состарил ее, она сама состарилась и обессилила себя.

Со всякой нацией произойдет то же самое, если она не борется за создание благоприятных условий жизни, или — если имеет их, — не хранит, не держится за них.

Сейчас это бесспорно, ясно, как солнце.

Какое же мы, интеллигенция, имеем право так бездоказательно выносить нашей полной сил нации приговор столь несправедливый?! Прежде чем характеризовать и судить кого-либо, надо глубоко узнать, изучить его хорошие и дурные стороны, обстоятельства, его окружающие, и только в этом случае приговор может быть справедливым, реальным. Но для вас, видимо, эта истина вовсе не обязательна.

Если глубже вдуматься в эту нелепую мысль, докопаться до ее корней, то можно найти причины, породившие этот приговор. Вот и докопались. И знаете, какие недовольные возгласы доносятся оттуда? Столько, мол, мы, интеллигенты, трудились и все втуне, так и не смогли открыть глаза грузинскому народу... Каждый из нас склонен думать, что свершил много хороших дел и, что однако, они не дали никаких плодов, и, мол, если б столько трудиться в какой-нибудь другой стране, можно было осчастливить и себя и ее. Видите, где кроются причины этого незаслуженного приговора!

Однако же спросим себя: что мы, грузинская интеллигенция, сделали для родины, что дали народу? Я лично скажу откровенно — ровным счетом ничего. Интеллигенция не смогла научить народ даже тому, что Грузия — это еще не весь «род христианский», разъяснить ему, что такое Отечество, Родина... Где-то, на доброй почве создаются общества и если там появляется желчь, то знайте: дело не обошлось без интеллигенции. Истинная сущность нашей интеллигенции проявляется и в том, что, благодаря ее стараниям выходит достаточное количество газет и журналов, однако их никто не читает, да и как читать, человеку, не знающему грамоты? Вот как мы просвещаем нашу страну!

О нашей кипучей деятельности говорит и тот факт, что столь громкой литературной шумихой мы смогли набрать самое большее — 1.500 читателей (из трех миллионов грузин), да и те, наверное, в большей или меньшей степени являются интеллигентами.

Между тем, простой народ, истинная сила нации, страны, остался вне нашей сферы — мы не можем довести до него наш голос.

Сидим мы в кабинетах и бьем себя в грудь: «Эх, пропали наши заботы, не оценен наш труд!» Увы, — увы! С нашей интеллигенцией происходит то же самое, что произошло бы со мной, обратись я с просьбой: дорогие друзья, как можно скорее да и подробней сообщите мне о Марсе!

Думаете, наша интеллигенция больше знает о какой-то планете, чем о своей стране, о своем народе? Достаточно ли этого для интеллигенции? Разве нельзя требовать от нее большего?

Сама наша жизнь уже требует единой программы, единого плана действий. Однако до сих пор мы не смогли осознать и толком понять это. Покуда мы не узнаем в достаточной мере жизнь и запросы нашего народа, наша интеллигенция не сможет выработать единой программы действий, не сможет избавиться от мысли, что одряхла и близка к смерти грузинская нация, и не будет конца ее упрекам грузинскому народу за равнодушие и неорганизованность. Если спросят меня, как человека более или менее знающего наше простонародье, его жизнь: кто добросовестнее исполняет свое призвание, свой долг — самый нерадивый крестьянин или гордящийся собой интеллигент, я отвечу — крестьянин! Боже упаси отрицать тем самым просвещение, никоим образом, но это — так, и ничего не поделаешь!

Почему — вероятно, спросите вы.

Потому, что этот самый крестьянин не щадит своих знаний, опыта и сил, не разгибая спины работает с утра до ночи, чтобы прокормить семью, справиться с тысячами других забот. Он чист пред собственной совестью — прилежно делает то, что умеет, удовлетворяет свои потребности, как находит нужным, действует сообразно своим мыслям и убеждениям. Все это и делает его полноценным человеком.

А наш интеллигент? Сколько грешит он перед собственным богом, перед собственной совестью, грешит мыслями и чувством, — не важно, по каким причинам, важен факт, что он грешит, врет, хотя сам он прекрасно понимает это, не отрицает, часто даже пытается оправдать себя, ссылаясь на время и обстоятельства... У него больше мыслей, сильнее чувства и возвышеннее идеалы, но он не в состоянии сделать и тысячной доли того, что чувствует, переживает. Для сознательного человека это невыносимо, это угнетает его дух, превращает его в неполноценного, несчастного, недовольного жизнью человека, в пессимиста.

Остановлюсь на этом и предоставляю вам, читатель, возможность установить остальные различия между интеллигентом и простолюдином. И не забывайте, что последний является творцом материального богатства нации, защитником Отечества, Родины. И если не доставить ему огня, он сам не пойдет в город искать его, а обойдется оставшейся от предков копилкой. Отдав в школу сына, этот самый простолюдин не подумает о том, чему и на каком языке будут учить его сына... Язык, родина, — он постигает их чутьем, а не разумом, поэтому он не в состоянии быть хозяином ни того, ни другого... Если в один прекрасный день сын его, окончив школу, возвратится таким грамотеем, что, совершенно забыв грузинский язык, начнет бойко изъясняться на иностранном языке, такое просвещение сына беспокоит его тем, что он не сможет понять, о чем говорит сын. Он не задумается над тем, какие последствия может иметь такое воспитание сына, он будет даже рад, так как по крайней мере соседи скажут: «Глянь-ка, у нашего Деметре, сын какой ученый, даже по-грузински говорить разучился». Быть может, кто и не поверит мне, на то, конечно, их воля; но я считаю своим долгом рассказать о том, что я видел и слышал лично. Да, Деметре уверен, что грузинским детям не обязательно учить грузинский, ибо не стоит даром терять времени на то, что уже знаешь, — но вовсе не потому, что он не любит свой родной язык! Все это

плод невежества народа, и немалая доля вины в этом ложится на нашу интеллигенцию.

Что вы дали народу, чего вы требуете от него? Тот опыт, те знания, которые завещали крестьянину предки, он свято чтит и применяет где надо: где приживается лоза — возделывает виноград, где позволяют условия — занимается скотоводством, сеет и выращивает хлеб на отвесных, каменистых склонах. Он не боится и не избегает новшеств, коли видит пользу от них.

Несчастный, он многого не знает, наш крестьянин, в особенности того, чем мог бы заслужить наши симпатии — духовных устремлений интеллигенции, ее идеалов...

Не одно лишь дворянство является силой нации — пусть даже оно, от мала до велика, проникнется передовыми мыслями и идеалами, будет действовать сообразно им — все равно, если его не поддержит народ, оно не сможет сделать ничего выдающегося...

А что делают наши священники? Ведь в Грузии нет села, где бы не было священника, и трудно поверить, чтобы настоящий священник не смог собрать пять-шесть учеников, пробудить в них интерес к книгам, чтению газет, помочь разобраться в окружающем.

Мы этого не видим, да и можно ли увидеть то, чего нет вообще?

1901 г.

Перевод с грузинского Л. Гагуа



В архиве известного русского поэта и переводчика Николая Заболоцкого недавно был найден перевод главы из поэмы Важа Пшавела «Гиглия». Мы впервые публикуем эту интересную работу Н. Заболоцкого, так много сделавшего для ознакомления русского читателя с творчеством гениального грузинского поэта Важа Пшавела.

Важа Пшавела

Г И Г Л И Я

Перевод с грузинского Н. Заболоцкого

М а т ь

К чему торопиться, сынок?
Поешь, коли едешь в дорогу!
Поднявшись на горный отрог,
Нагонишь ты их понемногу.

Г и г л и я

Нет, матушка, ждать недосуг!
Не к свадьбе идет подготовка.
Куда это сгнули вдруг
И шашка моя и кремневка?
Нигде рукавиц не видать,
Не видно щита боевого...
И кто это выдумал, мать,
Чтоб Гиглия мстил за другого?

М а т ь

Ах, если б при жизни моей
Не знала с тобой я печали!
Сюда из знакомых людей
Один лишь заехал Мквирали.

В кольчуге, на Лурдже верхом,
Не спешился он под чинарой,
И лишь о здоровье твоём
Спросил в разговоре с Тамарой.
Тебе он велел: «Поспеши,
В Ахади скачи попроворней,
Чтоб там ни единой души
Не смело пробраться в Сокорне.
Я буду их ждать по пути
В Селеко, на дальнем отроге.
Лезгинам придется идти
По той или этой дороге.
С собою они повезут
Дочь Годердзи — юную Тину.
Коль встретишь насильников тут,
Прицелившись, бей по лезгину!»

Г и г л и я

А где же плутовка-сестра?
Ее это глупые шутки!

М а т ь

Она тебе чоху с утра
Ткала, пропадая в закутке.

Г и г л и я

Мне нужно немедленно в путь.
Пойди, образумь ее, дуру!
Успеть бы в горах завернуть
В Хошару еще и Матуру.

М а т ь

(уходит к Тамаре)

Не ты ль, моя дочь, унесла
У Гиглии все снаряженье?

Т а м а р а

Я брата спасаю от зла!
Мне было о том сновиденье!
Все небо на нас упадет,
Убьют его нынче лезгины!

М а т ь

Но парня осудит народ!
Ведь трусость — позор для мужчины!
А что тебе снилось во сне?
Пророчица тоже какая!

Т а м а р а

Привиделось, матушка, мне,
Что солнце зашло, потухая,
И брата в разбитой броне
Застигла судьбина лихая.
И вот покосился наш дом,
Безлюдный, пустой, одинокий,
И вороны, рея кругом,
Кричали в печали глубокой.
Я плакала около скал,
По брату грустя, голосила,
И конь наш у берега ржал
И Гиглию кликал уныло.



М а т ь

Неясен твой сон, и для нас
Не может служить он помехой,
Ведь Гиглия тысячу раз
Сражался и был нам утехой.
Боец потому и боец,
Что шашка при нем для расплаты.
Что делать, коль пшавов вконец
Изводят враги-супостаты?
В Ахади лезгинская рать
Хватает невольников снова
И реками крови опять
Залить нашу землю готова...



В архиве Важа Пшавела сохранились неопубликованные материалы. К ним относятся две помещенные ниже публицистические статьи — «Что называется свободой?» и «Что такое свобода?». Статьи эти были найдены и подготовлены к публикации Ш. Гозалишвили. Обе статьи представляют собой автограф Важа. Они не датированы, но несомненно написаны после революции 1905 года, не ранее второй половины 1906 года.

Важа Пшавела

Что называется свободой?

Когда арестовывают нашего знакомого или родственника, мы идем его навещать, как навещаем больного. И говорим при этом: «Ах, какая беда с ним приключилась!» Но почему? — Потому, что у человека отняли свободу, отняли радость и дали страдание. Свобода и счастье — это одно и то же. Человек, лишенный свободы, становится глубоко несчастным: он ест и пьет не по своей воле, ему не разрешают одеваться так, как он хочет, видеть того, кого он любит, заниматься делом, которое он любит. Он не может слово сказать, шагу ступить так, как ему хочется.

Человек под арестом превращается в раба. И мы, входя в его положение, жалеем его. Что же можно сказать, когда под арестом — целое общество, нация, государство? Зверь или птица, попав в неволю, всеми силами стараются вырваться на свободу, убежать, и, если это не удастся, умирают от тоски. Примеров тому бесконечное множество. Пусть в неволе за ними прекрасно ухаживают, вдоволь кормят и поят, предоставляют отличное жилье, — несмотря ни на что, их тяготит неволя. Они с радостью променяют сытный корм, который им подают наготове, на пищу, добытую пусть даже с риском для жизни, но своим трудом, на воле. Холод и зной им нипочем, им нужна только свобода; жить, двигаться по своей воле — это главное и необходимое. Вот как сладостна свобода!

Человек от рождения свободен. Понаблюдайте за грудным младенцем, как вольны его движения, когда, освобожденный от пеленок, лежит он на постели. Как он тянется за всем, что видит и слышит; как он размахивает ручонками и ножками, сопротивляясь, когда мать пеленает его и укладывает в колыбель. Лишь воля старших заставляет его лежать смиренно и затаить это неумемное стремление к свободе...

Но вот ребенок вырастает, в нем просыпается сознание, и тогда, кроме старших в семье, появляются у него другие

старшие — общество с бесконечными законами и обычаями, взглядами, канонами, в числе коих множество никчемных, а порой и губительных для человека, ограничивающих его свободу, заглушающих его здоровые суждения. Родители, общество и негодные школы с детства приучают человека к тому образу мыслей, который подавляет, душит его сознание, прививает вредные для жизни взгляды, идеи, приучает к повиновению, покорности, терпению, убивает в нем любовь к свободе. Так и становится человек кровным врагом природы. Вместо того, чтобы сохранять бесценное сокровище — чувство свободы, дать ему верное направление, пестовать его, — родители и общество всеми силами стремятся задушить, уничтожить, вырвать его с корнем из сердца человека.

Общество не сознает, что становится кровным врагом самому себе. Так человек рубит ветвь, на которой сидит, сдирает кору с дерева, не понимая, что ветви высохнут, а с ними, рано или поздно, и само дерево, ибо, лишенное коры, оно не долго продержится.

Да, общество, члены которого воспитаны в рабстве и не любят свободу, не стремятся к ней, не борются за нее, такое общество — все равно что сухое дерево. Оно топчет свое счастье и становится гнездом всяческих несправедливостей. Угнетенные и угнетатели, ограбляемые и грабящие тотчас появляются в этом обществе, и между ними завязывается борьба. Ныне мы — свидетели и участники такой борьбы. Часть общества (класс), лишенная счастья, борется с другой частью, присвоившей его счастье, его свободу и имущество. Угнетатели до сего дня живут привольно: деньги, земля, фабрики, заводы, дома — все захватили они в свои руки. И все это приобретено путем обмана, насилия, путем лишения свободы других людей. Сегодня угнетенные ощутили и осознали эту несправедливость, у них открылись глаза, в сердцах их проснулась любовь к свободе; сегодня они говорят: верните нам похищенное счастье!..

Свобода — отнятое угнетателями (меньшинство) у народа (большинство) счастье. Арест мучит отдельного человека, неволя убивает птицу и зверя, — понятно, что лишение свободы не может облагодетельствовать общество, которое суть не что иное, как собрание многих людей. Когда страна порабощена, лишена свободы, — она заключена в тюрьму. Разве достаточно иметь возможность лишь выйти погулять, когда захочется, петь, играть, взять в жены ту женщину, которая нравится и которой нравишься, — и при всем том не иметь самого насущного для жизни — не иметь земли? — Она, земля, — здесь же, перед тобой, но хозяин не разрешает тебе ее вспахать. Хозяин, у которого тысяча таких же участков земли!

Человек, который не любит себя, — враг свободы. Но самолюбие бывает двойное: ложное и сознательное. Ложное — это когда человек заботится только о себе; было бы мне хорошо, думает он, а для остальных — хоть трава не расти, было бы только у меня право притеснять других, а они бы не имели возможности защищаться. Человек с ложным самолюбием стремится безнаказанно и безответно оскорблять достоинство другого, ущемлять его права. Такой человек подобен зверю, и самолюбие у него звериное. И волк думает так же: только бы самому насытиться, а там — пусть на его совести жизнь тысяч и десятков тысяч овец. Да он и вовсе не считает это за грех.

Свобода должна быть достоянием всего общества и каждого его члена, а не кучки людей, как мы видим это ныне.

Но самое интересное то, что нынче не свободны и угнетатели. Разве свободен волк? Нет. Он живет под вечным страхом, каждый день ожидая расплаты за свои волчьи дела. Он знает, что его убьют. Конец его предрешен: пуля, яд или западня. Смерть бредет за ним по пятам. Человек будет преследовать волка, даже если он не причиняет ему вреда — потому лишь, что он — волк, хищник, и с него надо содрать шкуру. Но с человеком, уподобившимся волку, так поступать нельзя. Его нужно перевоспитать. И это в наших, человеческих силах. Мы должны вынудить его не ходить волчьими тропами, должны искоренить в нем волчьи инстинкты и стремления, должны убить в нем волка.

Значит, по законам свободы, можно отнять у товарища то, что тебе нравится? Например, Иванэ отнимет у Петре жену и коня, потому что они ему понравились? Нет, свобода не в том, чтобы беспрепятственно удовлетворять ма-

лейшее свое желание, мимолетную прихоть. Мы можем это делать лишь в том случае, если, выполняя свое желание, не лишаем свободы другого человека или все общество. Разве может Иванэ отнять у Петре жену, если сам Петре доволен ею, любит ее? Ведь это будет для Петре несчастьем, ущемлением его свободы. А может статься, Петре не любит свою жену и не огорчится, если Иванэ уведет ее, но зато жена Петре не любит Иванэ. Разве вправе Иванэ коснуться ее? Нет и тысячу раз нет. Не эти законы провозглашает Свобода. Но зачем же тогда мы отнимаем у помещиков их поместья, леса, угодья? Ведь и они любят свои имения? Отнимая собственность, разве не отнимаем мы у них свободу? Руководствуемся ли мы в этом случае чувством справедливости или нет? Быть может, мы поступаем несправедливо, как и думают некоторые? Нет. Мы не поступаем несправедливо, и вот почему. Владелец большой вотчины, во-первых, сам отнимает свободу у сотен, тысяч других людей, ибо он присваивает чужой труд, чужой кусок хлеба. Это беззаконие, несправедливость, и человека, творящего это беззаконие, нужно обуздать. Во-вторых, поместье это создано не им самим для себя, а даровано людям от бога. Он же творит насилие, присваивая то, что природа дарует всем.

Законы, равно обязательные и для нации, и для отдельного человека, должны быть установлены народом.

Итак, свобода должна давать нам радость. Правда, наказывая свободного человека за недостойный поступок, доставим ему неприятность, но все же его свобода не будет этим стеснена, ибо здесь действует закон, установленный народом и им самим. Не зря ведь наш крестьянин говорит: «Если отсекут руку за правду — не больно». Воистину, это так.

Свобода должна возратить рабочему человеку все плоды его труда. Должна дать просвещение ему самому, его нации и привить сознательную любовь к человечеству.

Человек должен получить право заниматься тем, что ему нравится и удастся, жить там, где захочется, но чтобы не ущемлять свободу другого человека, не причинять ему неприятности. Ему не нужен паспорт — пусть ездит, куда вздумается. Никто не должен беспокоить его, пока не решит того закон. Нужно говорить, писать об общественных делах так, как чувствуешь, и никто не смеет в этом препятствовать, нужно высказывать свою мысль, осуждать и отвергать дурное, приветствовать и одобрять хорошее.



Что такое свобода?

«Братство. Единство. Свобода», — этими словами переполнены не только человеческие сердца, об этом кричат даже камни; думается, никогда за все время существования нашей страны так мощно и широко не звучали в Грузии эти три слова, как в 1904—5 годах, как сегодня, как будут звучать впредь.

Потому-то мы должны ясно понимать, что означает первое, второе и третье. Но даже если мы оставим первые два термина и осознаем смысл и силу третьего, то-есть — свободы, и этого будет достаточно. Ибо Братство, Единство — лишь ветви дерева, имя которому — Свобода: где нет Свободы, не ищите Братства и Единства, ибо найдете лишь вражду, коварство, лихоимство. С одной стороны — волчий лагерь, с другой же — овечьё стадо, где бесчинствуют волки... Разве могут жить овцы там, где водятся волки? И разве возможно между ними братство? А коли невозможно, несовместимо и недопустимо, так чего же мы ратуем за это братство? Мы призываем, и должны призывать, — но не волков, а разрозненных, разоренных овец, чтобы они собрались воедино, объединились, обдумали, как им жить, не попадая на обед волкам; они должны найти прибежище и безопасные тропы. Что же делать волкам на их собрании? Они даже делают вид, якобы не слышат этого призыва, и, наверно, не придут. Волки тоже проповедуют братство и единство, — но среди своих. Ибо если они этого не сделают — пропала тогда их сила, овцы, хоть они и не имеют таких зубов, как волки, справятся с ними поодиночке: благо у них есть рога и копыта! Ведь братство в том и заключается, что если одному волку приходится туго, другой спешит ему на помощь; так и овца должна выручать овцу.

Но единство-то необходимо не столько волкам, сколько овцам, потому что каждый волк обладает достаточной силой, чтобы одному справиться с овцой — силой, конечно, физической. А сила овец — лишь моральная сила.

Доселе мы были овцами — и продолжаем ими быть, а кто такие волки — это вы и сами хорошо знаете. Мы мучались, разбегались и в одиночку подвергались разбою. Постепенно мы поняли, что нужно объединиться, договориться, что только в единстве наша сила... Мы возжаждали свободы, чтобы волки по своему произволу не стригли и не пожирали нас... Наше стремление к свободной жизни проявляется пока в том, что мы хотим на первых порах пресечь насилие, а со временем и вовсе уничтожить его.

Свобода возможна и необходима для живых, но не для мертвых. Она проявляется в желаниях и стремлениях человека; свобода — это действие: осуществление желания, мысли, чувства, но не покой, не бездействие. Свобода личности и свобода нации, народа тесно связаны друг с другом: где не свободна личность, там угнетена и порабощена нация, а в порабощенном обществе порабощена и личность. Личность в таком обществе становится игрушкой, вещь в руках поработителей.

Разве может быть свобода там, где присваиваются плоды чужого труда? Там, где добытое моим трудом, помимо моей воли, без моего ведома и согласия, присваивает кто-то другой? Я плачу, а он смеется, и во мне рождается лишь отвращение к похитителю и жажда мести! Я хочу учиться, он не дает мне этой возможности, не дает права! Хочу основать университет на мой собственный счет — мне отказывают!

Я не хочу поклоняться тому разукрашенному идолу, которому поклоняешься ты! Какая может быть свобода там, где я не могу говорить на своем родном языке; мне не разрешают ни учиться, ни петь, ни радоваться?! Какое сердце должно быть у меня? Какие чувства могу я испытывать? Никаких, кроме отвращения и ненависти. Отравлена вся моя жизнь, недовольство душит меня, ненависть обурекает, и я клянусь те силы, тех «волков», которые мешают мне во всем, преграждают мне путь, и жду мо-

мента, чтобы уничтожить их... Когда же настанет это время и я начну действовать, чтобы сокрушить враждебные мне силы, — тогда и начнется моя свободная жизнь. Борьба — начало свободы.

А если я молчу, не говорю ни слова — значит, я раб, безропотный и смиренный. Может быть, мне и ненавистна сила, угнетающая меня, и я таю эту ненависть в сердце? Но тогда я трус, а трус еще более отвратителен, чем раб. Нет, когда ненависть достигает своего апогея, тогда отступает, исчезает трусость, и человек восклицает: умру или одолею моих мучителей!..

И пока этого не скажет большинство народа, сила угнетающая не заколеблется, не дрогнет волчья стая. А скажет ли народ когда-нибудь решительно и твердо: «смерть или жизнь!» (т. е. — свобода?). Да, скажет. Скажет. Он говорит это и сейчас. Мы явственно видим, слышим, чувствуем это. Итак, ненависть народная к волкам дошла до предела.

И знайте: смерть не утешит нас более, каждый из нас готов сложить голову за Свободу. А раз это так, то победа наша несомненна. Потому, повторяю, тот, кто стремится к свободе и жаждет ее прихода в страну, прежде всего, должен возненавидеть всем своим существом, всем сердцем и душой тиранов и тиранию. Ненависть — единственное средство, с помощью которого человек может стойко сражаться, не жалея жизни, в борьбе за свободу...

Но что же такое Свобода?

Не обессудьте меня, если я сам объясню слово «свобода». Свобода — это счастье, отнятое тиранами у народа. Что же остается народу, лишенному счастья, кроме горя и несчастья? — Ничего. Потому-то глубоко несчастны все поработанные и угнетенные, несчастен лишенный свободы народ и лишенная свободы личность.

Похитители пользуются этим разбойнически добытым счастьем лишь короткое время, ибо логика жизни обращает ворованное, награбленное счастье в несчастье для похитителя. Взгляните на всю Россию — и вы тотчас убедитесь, что это именно так. Ныне народ возвращается, отвоевывает то, что было у него отнято и пока еще не принадлежит ему, — свое счастье. Похититель сегодня плачет, льет слезы, ограбленный веселится, ибо обретает потерянное, возвращает отнятое. Похитителей свободы всегда ждет расплата. Когда народ открывает глаза и воочию видит те черные силы, которые отняли у него счастье, безграничная ненависть вспыхивает в его сердце. Тогда-то и наступает час расплаты.

Что требует от человека свобода? Как должен вести себя свободный человек? Свободный человек своими поступками не должен причинять зла ни отдельным окружающим его личностям, ни обществу в целом. Его действия должны быть направлены на благо страны. Если свободный человек не блюдет этого условия, значит, действия его разбойничьи, ибо только разбойник пользуется свободой с целью личной выгоды. Итак, свобода не в том лишь, чтобы говорить, писать, делать то, что тебе хочется — нет! Каждое слово, каждое действие должно быть направлено на общее благо народа. Если оно не приносит пользы, то, по крайней мере, не должно вредить обществу.

Свобода, похищенная у народа, перестает быть свободой. Она превращается в тиранию. Тираны куют тысячи цепей и оков, изобретают ловушки, клетки, дубинки, коими бьют по голове народ, ставят виселицы... Отнятую свободу они превращают в яд и поят этим ядом народ. Но и сами травятся зельем, которое замешивают своими руками. История знает немало таких примеров. А народ... народ выносит все это и остается народом. Народ побеждает, и сонм тиранов обращается в прах... Потому похищенная свобода прежде всего и больше всего обращается против похитителей, против тех, кто стремится использовать ее только для себя.

Правители совершают величайшую глупость, стремясь поработить народ. Они позорят свое имя и вредят себе нравственно и физически, но помимо этого, наносят большой урон народу: поработанный народ слаб и немощен в борьбе с внешними врагами. Яркий пример тому — нынешняя Россия. Громадная страна не выдержала натиска крохотной Японии, обломала свои зубы на маленьком орешке.

Итак, свободна должна быть не только отдельная личность, но вся нация, весь народ. Страна будет счастлива только тогда, когда каждый человек, ее населяющий, будет свободен... Свобода и счастье — синонимы.

Не ищите Свободы там, где основой общества — имущественные различия, где возможность добыть себе хлеб насущный дается не всем, а лишь тем, кто имеет звание и соответствующее происхождение, где труд презирается, где достаток, просвещение, знания делаются неравномерно.

Богатство без зрелости сознания, без просвещения и знаний не гарантирует народу сохранения свободы.

Перевод с грузинского К. К о р и н т е л и

Вахтанг Разикашвили

О моем отце

Отрывки из воспоминаний

Отца я помню лет с пяти-шести. Я тогда уже ходил в школу, в которую меня взял мой дядя Бачана, преподававший там.

Отец иногда проверял мои тетради, исправлял написанное, но систематически со мной не занимался. Он был очень нетерпелив: если я сразу же не понимал его объяснений, он сердился.

Не помню, в каком это было году, когда отец впервые раскрыл передо мной книгу стихов. Остановился на странице, где было напечатано стихотворение «Скала и река» (стих. Важа Пшавела):

Скала преграждала ущелье,
В котором река текла.
Стояла она горделиво,
Незыблемая скала.

Это стихотворение я разучил с отцом. Он часто заставлял меня повторять его, следил за тем, чтобы я читал его с выражением:

— Да что ты бормочешь про себя, громче, живее читай, — требовал отец.

Мой дядя, Бачана, тоже писал стихи. Его стихотворение «Дуб» отец очень любил и часто декламировал сам. Я с отцом разучил немало стихов. Особенно он бывал доволен, когда я читал его стихотворение «Орел» и «Ястреб похитил цыпленка».

Первые игрушки отец сделал для меня сам. Это были лук, нож и кинжал. Маленький топорик он привез мне из города. Кинжал был сделан из мягкого железа, им ничего нельзя было строгать, но я любил носить его для пущей важности. А нож был стальной, и я вырезал им стрелы, лук и тонкие прутья для плетенок.

Однажды из ореховых прутьев я смастерил маленький плуг и понес показать отцу. Он сидел за своим письменным столом у раскрытого окна. Был летний день. Я подошел к окну и показал ему свое произведение.

Отец взглянул на меня из-под очков, взял игрушку, внимательно рассмотрел



Важа Пшавела в Чаргали.
Снимок 1913-1914 гг.

ее со всех сторон и, видимо, остался доволен. Он похвалил меня, а игрушку оставил у себя на столе.

Мои воспоминания об отце связаны с тем периодом, когда он уже не учительствовал и, вообще, нигде не служил. Как и все пшавские крестьяне, он пахал, сеял, жал, косил. И хотя особенно крепким хозяином он не был, трудиться любил и всякая работа у него спорилась. Чего он только не делал сам: вытачивал ярмо, различные части для арбы, жерди, топорща, деревянные ручки для лопаты и пилы, серпы, мастерил сани и многое другое. Работал всегда с увлечением, часто забывая о более насущных делах. Старался все делать по-своему, не подражая другим. Правда, новшества его не всегда оказывались пригодными, но он любил все, сделанное своими руками.

Особенно хорошо отцу удавалось возводить каменные ограды. Рядом с нашим домом, где когда-то находилось здание школы, до сих пор стоит ограда, сложенная руками моего отца.

Когда отец кончал работу, он обычно усаживался где-нибудь поблизости, с удовольствием разглядывал плоды своего труда. А если кто-нибудь из соседей проходил мимо, он непременно останавливал его и начинал расспрашивать:

— А ну-ка, взгляните, нравится как сделано, а?

Иногда он даже останавливал проходивших по дороге незнакомых людей. Отец очень гордился этим своим искусством. И не зря. Он, действительно, умел красиво и прочно складывать стены.

Я не помню случая, чтобы отец сидел сложа руки. Он сам говорил об этом в одном из своих стихотворений:

И я никогда не бываю без дела:

Всегда в суете, хлопочу я...

Все фруктовые деревья в нашем саду посажены отцом. К растениям и деревьям у него была особая страсть. Он впервые распространил в Пшави яблоки сорта «Кальвиль». Этот сорт и по сей день пшавы называют «яблоко Луки». Там любят этот сорт — белые, с красноватым отливом плоды, которые долго не портятся.

В Чаргали, перед зданием музея, и теперь стоит яблоня, посаженная и выращенная отцом. Он сам перетащил к этому дереву камни и щебень, обнес изгородью, чтобы животные не испортили низко спускающиеся ветви, сам взрыхлял и удобрял землю вокруг любимого дерева. После смерти отца дерево разрослось, ветви его всей тяжестью ложились на ограду, постепенно разрушая ее. Сейчас от той изгороди остались только следы.

Неподалеку от яблони росла красная черешня. Густо переплетенные ветви помогали легко на нее взбираться. Но отец рьяно оберегал это дерево от мальчишеских налетов, и мне категорически запрещалось взбираться на него. Когда ягоды созревали, отец делал пугало и вешал на дерево. Иногда он укрывал дерево газетными листами, чтобы птицы не могли склевать нашу черешню.

Взобравшись на дерево, отец сам собирал урожай черешни в белый мешок.

Из цветов отец больше всего любил фиалки. И я, зная это, часто бегал в лес, собирал эти нежные цветы, свя-



Важа Пшавела с сыном Вахтангом в Чаргали. Снимок 1914 года.

зывал в букетики и клал на подоконник перед отцом, когда он сидел у открытого окна и увлеченно над чем-то работал. Отец с радостной улыбкой принимал мой дар, тотчас же опускал фиалки в стакан с водой и ставил перед собой — на столе или на подоконнике. Чувствуя, что своими разговорами могу ему помешать, я не задерживался у окна.

Сам постоянно деятельный и трудолюбивый, он заражал своим энтузиазмом всех окружающих и следил за тем, чтобы мы, дети, всегда были заняты работой, всегда помогали старшим.

Бывало, когда я и мои две сестры, Гулкани и Мариам, играли во дворе перед домом, отец звал нас:

— Вы, я вижу, ничем не заняты, идите-ка сюда, я вам быстро дело найду, — говорил он, вскидывая топор на плечо.

Мы шли с ним в лес. Он собирал хворост, ломал сухие ветви, а мы перетаскивали их домой.

Помню, как однажды в разгар сенокоса отец принес мне маленькую, совсем новую косу. Мне было тогда девять лет. Отец наточил косу, отстрогал легкую, красивую рукоять и, когда уходил на покос, взял меня с собой.

На горных лугах трава такая густая, что и дюжему молодцу туго приходится. Отец быстро продвигается вперед, я вижу, как то здесь, то там мелькнет его серая чоха. А я топчу траву на одном месте, размахивая косой во все стороны, а трава все равно остается нескошенной. Пот льет с меня градом, но я чувствую себя совсем взрослым, и радость моя безгранична. Отец часто подходит ко мне, натачивает косу, показывает, как нужно косить. Наконец, утомившись, отец присел под деревом отдохнуть, а я продолжал косить. Вдруг я поймал его взгляд, задумчивый, грустный, и подумал: «Он видит, как мне трудно и, наверное, жалеет меня, но не подает виду, хочет приучить к труду». Это было за год до его смерти.

Отец не был щедрым на ласку. Но мы знали, он очень переживает, что мы плохо одеты, часто недоедаем. Но одеть, обути и накормить такую ораву было не так просто.

* * *

Кони и оружие были страстью отца. При нем всегда бывали кинжал и

сабля, а нередко и ружье. Он был метким стрелком. Недалеко от нашего дома часто проводились состязания стрелков нашей деревни, в которых всегда побеждал отец.

Лошади у него бывали отличные. Из его коней я помню превосходного черного иноходца Никори. Отец очень переживал его смерть. После Никори отец купил жеребца рыжей масти Цецхлу и сам его объезжал. Жеребец отчаянно сопротивлялся, лицо и руки у отца были в крови, но он до тех пор гонял Цецхлу, пока жеребец не стал послушным и покорным.

* * *

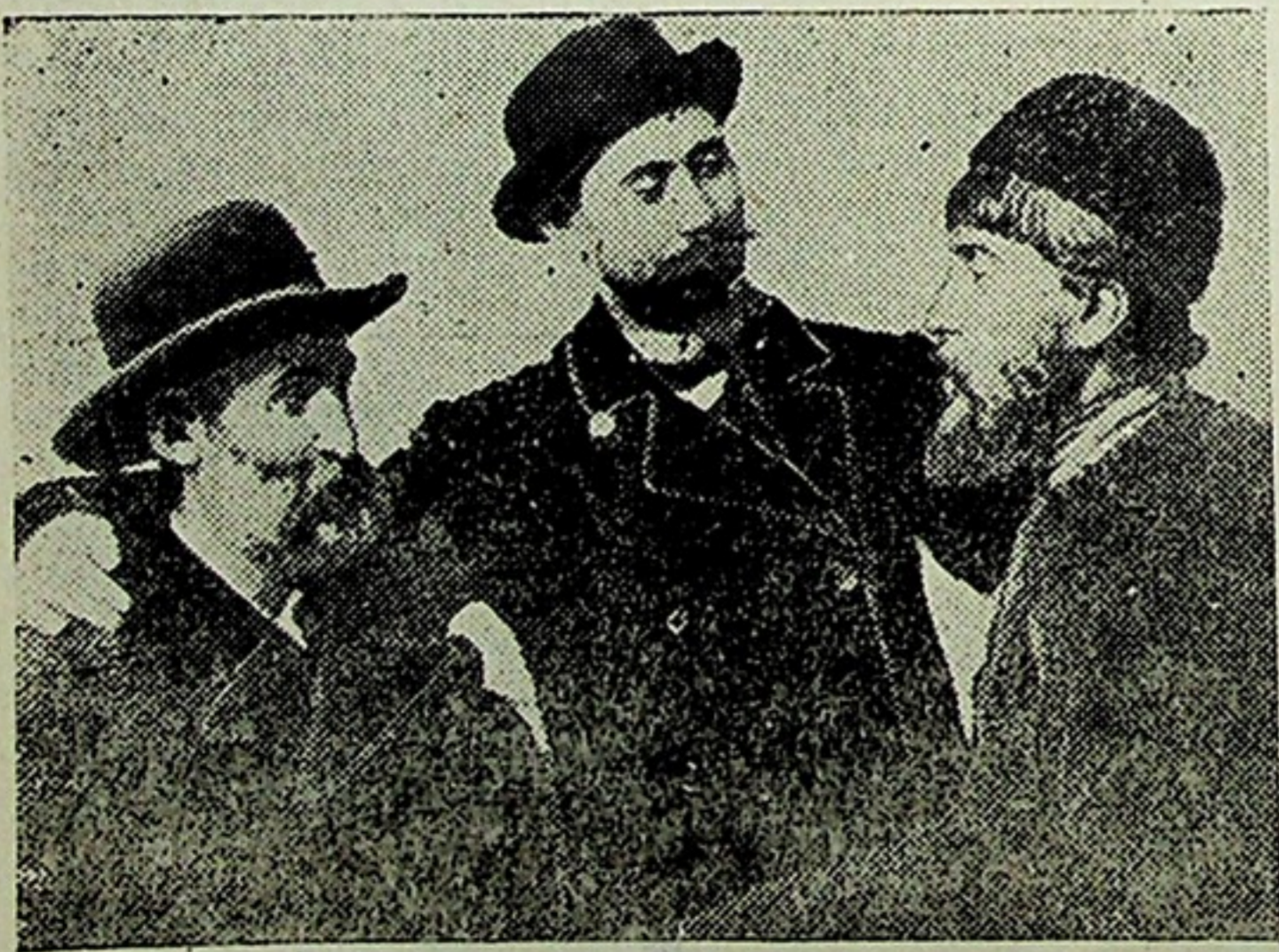
Отец очень любил пандури. Он сам играл и пел. Но ему это быстро надоедало. Бывало, только ударит по струнам — и тотчас отложит пандури в сторону, возьмется за перо или ходит некоторое время взад-вперед, а то ляжет на спину, положит подушки одна на другую, раскроет какую-нибудь книгу и читает.

Помню, он очень много читал. Даже когда болел и лежал в постели, обвязав голову имеретинским башлыком, не теряя ни минуты, читал, читал...

Одну из его книг я запомнил навсегда — большая, толстая, в красном переплете, с портретом писателя на первой странице. Как я узнал позднее, это был том Льва Толстого.

Шио Мгвимели

Друг мой Важа



Д. Мачханели, Шио Мгвимели и Важа Пшавела.

Лука Разикашвили учился со мной в показательной школе при Горийской педагогической семинарии. Там мы с ним и подружились.

Важа был лучшим учеником. Директор семинарии Семенов всегда говорил о нем, как о незаурядном человеке, и пророчил ему большое будущее. Товарищи очень любили Важу и всегда считались с его мнением.

В Гори, в этом маленьком городке, все наперечет знали друг друга. Важа пользовался особыми симпатиями.

Он прославился как сильный борец, участвовавший почти во всех состязаниях, происходивших в Гори. Борьбой тогда увлекались и близ-

кие его товарищи по семинарии: Лаврентий Окроперидзе, Нестор Кикнадзе, Ходели Антадзе, Нико Леонидзе (отец нашего молодого поэта Гоглы и профессора Левана Леонидзе).

Любил Важа охоту и рыбную ловлю. Они с Нико часто уходили в субботу вечером, с ночевкой, удить рыбу на Куру. В воскресенье, к вечеру, вся школа с нетерпением ожидала их прихода — знали, что Важа и Нико с пустыми руками не вернуться и на ужин будет свежая рыба.

Я жил тогда на квартире у Шио Давиташвили. У него в ту пору часто собиралась молодежь: Михаил Картвелишвили, Нико Касрадзе, Тедо Голиев, Важа Пшавела и другие. Мы беседовали, спорили о жизни, о литературе, говорили о многом, что было тогда под запретом. Для отвода не в меру любопытных глаз приносили с собой еду, накрывали стол.

• • •

По окончании семинарии мы встречались с Важа в Тбилиси. Он обычно приезжал сюда к Новому году и на пасху. Летом он приезжал только в особых случаях, если возникало какое-нибудь неотложное дело. Он не любил тбилисской жары и избегал ее. Иногда останавливался у меня. Утром я уходил на службу, а Важа садился к столу: писал что-то, правил написанное и часам к 11—12-ти шел в редакцию.

Привозя из Чаргали готовую поэму, Важа обязательно заново просматривал ее, нередко читал друзьям. Обычно большое произведение бывало написано на отдельных клочках бумаги и здесь, в Тбилиси, он долго собирал их и аккуратно переписывал набело.

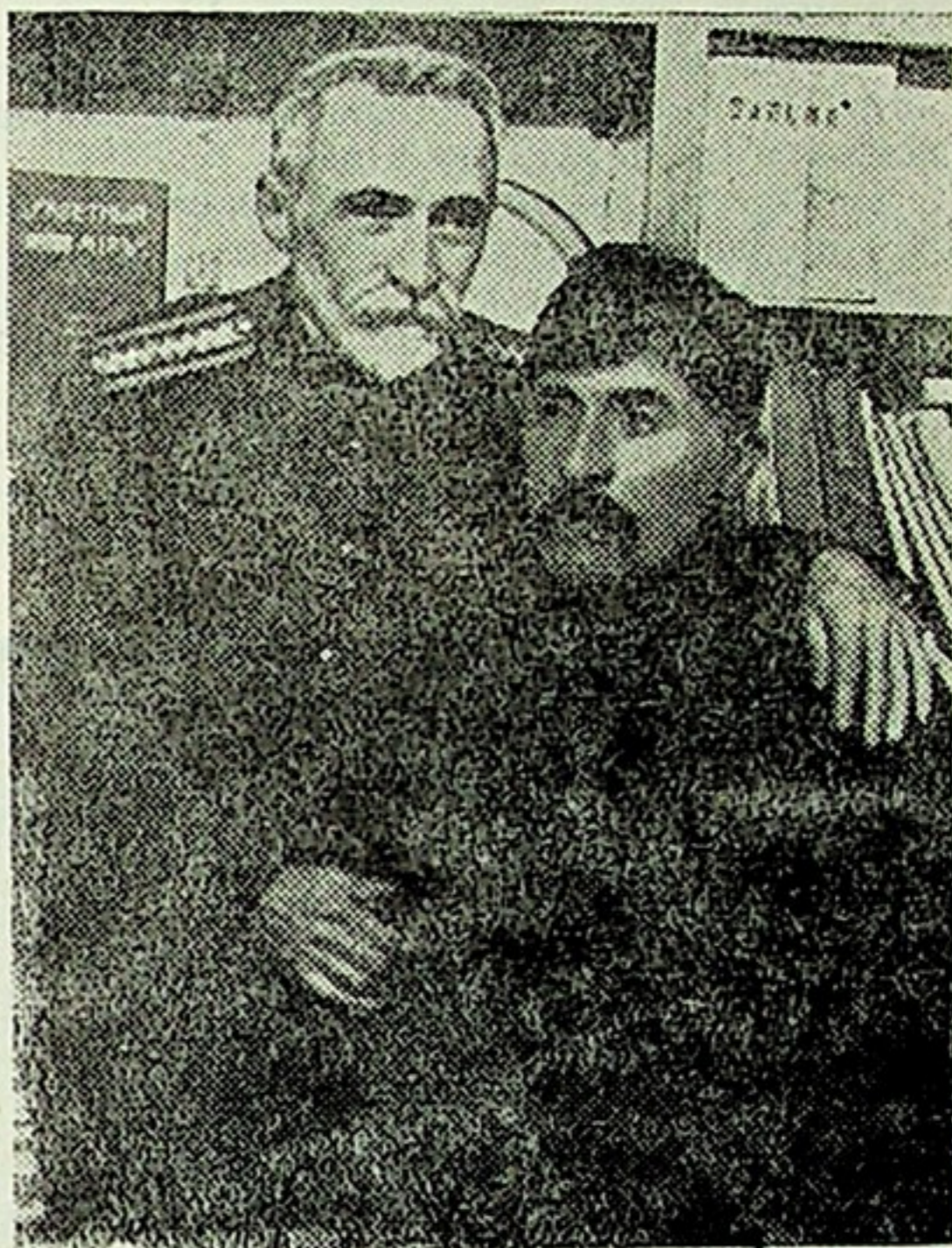
Я слышал, что Илья Чавчавадзе относился к Луке с большим уважением и высоко ценил его дарование.

Из рассказов Гиги Кипшидзе мы узнали, как однажды Илья приехал в редакцию необычайно взволнованный, радостный и, едва переступив порог, воскликнул: «Родился, родился!». Он несколько раз повторил эти слова, потом вытащил из-за уха свое перо, положил его на стол рядом с поэмой Важа Пшавела «История старика» и сказал:

— У нас родился талантливейший поэт. Поэму печатайте в завтрашнем номере (видно, на завтра было воскресенье — поэмы и стихи обычно печатались в воскресных номерах), печатайте всю целиком, не прерывайте.

Сотрудники были изумлены поведением редактора: Илья обычно был очень скуп на похвалу.

В молодости и позже, в зрелые годы, Важа внешне был очень привлекателен — пока сибирская язва не изуродовала его глаз. Широкие плечи, могучая грудь делали его особенно заметным. Важа не любил лишних разговоров. Он умел кратко и просто излагать свои мысли. Никогда не страдал самолюбием, был очень прост в обращении со всеми, но умел с достоинством ответить каж-



Важа Пшавела и Давид Клдиашвили в Кутаиси.
Снято 21/11-1913 года.

дому, кто пытался его обидеть. Он умел дружить и относился к этому чувству очень серьезно, всегда им дорожил. Важа был хозяином своего слова, обязательно выполнял все свои обещания.

Весной 1915 года Важа, как обычно, приехал в Тбилиси, но в горы уже не вернулся. Болезнь сломила его.

Постоянная нищета медленно подтачивала крепкий организм поэта. Темная, сырая комната, в которой он жил в Чаргали, способствовала болезни, сгубившей его.

В последний свой приезд Важа заказал плотнику раму средних размеров для окна своей комнаты.

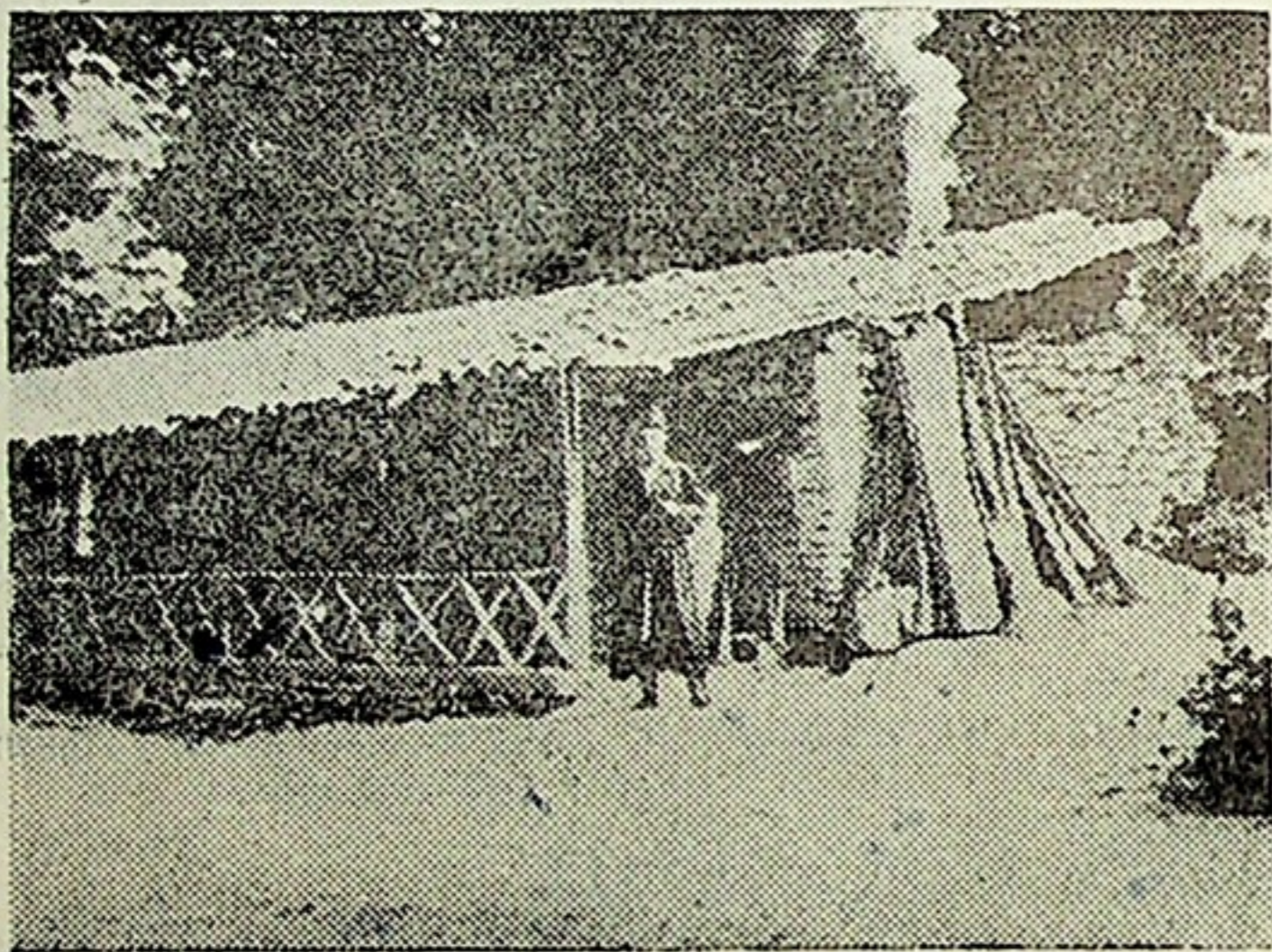
— Если мне что-нибудь поможет, — сказал он, — так только это окно, как приеду, пробью стену и всажу эту раму со стеклами — пусть хоть теперь войдут в мою комнату свет и тепло.

Раму и стекла он отослал в Чаргали, но сам уже домой не вернулся.

Из Тбилиси, приведя в порядок кое-какие дела, Важа поехал на свадьбу сына Левана в Гори, а оттуда — к брату Тедо, в Хелтубани. Примерно через месяц он возвратился в Тбилиси. Ему уже было нехорошо, и друзья настаивали, чтобы он показался врачам. Важа долго противился, но под конец сдался. Состоялся консилиум. Важа уложили в больницу Грузинской гимназии¹, на Вере. Там было много воздуха, и уход был отличный.

Поэта сначала поместили в общую палату, но вскоре перевели в отдельную комнату на четвертом этаже.

Несмотря на хороший уход и внимание врачей, самочувствие Важа ухудшалось. Привыкший к свежему воздуху и прохладе в родных горах, к холодной родниковой воде, Важа задыхался в городской духоте. «Пустите меня в горы, за одну неделю я встану на ноги и снова буду тем Важа, каким был!» — гово-



Важа Пшавела у своего дома в Чаргали. Снимок 1914 года.

рил он. Но врачи категорически запретили трогать его с места, по их мнению, Важа надо было основательно подлечиться. Когда всем стало ясно, что состояние его очень серьезно, решили снять для него комнату в Сурами. Но поехать туда Важа не успел: он скончался в тот день, когда был решен вопрос о его переезде в Сурами.

Помню, как я навестил Важа. На цыпочках прошел палату раненых воинов (шла мировая война), вошел в комнату Луки. Правая рука его лежала на лбу, заслоняя глаза. Я не мог понять, спит он или бодрствует. Сестра милосердия Кобиашвили, ухаживавшая за ним во время болезни, тихонько подошла к поэту и, увидев, что он не спит, знаком подозва-

¹ Здание нынешнего университета.

ла меня. Важа, оказывается, предупредил: «Если ко мне кто-нибудь придет и я буду спать, непременно разбудите и ни в коем случае не отпускайте гостя».

— Здравствуй, Важа!

— Здравствуй, брат! — обрадовался

он и протянул мне исхудавшую, пожелтевшую руку. — Садись, только не у окна, а то заслонишь мне небо. Намедни мою кровать переставили в другую комнату, из окна которой видна Мтацминда. И когда с горы подул ветерок, я долго разговаривал с ним: милый, дорогой ветерок... — Потом вдруг будто оборвал сам себя, с тяжелым вздохом прошептал: — Эх, бедный Важа Пшавела, до какого дня ты дожил!

Помолчав немного, он снова заговорил:

— Друг мой, разве не смешно, что я, человек гор, мечтаю о воздухе и ветерке? Вот пристали они теперь ко мне, хочешь не хочешь — езжай в Сурами.

Какой Сурами может сравниться с моим Чаргали! Ничто, кроме родных гор, не поможет мне, только там я поправлюсь! А что, в Сурами действительно хорошо?

— Прекрасная местность. Важа, прекрасная! — с жаром убеждал я.

Во время нашего разговора до нас донеслась грустная, протяжная песня — пели раненые воины.

Важа сразу изменился в лице, заволновался.

— Важа, если тебя беспокоит, я попрошу, чтобы они не пели, — сказал я ему.

— Да нет, наоборот, я с удовольствием слушаю. С песней уходят тоска, горе, песней они залечивают свои раны. Разве можно мешать

им петь!

Я почувствовал, что задержался у него вопреки предупреждению врачей, и стал торопиться. Но Лука не хотел меня отпускать.

— Кто тебе что скажет, сиди хоть до рассвета, — сказал он.

В это время в комнату вошел приятель Важа по семинарии Сосо Сидамон-Эристави с супругой. Было уже поздно, но их пропустили из уважения к поэту.

Важа очень обрадовался Сосо. Стали вместе вспоминать юность, Гори, учительскую семинарию...

* * *

Я часто приходил к Важа вместе с Сандро Разикашвили.

Как-то раз поэт обратился к нам:

— Александр Павлович и ты, Шю Илларионович (он имел обыкновение величать нас по имени-отчеству, если бывал в хорошем настроении), вы должны принести мне воду из родника, что струится у церкви Давида. Это совсем иная вода, может быть, когда я выпью ее, мне покажется, что нахожусь в горах.

Горы, горы... Душа его рвалась туда, он думал и мечтал о горах, стремился к ним всем своим существом!

Мы с Сандро выполнили его просьбу. Взяли у Виктора Мкервалишвили большой штоф, но воду набрали не в том роднике, о котором говорил Важа, а поднялись по Московской улице в гору — нам порекомендовали тот источник, как более чистый и холодный. Важа очень обрадовался, когда мы принесли ему родниковой воды.

Во время болезни Важа беспокоился о своем младшем сыне Вахтанге. Он его очень любил и часто говорил нам, близким друзьям:

— Если со мной что-нибудь случится, — кто знает, все мы смертны, — не оставьте моего Вахтанга без образования, он способный мальчик.

К Важа приходило много друзей и знакомых: Нико Курдгелашвили, Кола Кавкасидзе — Вепхви, как прозвал его Важа, братья Мосэ и Георгий Хелашвили, Иосеб Гарсеванишвили, Ражден Мирянашвили, — словом, все, кто знал и любил его и был в это знойное лето в Тбилиси.

Как-то раз, придя к Важа, мы с Сандро застали молодого поэта Сандро Шаншиашвили (он тогда редактировал газету «Сакартвело»). С ним был художник Сидамон-Эристави, который писал портрет Важа. Впоследствии этот портрет был напечатан в приложении к газете.

Важа любил Шаншиашвили и считал его талантливым поэтом. Они часто беседовали, спорили о грузинской, русской и зарубежной литературе.

В то время был в «моде» Ницше со своей философией «сверхчеловека». Важа не раз говорил Шаншиашвили: «Выпотрошенный европейский философ, этот Ницше, — обыкновенный Нацаркекиа».

Важа был всегда очень внимателен к

Сандро Шаншиашвили и другим молодым писателям — Н. Чхиквадзе, И. Гришашвили, Г. Леонидзе, С. Пашалишвили и другим. Он знал наизусть лучшие стихотворения этих молодых поэтов. Память у него была замечательная.

О Гришашвили Важа говорил: «В этом парне — большой талант и большой огонь, но у него нет пока достаточных знаний, и он еще не нашел свой путь».

* * *

За час до смерти, находясь в полном сознании, Важа попросил: «Поверните мою кровать так, чтобы я смотрел на Мтацминду, на горы». Потом он попросил принести травы и зеленых листьев. Просьбу его выполнили, расстелили траву и листья, уложили его на этот зеленый ковер.

До последних минут он не верил в смерть:

— Чувствую, что поправлюсь, — говорил он. — Мне немного лучше. Как только буду в силах, я в ту же минуту встану и уйду в горы.

Когда бы я ни пришел к нему, о чем бы мы ни говорили, он ни на минуту не забывал о горах. Он мечтал о том мгновении, когда снова увидит их.

За день до смерти он попросил меня, чтобы я с Сандро Разикашвили, братом поэта, отвезли его на автомобиле в Душети.

— В Душети я останусь у моей свояченицы. Немного оправлюсь, а там доберусь и до Чаргали. Поедем в Чаргали, — уговаривал он меня, — и ты, когда увидишь мои горы и отведаешь воды из горного родника, не захочешь возвращаться сюда.

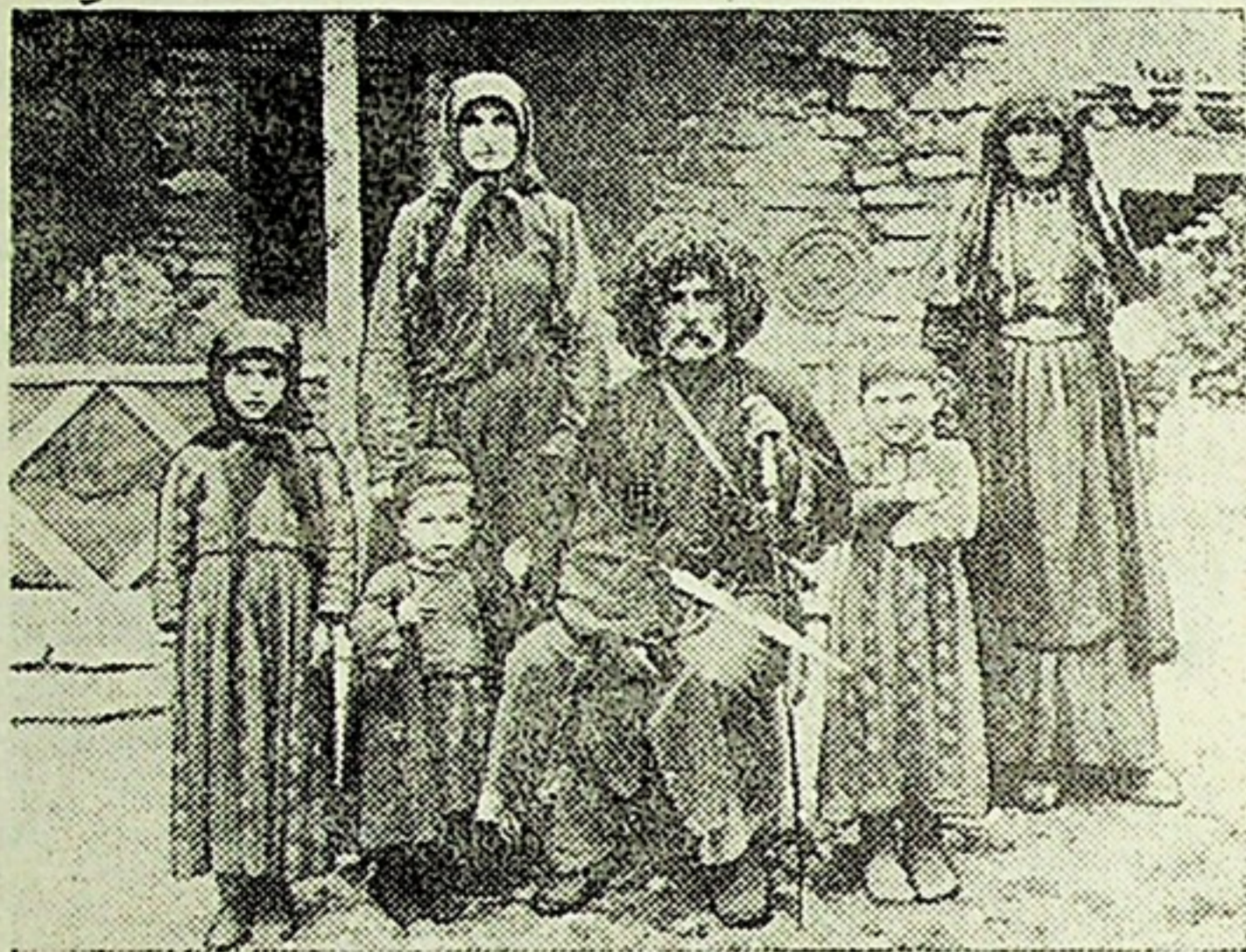
Но, увы, следующий день оказался последним в его жизни.

Важа в период болезни часто говорил:

— Мое желание — не умереть, не узнав о конце войны. Я-то знаю, чем она кончится, но все же хочу быть свидетелем...

Но ему не довелось стать свидетелем исторических событий, сделавших его народ свободным и счастливым.

Из воспоминаний



Важа Пшавела с семьей в Чаргали, Снимок 1907 года.

...В 1879 году мне удалось организовать в семинарии тайный кружок свободомыслящих молодых людей. В состав его вошли всего несколько человек. Мы читали Чернышевского, Р. Оуэна, Молешота, собирались на воскресные рефераты, устанавливали связи с рабочими, основали «братство», хранили запрещенные книги. С увлечением читали прокламации «Народной воли», распространяли «летающие листки» первого марта в казарме 16-го гренадерского полка и разбрасывали обращение исполнительного комитета нашей организации к Александру III.

В орбите этого кружка вращались почти все передовые семинаристы: Самсон Канделаки, Сев. Джанелидзе, В. Санакоев, Л. Разикашвили, Шереметьев, С. Цимакуридзе, Садыков, Костава, Сп. Габелашвили, Кагарлинский, С. Эристави, Гапиев, В. Авалишвили и Ш. Мгвимели.

Луку Разикашвили (Ваша Пшавела) семинаристы тогда знали мало, он работал для нас очень осторожно, предусмотрительно. Поэтому товарищи говорили о нем: «Вот человек, который всегда ходит в одиночку». Когда «бурсаки» упрекали Луку за то, что он редко быва-

ет на собраниях, он отвечал: «Я кручусь вокруг своей оси». Лука рано избавился от «казенной» семинарской зубрежки и все свои силы отдавал приобретению знаний. Он изучил «темного» Гераклита, Сократа, «Республику» Платона, Эпикура, перечитал Бэкона, Канта, Бокля, Дрейера, Леббока, Спенсера, «Современный социализм» Лавеле, «Метаморфозу растений» Гете и снова вернулся к Гомеру, Виргилию, Данте, Мильтону, Шекспиру, Байрону.

Помню, как-то раз Лука зашел ко мне вскоре после того, как он прочитал «Физиологические письма» Фохта и «Силу и материю» Бюхнера. Я в это время читал стихотворение Баратынского «На смерть Гете»:

С природой одной он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье,
И была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Важа просиял от радости, он, как мальчик, волчком вертелся в моей комнате и восклицал: «Вот зеркало моих мыслей, я нашел самого себя!». Лука — этот гениальный крестьянин — в восприятии и понимании природы стоял на пантеистской точке зрения Спинозы.

* * *

В 1882 году пропагандисты, возвратившись из деревни, собрались в селе Уплисцихе для обсуждения следующих вопросов:

- 1) Уничтожение феодальной собственности на землю;
- 2) Организация крестьянских союзов и подготовка к их выступлениям;
- 3) Освобождение малых наций от разлагающегося капитализма, который гра-

бит и расхищает природные богатства их стран.

На этой конспиративной сходке были и я с Лукой.

Уплисцихе, где когда-то легендарный Уплос высек в скале зал с ложем, которое мы считаем девятым чудом света, ныне стало пристанищем ящериц и... трибуной агитаторов, воспользовавшихся уединенностью местности. Лука взял слово.

— Под проливным дождем, в ветер и вихрь, — сказал он, — я прошел почти всю Пшав-Хевсуретию, и повсюду меня спрашивали почти одно и то же: как решится вопрос распределения земли. Ежели мы дадим землю крестьянам, наша работа получит опору в селе, и по-

давленное нуждой крестьянство перейдет на нашу сторону; тогда правительство потеряет почву, и нам уже не страшны будут ни угрозы землевладельцев, ни вооруженные легионы царской армии. Выход я вижу в союзе крестьян с интеллигенцией и в единении малых наций...

Лука в ярких красках представил нам картины угнетения и нищеты деревни и разложение бюрократического аппарата. И в заключение он, взволнованный и грозный, словно лев с развевающейся гривой, простер свои могучие руки и страстно воскликнул: «Свобода или смерть!».

Это была первая бомба, брошенная им против рабства и угнетения царизма.

Сандро Шаншиашвили

О великом поэте

Знакомство мое с Важа Пшавела состоялось в девятисотых годах. Меня представил поэту Иродион Эвдошвили. И вот мы—я и Важа—сидим за одним столом. Я, как зачарованный, смотрю на поэта. Для меня Важа — человек из легенды. Я знал по фотографиям его суровое, обросшее бородой лицо, лицо дэва. А сейчас передо мной живой Важа — стройный, одетый в нарядную чоху, гладко выбритый. Опаленное горным солнцем лицо приобрело цвет спелой пшеницы. Нижнее веко одного глаза изъедено какой-то болезнью. Но это ничуть не портит впечатления. Наоборот, другой, здоровый глаз кажется от этого особенно широко раскрытым, и во взгляде ощущается что-то таинственное. Вообще глаза у Важа были удивительно ясными.

В то время я только приобщался к литературной деятельности — опубликовал в газете два-три стихотворения, подписанные инициалами «А. Ш-ли».

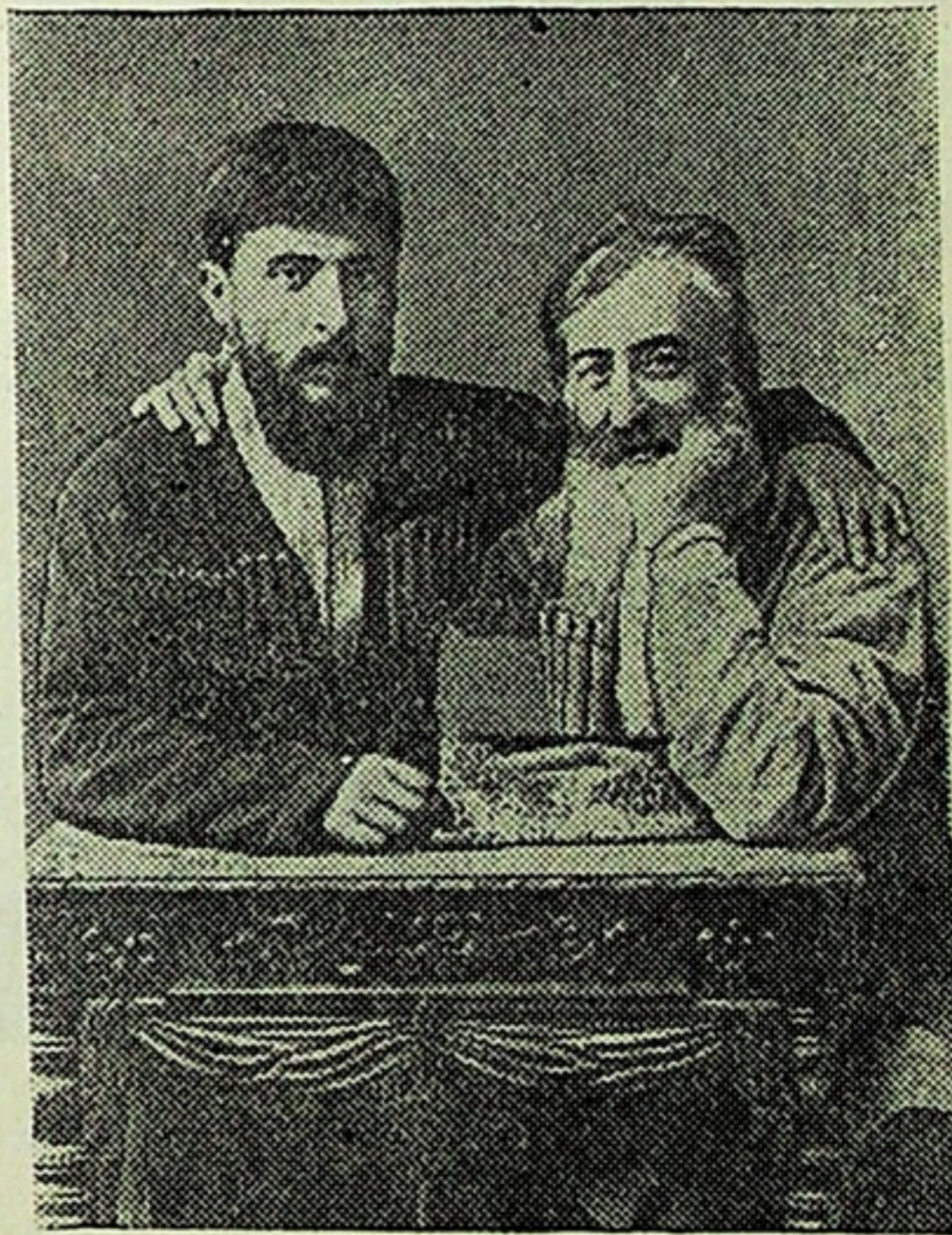
Произнося тост за мое здоровье, Иродион Эвдошвили расшифровал «таинственную» подпись под моими стихами, представив меня, как начинающего поэта. Мне стало приятно, когда Важа Пшавела вдруг заинтересовался моей родословной и искренне обрадовался тому, что я оказался сыном его старого друга.

* * *

Каждую осень и зиму Важа навещался в Тбилиси. Об этом все узнавали по его произведениям, сразу появлявшимся в газетах. Среди знакомых и друзей поэта распространилась шутка:

«Важа спустился с гор, принес хурджин стихов».

Конечно, никому не приходило в голову понимать это буквально — все



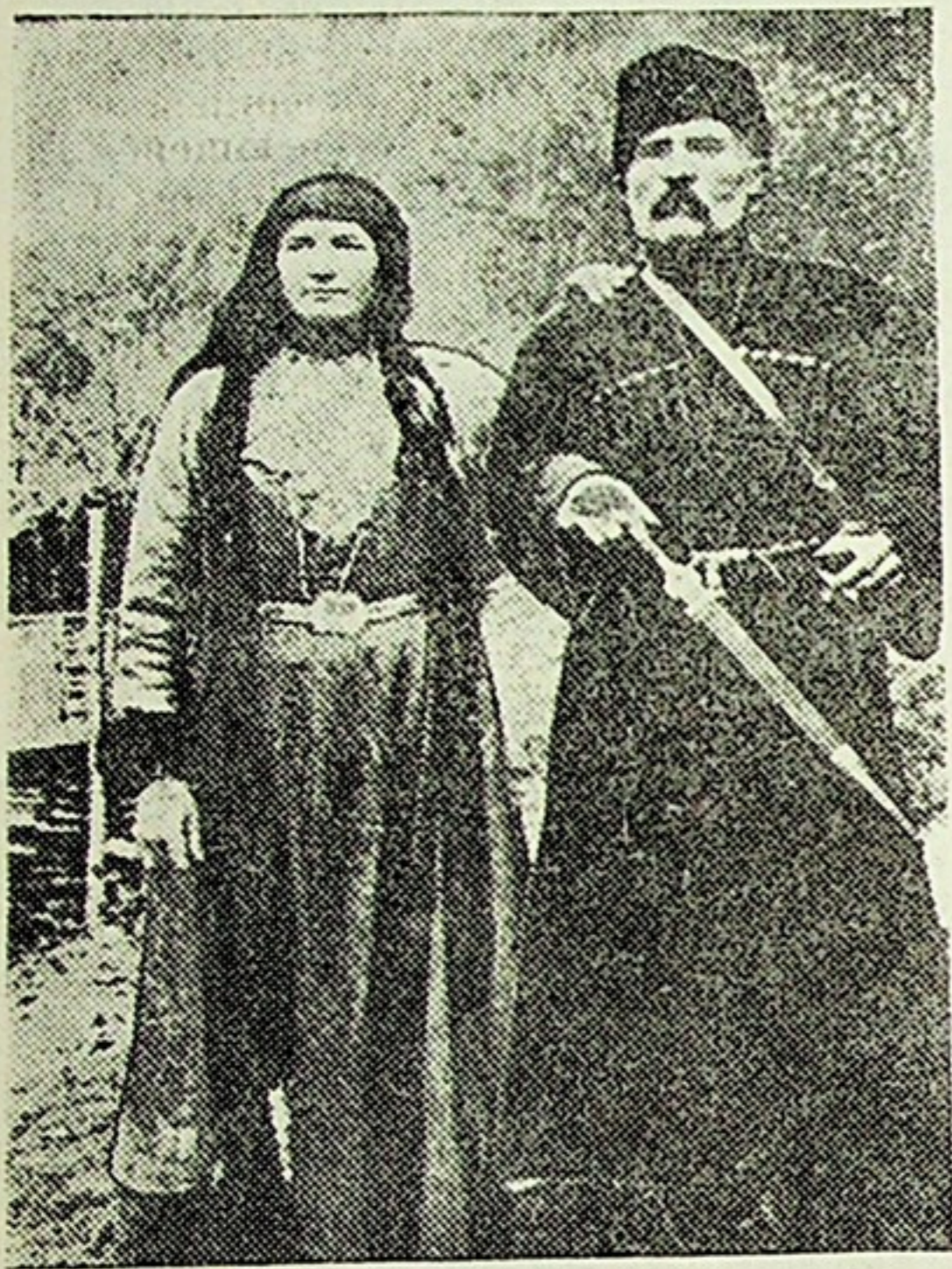
Важа Пшавела и Александр Казбег.
Снимок 90-х гг.

близкие хорошо знали, что листки своих рукописей поэт всегда носил за пазухой. Просто за время пребывания в родных местах, у плодovitого и трудо-

любивого поэта накапливалось столько произведений, что ими можно было наполнить хурджин.

Когда Важа появлялся в Тбилиси, я часто встречал его на улице, неизменно подтянутого и опрятного, в чистой чохе, с изящно откинутым башлыком, в начищенных до блеска мягких сапогах и высокой барашковой папахе.

Приезжая из Чаргали в Тбилиси, Важа обычно останавливался у своего брата



Важа Пшавела с женой Тamarой в Чаргали. Снимок 1910 года. На обороте фото — надпись «Брату Сандро» и маленькое стихотворение с подписью.

Сандро Разикашвили. Там собирался определенный круг людей, близких поэту, среди которых он всегда чувствовал себя свободно и просто. Это были Иванэ Букураули, Шио Мгвимели, Нико Курдгелашвили (Наркани), Иродион Эвдошвили, Валериан Гуниа и его верный спутник, большой поклонник таланта Важа Пшавела — Давид Павлиашвили, за которым прочно закрепилось придуманное поэтом прозвище «Наполеон». В профиль он, действительно, напоминал карикатуру на Наполеона. Давид был некрасив, не удался ростом, сутулость делала его еще более приземистым, но это нисколько не мешало ему держаться с большим достоинством и с апломбом произносить речи и тосты.

Он еще учился в семинарии, но уже превосходно знал всю древнюю и новую литературу, до тонкости разбирался в вопросах искусства, был способным

журналистом. Важа Пшавела он поклонялся со священным благоговением, и по его собственному признанию, самыми счастливыми днями в его жизни, были дни пребывания поэта в Тбилиси.

* * * 314135330

Я помню, какое сильное впечатление произвело на Важа Пшавела сообщение об убийстве Ильи Чавчавадзе. Он немедленно оставил Чаргали и приехал в Тбилиси. Настроение у него было подавленное, он всячески избегал встреч и разговоров, все время старался уединиться.

Как-то мне с товарищами удалось уговорить его пойти вместе пообедать. Всю дорогу, не обращая внимания на наше желание отвлечь его от тягостных мыслей, он упрямо твердил: «Что за напасть такая, никак не могу прийти в себя».

Даже есть он не мог: «Челюсти мне свело, и каждый кусок в горле застревает».

Важа сидел, облокотившись о стол, не замечая никого вокруг, погруженный в глубокое раздумье. Он продолжал так сидеть даже когда мы кончили обедать, расплатились и встали из-за стола.

Наконец я заговорил с ним; он вздрогнул, будто отряхнулся от тяжелых мыслей, внимательно посмотрел на меня и сказал: «Я беседовал с Ильей».

Сколько различных толков, нелепых и необоснованных версий и мнений возникло тогда вокруг убийства Ильи Чавчавадзе.

Важа настойчиво и уверенно повторял: «Это дело рук царских жандармов. Неужели не ясно, что это их работа? Возможно, что убийцами были местные жители, но они ведь служили только оружием Николая. Все это уже не ново и очень похоже на историю Димитрия Кипиани».

Об одном из приездов Важа в Тбилиси я узнал от «Наполеона», который передал мне просьбу поэта зайти вечером в винный погреб братьев Хелашвили.

Это «заведение» находилось у бывшего Воронцовского моста и было очень популярным среди поэтов, писателей, журналистов, артистов, музыкантов. Братья Хелашвили нередко скрывали у себя и революционеров.

В этот вечер круг собравшихся у Хелашвили был значительно шире, чем обычно. Кроме обычных посетителей, там собрались и педагоги, группа служащих банка и много других представителей грузинской интеллигенции. Был здесь и писатель Шио Арагвиспирели. Разговор быстро стал общим, потому что был затронут наболевший вопрос о судьбах родной страны.

К удивлению Важа Пшавела, многие из собравшихся пессимистически относи-

лись к будущему Грузии, отвергали мысль о том, что грузинский народ еще обретет независимость, что трудящиеся освободятся из длительного заточения в застенках царского самодержавия. Особое недоумение вызвало то, что к этой группе неожиданно примкнул и Шно Арагвиспирели, сказав, что Грузия медленно катится вниз, к своей гибели. Важа терпеливо выслушивал эти разговоры. Вдруг он со всего размаху ударил кулаком по столу. Потухла лампа. Разбилась тарелка. Чувствовалось, что поэт вложил в это движение всю свою злость, возмущение, неудержимое желание прекратить эти слезливые, разлагающие речи.

— О, как мне жалко тех, кто еще вам верит и надеется на вас. Говорят, что рыба портится с головы, но вы уже полностью прогнили и превратились в зловонные трупы.

Он встал и вышел на улицу. Я и «Наполеон» вышли за ним вслед и увидели, что Важа, заложив руки в карманы чохы, торопливо шел по мосту. Он был так возбужден и зол, что не пожелал с нами разговаривать.

* * *

Заглянув по своим делам в редакцию «Сахалхо пурцели», в которой я работал, Важа разыскал меня и таинственно шепнул на ухо: сегодня приходи к Хелашвили. Не помню сейчас точно, было это в 1908 или 1909 году.

Когда я пришел, Важа уже ждал меня, сидя в углу за столиком, на котором лежали свеженспекенный грузинский хлеб, копченая рыба, зелень, тушинский сыр.

Он налил мне стакан красного «Саперави» и сказал: «Ты еще молод, но я почему-то очень тебе доверяю и надеюсь на тебя». Произнеся эту фразу, он долго молчал. Я всегда чувствовал его доброе, теплое, по-отечески покровительственное отношение ко мне. Но сегодня он заговорил со мной как-то особенно серьезно, как с равным.

Важа Пшавела начал рассказывать историю нашей родины, которая с первого дня была историей борьбы за независимость, вспомнил ее выдающихся сынов, отдавших жизнь в борьбе за великую цель — свободу своего народа.

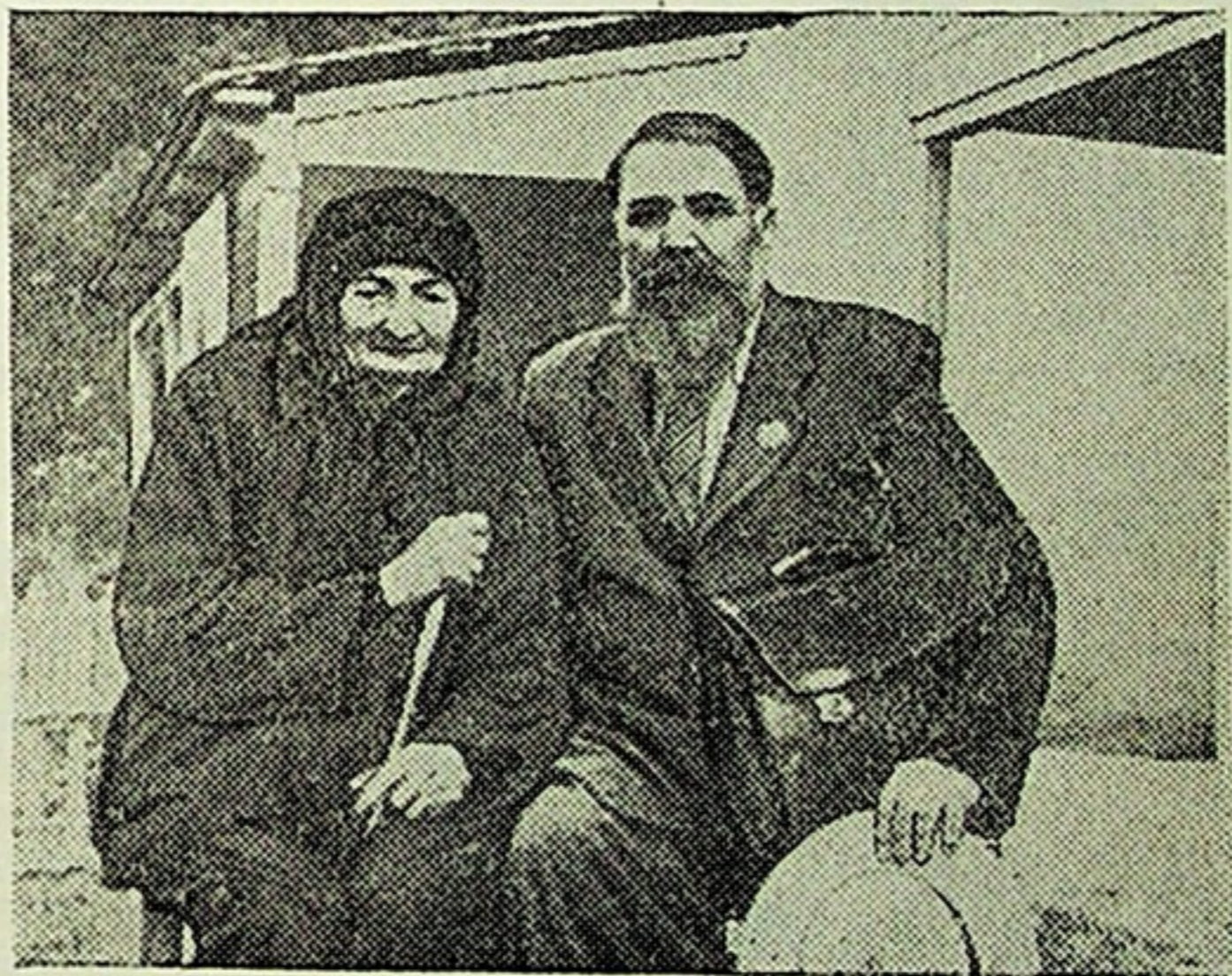
Он все время пристально смотрел на меня.

— Это главная цель и для нас с тобой, — сказал он. Затем снова смолк, но вдруг, почувствовав, что я собираюсь перебить его каким-то вопросом, заторопился объяснить мне, что же от меня требуется.

— Вот тебе поручение. Поезжай в Кахетию и найди там десять человек — надежных, беззаветно преданных родине, сильных и мужественных. Ты возглавишь эту десятку и будешь ждать моих дальнейших указаний, а по сигналу явишься со своими людьми к предварительно намеченному месту. В наших руках скоро будет огромная сила — мы соберем не менее пяти тысяч таких людей, для которых не будет ничего более святого, чем свобода отчизны. Тогда и начнется настоящая борьба. Со всех уголков Грузии народ двинется к Тбилиси...

Я слушал план восстания, задуманного Важа, и думал о том, какими огромными масштабами мыслит этот человек, как велик диапазон его дум и забот, и как все они в итоге сводятся к одной цели, к одному стремлению.

В черные годы реакции многие революционно настроенные сотрудники газеты «Сахалхо пурцели» были арестованы и даже сосланы. Появились новые люди, которых усиленно расставлял на руко-

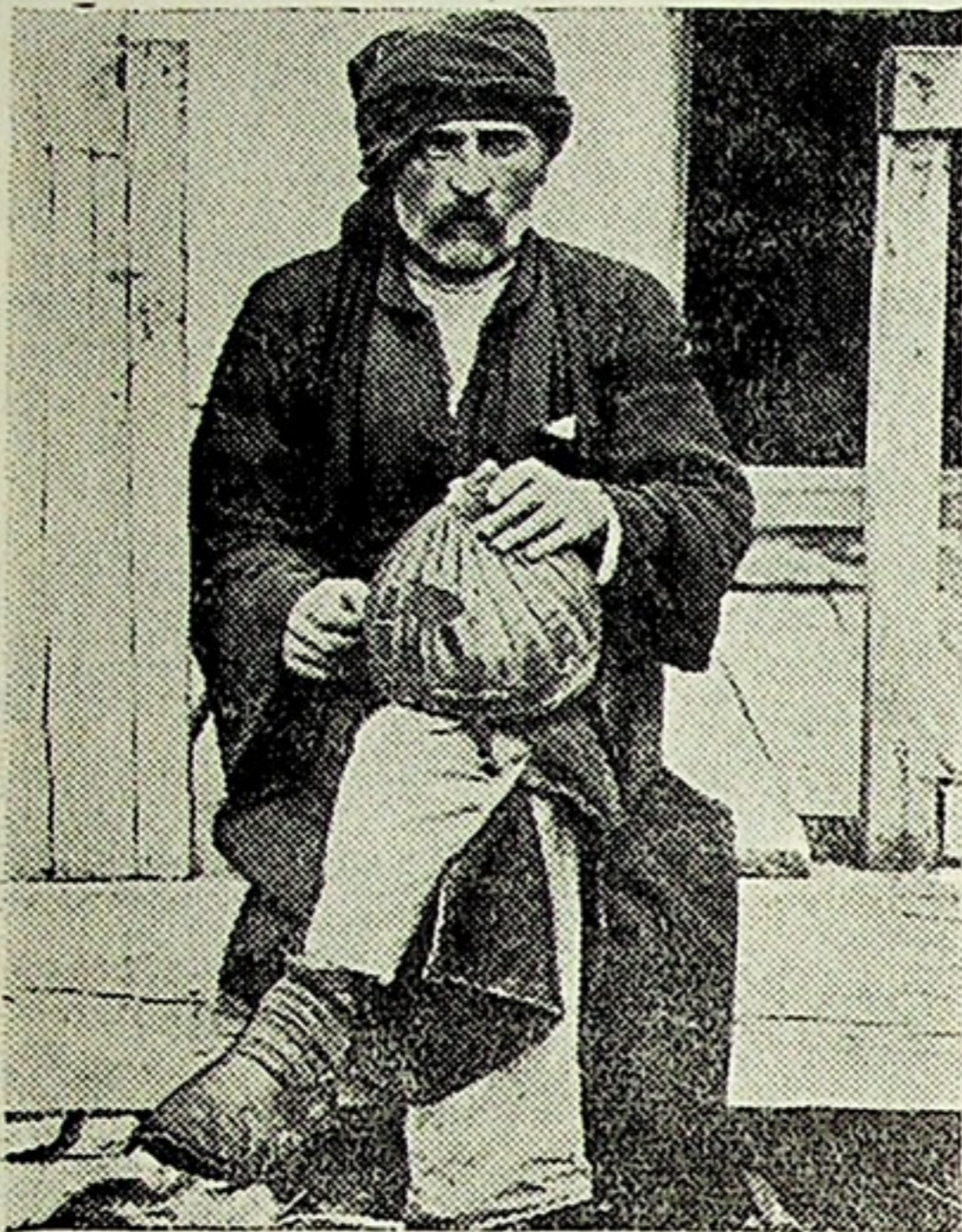


Тамара Разикашвили и Галактион Табидзе в Чаргали.
Снимок 1958 года.

водящие должности один из главарей федералистов Гуго Рцхиладзе. Редакцию «Сахалхо пурцели», в которой я тогда работал, возглавил некий Мелитон Гобечия.

С первого взгляда Мелитон Гобечия производил впечатление добродушного, мягкого человека. Но все знали за ним

одну слабость, из-за которой потом пострадало немало людей. Он искренне и горячо верил в величие своего таланта, чувствовал себя чуть ли не основопо-



Важа Пшавела в Чаргали. Снимок 1913-14 гг.

ложником новой грузинской поэзии. А свои «колхидские сонеты» считал классикой.

Когда, после долгого отсутствия в Тбилиси, Важа Пшавела зашел в редакцию, он еще не знал о больших переменах, которые произошли в «Сахалхопурцели». О событиях последнего времени ему наперебой рассказывали Р. Бебиацвили, Н. Курдгелашвили и я. Его поразило сообщение о том, что выслали Илью Агладзе. Мы указали на сидящего в кабинете Мелитона Гобечия, занявшего место Ильи.

Важа прошел в кабинет.

Через открытую дверь мы видели, как Гобечия поправил очки на носу, внимательно посмотрел на Важа и спросил:

— Кто вы? По какому пожаловали делу?

Невозможно было предположить, что Мелитон, действительно, не узнал поэта. Он должен был узнать его хотя бы потому, что ежедневно смотрел на висевший в редакции портрет Важа Пшавела. Совершенно ясно, что это был некрасивый выпад завистливого и ограниченного человека. Важа достал из-за пазухи аккуратно сложенные листки со стихами и протянул их Гобечия.

— Так это вы — Важа Пшавела? — с деланным удивлением спросил редак-

тор. — А это ваши стихи? — произнес он и с нескрываемым презрением пробежал глазами первые строки стихотворения.

Я почувствовал, что назревает скандал, и прикрыл дверь кабинета. Мы уже были знакомы с мнением Мелитона Гобечия относительно поэзии Важа Пшавела. Он считал, что стихи Важа ничего общего не имеют с настоящей литературой, что они засорены жаргоном, лишены музыкальности. Воспользовавшись личной встречей, он поторопился высказать поэту свое «компетентное» мнение.

О том, что произошло в кабинете, мы узнали позже. Из-за закрытой двери глухо доносился разговор, шедший на высоких нотах. Но он был коротким. Прошли считанные минуты, и Важа, резко хлопнув дверью, вышел из кабинета.

— Ну и дерьмо! — произнес он и быстро прошел к выходу.

* * *

Благодаря усердию «деятелей», вроде Мелитона Гобечия, почему-то широко распространилось мнение о недостаточной образованности поэта, о его скудных познаниях в классической и современной европейской литературе.

Эти несправедливые сплетни очень просто можно было опровергнуть, познакомившись хотя бы поверхностно с творчеством Важа Пшавела.

Разве можно было согласиться с таким нелепым утверждением, прочитав превосходно выполненные Важа Пшавела переводы произведений Шиллера и Эдгара По. И в своих суждениях о литературе и философии он был гораздо умнее и проницательнее тех, кто с презрительной снисходительностью говорил о знаниях поэта.

Я никогда не забуду один разговор, который состоялся между мной и поэтом. Был период, когда некоторые представители нашей интеллигенции, особенно среди молодежи, увлекались теорией Ницше. Когда разговор между нами коснулся этого вопроса, Важа раскритиковал Ницше обоснованно, логично, глубоко, и от «гениальной» философии этого провидца не осталось камня на камне.

«Слабому, беспомощному, истощенному духовно существу необходима сильная личность, «сверхчеловек». А ведь, если вдуматься, каждый сорванец по своим моральным качествам куда сильнее и куда более рыцарь, чем Заратустра Ницше. Заратустра — воплощение коварства, бесчестия, вероломства, надругательства над слабым».

* * *

Вспоминается торжественный вечер, посвященный чествованию великого грузинского поэта Акакия Церетели.

К этому юбилею с радостным волнением готовилась вся Грузия. Мы слышали, что между Акакием и Важа произошла какая-то размолвка, и не ожидали приезда Важа Пшавела в Тбилиси на юбилей.

Но в момент поздравлений юбиляра вдруг на сцену вышел Важа. Раздался такой взрыв аплодисментов, что казалось, зал рухнет. На сцену посыпались цветы.

Перекрывая шум в зале, прогремел голос Важа:

— Дай бог, чтоб все матери растили таких сыновей, как ты! — обратился он к Акакию. — Да благословят твою лиру небеса за службу на благо отчизны!

Акакий поднялся и пошел навстречу Важа. Они расцеловались, у обоих на глазах блеснули слезы.

* * *

На званом вечере у Михаила Абашидзе собралась почти вся литературная общественность столицы. Был там и Важа Пшавела. Весь вечер читались стихи, обсуждались литературные новинки.

Вдруг известный актер Сосо Иванидзе предложил Важа Пшавела состязаться с ним в сочинении экспромта и тут же предложил тему: экспромт должен быть посвящен молоденькой Лизико, родственнице хозяина дома.

Чувствовалось, что Важа принял это предложение без особого удовольствия, но отказаться было неловко.

Он больше часа корпел над листком бумаги, мучительно создавая две строфы. (Они были потом напечатаны в газете «Сакартвело»). Сосо Иванидзе легко набросал длиннущее стихотворение, состоявшее из зарифмованных трескучих фраз.

Стихотворение трудно было дослушать до конца, даже гостеприимный хозяин дома не удержался и под конец задремал.

Это состязание послужило поводом для множества шуток о том, как Сосо Иванидзе «победил» Важа в создании стихотворения.

* * *

Как ни признан был Важа в широких кругах общественности, как ни любим был народом, «сильные мира сего» — представители власти, относились к поэту более чем холодно.

Ни для кого не было секретом, что Важа Пшавела жил в большой нужде, зачастую впроголодь. Но его никогда никто не поддержал материально. Даже разрешения организовать юбилейный вечер ему приходилось добиваться с трудом, преодолевая сопротивление во многих инстанциях.

По этому поводу газета «Сакартвело» поместила карикатуру, на которой был изображен великан Важа Пшавела в окружении своих «попечителей», которые с трудом доставали до его щиколоток.

* * *

Этот юбилей был последним праздником поэта. Состояние его здоровья очень ухудшилось, болезнь настойчиво и непрерывно напоминала о себе.

Однажды в период болезни я навещал его вместе с Шио Мгвимели. Поэт очень обрадовался нашему приходу, попытался подняться с постели и даже хотел пройтись по комнате. Мы с трудом удержали его от этого рискованного поступка. Я пообещал навещать его на следующий день вместе с художником, который нарисует его портрет. Важа очень не любил фотографироваться, и на этот раз, когда зашел разговор о художнике, он запротестовал. Мы шутиво убеждали его, что по выздоровлении ему непременно захочется посмотреть на свое исхудавшее, совсем непохожее на обычное, лицо. Сами-то хорошо понимали, насколько серьезно положение.



Важа Пшавела в лазарете св. Нины.
Снимок 1915 года.

Художник В. Сидамон-Эривани приступил к работе с утра следующего дня.

Когда потом я зашел к Важа, мне показалось, что настроение у него не-

обычно приподнятое. Когда художник ушел и мы остались вдвоем, он вдруг ласково произнес:

— Спасибо, что не забываешь обо мне.

— А как же можно о тебе забыть, — сказал я, — тебя и недруг не забудет, не то что друг.

— Да, Шанше (он часто так обращался ко мне), недруг у меня есть. Ты ведь знаешь, кто мой враг, правда? — В глазах у него появился лихорадочный блеск, он попытался приподняться, но я поторопился уложить его. Когда я к нему прикоснулся, то почувствовал, что у него жар.

— Враг Грузии — мой враг! Еороны клюют раненого орла... — проговорил он. — Потом заговорил отрывисто, невнятно, обрывая фразы. После длительных пауз он переходил к новой теме, будто забыв, о чем говорил несколько минут назад. Трудно припомнить в подробностях все, что он тогда говорил.

Помню лишь, что, рассказывая о письме какого-то солдата к матери, он вдруг громко закричал: «Фронт прорван! Царский дворец берут штыками, а царь бежал!»

Я попытался успокоить его, переве-

сти разговор на другую тему, но он как назло продолжал выкрикивать: «Я получил еще одно письмо от солдата. Он писал не матери, а мне. Когда фронт прорывают, нужно бежать туда со штыками, нас там ждут».

Через некоторое время он пришел в себя, внимательно посмотрел на меня и виновато произнес:

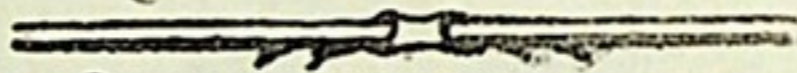
— Я, кажется, был в полусне, не помню, о чем тебе рассказывал.

Наверно, страх и недоумение были написаны на моем лице, и это заставило его оправдываться.

Я быстро переменял тему разговора, подбодрил его. Это была наша последняя встреча. Те, кто был возле него в последние минуты, рассказывали, что эти минуты были полны непомерными страданиями. Важа метался, вскакивал с постели, пытался бежать.

Спустя несколько дней вся Грузия оплакивала великого поэта.

Об этом печальном событии у меня осталось еще одно неприятное воспоминание: ни настойчивыми хлопотами, ни убедительными просьбами нам не удалось добиться у правительства права похоронить поэта на Мтацминда.





ბიბლიოთეკა
საქართველოს
საზოგადოებრივი

Вадим Михайлов

По тропам Пшав-Хевсуретии

О ЧЕРК

Парни моего поколения увлекались всем, чем положено увлекаться в этом возрасте: боксом, плаванием, лыжами — всего не перечислишь. Но, пожалуй, больше любили мы горные тропы, и небо, зажатое в черных ладонях ущелий, и снег, и цветы под шипами ботинок. Может быть, потому сборная грузинского альпийского клуба, сердце его памирской гвардии — это наши друзья, сверстники, родившиеся в первой половине тридцатых годов.

Мы пошли по жизни своими путями: одни стали физиками, биологами, строителями, другие — художниками и поэтами. Мы пошли по жизни разными путями, но осталось многое, что роднит нас, и в том числе — Пшав-Хевсуретия и домик в Чаргали, любовь к этой земле, к этому народу, и в трудные минуты жизни рядом с нами, вместе с героями нашей юности — Дон-Кихотом, Тилем Уленшпигелем, Сирано де Бержераком, становятся герои поэм Важа Пшавела.

Альпинисты избегают пройденных маршрутов. Исключение составляет первая любовь наша — Казбек и Чаухи, пять вершин, стоящих над Пшав-Хевсуретией. Мы приезжаем сюда для восхождений чуть ли не каждую осень.

Каждую весну приходим мы в Чаргали.

Всего в трех часах езды от Тбилиси лежит маленький, не похожий ни на один другой край, где издавна в людях нерасторжимы доблесть и поэтичность. Здесь все необычно — строгая суконная одежда, вышитая крестом, значительные, полные до-

стоинства лица, щиты и мечи, кольчуги, рыцарские турниры. И все это — в трех часах от Тбилиси. Но не легкость пути привлекает нас в Хевсуретию.

На книжной полке — томик Важа Пшавела. Только протянуть руку. Но не так легко дотянуться до самого сокровенного в поэзии Важа. Читая его, каждый раз заново приходишь к нему через всю свою жизнь. И домик в Чаргали и сам Важа тем органичнее входят в нее, чем труднее был путь, по которому ты шел.

В равной степени это относится и к реально существующим горным дорогам, горбатым, прерывистым, исчезающим.

В Чаргали можно пройти через Мта-Тушетию, потом по ущельям, населенным кистинами, которые тоже говорят о Важа, как о своем поэте.

Из ущелья Хде через два крутых хребта ведет в Пшав-Хевсуретию едва заметная тропинка. Здесь вы наверняка увидите туров.

Если хотите, поезжайте до Пасанаури, а там поверните машину вверх по Черной Арагве. Гудамакари — ущелье, сотканное из солнца и трепетной листвы, плавно развернется перед вами.

Шофер стискивает зубы. Капельки пота выступают у него на лбу. Машина, как сонный жук, ползет по камням. Наклоняется. Еще. Еще. Мимо, без дороги, чуть не по самому обрыву летит на мохнатой хевсурской лошаденке какой-то парень. Махнул рукой, крикнул «привет» и исчез. А машина снова неуклюже ворочается на краю обрыва.

Здесь, в селении Чохи, живет Вано Циклаури. Тбилисцы знают его в основном как охотника и проводника. Земляки больше ценят в нем хорошего животновода, человека с большим жизненным опытом. Он участвовал в Отечественной войне. Повидал Европу. После войны ведет у себя в селении партийную работу. Разводит скот.

Я всегда хорошей завистью завидовал его умению спать на снегу — завернувшись в бурку, просто, обыденно, без всякого намека на героизм. И еще — его легкой, юношеской походке.

Когда ему шел шестой десяток, он поехал в Сванетию и поднялся на Ушбу. Не отставал от молодых.

У него свое понимание вещей, свои неповторимые интонации, благодаря которым слова Гете или знакомый лермонтовский стих, произнесенные им, всегда звучат как-то по-новому. А может быть, виной тому возвышающиеся вокруг горы и воздух Хевсуретии?!

Сервантес говорил, что горы рожают философов и королей. Грузинские горцы — хевсуры, пшавы, тушины — со своей непримиримой ненавистью к деспотизму, со своей страстью к свободе не позволили родиться на своей земле ни одному феодалу. Эти горы — родина философов и поэтов.

В Чаргали ведет много разных троп. В мае этого года я прошел туда из Казбеги, через ущелье Сно и перевал Джута. Речка снесла мосты, и наша экспедиция трижды окуналась в ее ледяные воды, прежде чем мы достигли селения. Мы рассчитывали повидать здесь нашего товарища по университету, молодого поэта Ираклия Арабули, но он уехал в какую-то командировку, и встреча не состоялась. В наше распоряжение предоставили ветхое приземистое здание школы. Открылась дверь маленькой прихожей, и из полутьмы навстречу нам блеснули глаза привязанного к сломанной парте теленка. Во дворе валялся изъеденный ржавчиной кинжал. Нам объяснили, что школа пустует.

— Неужели вы не знаете! Ведь в Барисахо выстроили громадную, не хуже, чем в Тбилиси, школу-интер-

нат... А в этой было всего два класса.

В новой школе и светлые классы, и спортзал, и столовая. В этой школе будут учиться и жить дети Пшав-Хевсуретии. И преподают здесь уроженцы этих мест — молодые выпускники тбилисских вузов. Вот почему в ветхом здании школы оказались только грустный теленок и запыленные парты.

Утром мы вышли к перевалу Джута. На перевале снег был по пояс. Кое-где встречались ледовые и фирновые участки. Приходилось рубить ступени. Рядом по склону вился волчий след. Тучи стаями бродили над перевалом. Они осыпали нас дождем и градом. Грохотал гром. Потом откуда-то сбоку выполз, искажая окружающие предметы, редкий туман. Я шел, выбивая ступень за ступенью, и из-за этого тумана не мог толком понять, сколько осталось до перевала: двести или двадцать метров. За мной шла девушка. Когда я уставал, я оборачивался и смотрел вниз на пройденный путь, и на снежные вершины, и на черные волосы, тронутые ранней сединой, на спокойное, без следа усталости, лицо, на всю маленькую, будто вросшую в снег фигурку. Иногда она улыбалась, и тогда на левой щеке у нее появлялась ямочка. Я спрашивал: «Ну, как?» — и снова рубил ступени. На перевале встретили нас ветер и снег. Тускло поблескивало замерзшее озеро. Мы сидели спиной друг к другу и смотрели на зеленую долину, лежащую далеко внизу.

Мы не разговаривали по дороге. Я только спросил два раза, по рассеянности, как ее фамилия. По дороге идешь, думаешь о своем. А то и вовсе не думаешь, только прикидываешь, куда повернуть, где лучше пройти. Теперь что-то нужно сказать.

— Хочешь сухарь?

— Нет. — Я чувствую, она качнула головой.

— Бери. В горах так нужно — все пополам...

Подошли наши товарищи. По черным ползучим осыпям мы быстро спустились к тропе. Снова — пятна снега, невысокая зеленая трава, желтые тюльпаны. Снова белые, зеленые, черные плоскости раскачиваются под нами, как палуба корабля в шторм.

Потом было селение Рошки, и хозяин дома, Хута Циклаури, чтобы развлечь нас, не выключал радиоприемника, угощал хевсурским пивом и рассказывал, какой необычайно богатый окот в этом году. Говорил он отрывисто, скупое, будто стесняясь многословия. Слепая старуха пряла шерсть. Белокурые большеглазые дети молча смотрели на нас.

Оказывается, в этом году действительно очень богатый окот. Пастухи не спали ночами, принимая ягнят. Комсомольские бригады обязались сохранить весь приплод. Грубые, большие руки усатых «акушеров» становились нежными, принимая мокрых, курчавых новорожденных. Это все за семьсот километров отсюда, на Кизлярских пастбищах. На зиму овец переправляют туда, а весной привозят обратно. Везут их в громадных контейнерах, по сто пятьдесят штук в каждом. Там, на Кизлярских пастбищах, для грузинских пастухов выделили земли и под бахчи и огороды, так что осенью можно побаловать ребят арбузами.

...Всю ночь лил дождь. Он не перестал к утру, когда нам надо было уже уходить. Пошли под дождем. К полудню, мокрые до ниточки, добрались до Барисахо, потом на машине до Чаргали.

Оставив у порога ботинки, которые изрядно надоели нам своим хлоппаньем и чавканьем, входим в дом Важа Пшавела. Знакомый камин, ружье, ларь для хранения муки, часы без стрелок. Голо, сурово. Кто-то начинает разговор о том, что живи-де Важа в наше время, ему бы и хорошую квартиру и машину... но умолкает, поняв неуместность своих слов в этих повенчанных с вечностью стенах.

В первой комнате висят фотографии и портреты Важа Пшавела. Я люблю его открытое мужественное лицо. Оно всегда озарено каким-то юношеским

светом. Вот он в кругу своей семьи — отец, наставник, спокойный, уверенный в своих силах. Вот он с братьями и друзьями. Везде — просветленное, сосредоточенное лицо. В осанке, в посадке головы — простота, естественность, ни тени позы — будто этот человек никогда не осознавал своего величия.

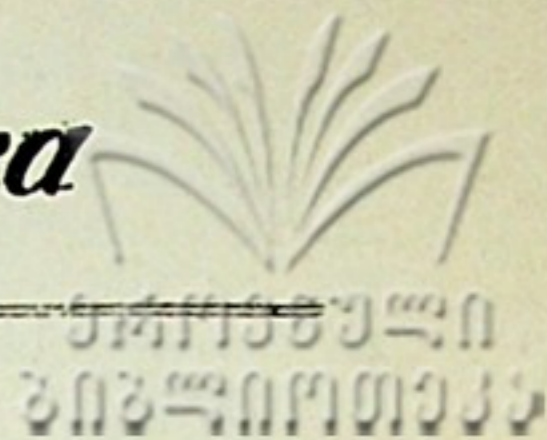
Я думаю о Миндии. Конечно, духовный мир автора глубже и шире мира его героя, и Важа не равнозначен Миндии, но я почему-то представляю себе этого последнего внешне похожим на Важа. И если философия всеобщего блага приводит Миндию к гибели, то, наряду с этим, она отражает вековые мечты и чаяния одного из самых миролюбивых народов, вся предшествующая история которого прошла в жестоких войнах с захватчиками.

А вот посмертная маска. Фотография, сделанная незадолго до смерти поэта. Важа лежит на носилках в окружении сестер милосердия. На заднем плане — здание университета, занятое в то время под лазарет.

Рядом со мной, у стеллажа, где собраны статьи о Важа, стоит группа студентов-филологов. Один из них вслух читает горячие слова, посвященные Важа лучшими из поколения наших отцов.

Во дворе шумят деревья, журчит родниковая вода. Об этой воде тосковал он в последние минуты жизни, об этой траве и земле.

Мы уезжаем. Автобус везет нас в Тбилиси. Позади остаются стада, запрудившие дороги, огромные косматые волкодавы, загорелые суровые лица пастухов, крохотные электростанции на бурных речках, древние камни с начертанными на них стихами. Много, забытое сейчас, вспыхнет в памяти через годы. На каких еще перепутьях поможет нам Важа сделать правильный выбор?..



Михаил Квеселава

Горы, высокие горы...

Каждая эпоха рождает своеобразное восприятие природы человеком. Каждый художник воспринимает красоту мира по-своему. Некоторые выражают свое удивление и восхищение величием мира. Другие с почтительным вниманием изучают «разумные законы» природы, для того, чтобы с большей полнотой выразить ее в своем творчестве. Одни довольствуются простым созерцанием чарующей красоты мира, другие же не могут успокоиться, пока не постигнут объективных закономерностей его развития.

В свою очередь и природа «по-разному открывается каждому» (Гете). Она бесконечна, многообразна и красноречива для тех, кто умеет прислушаться к ее голосу, холодна и безмолвна для тех, кто глух и нелюбопытен. Великий грузинский поэт Н. Бараташвили писал:

Но верю я, что у вещей бездушных
Есть свой, для нас неведомый язык.

И разве только Бараташвили верил в существование «неведомого языка», «таинственной речи»? Каждый истинный поэт с обостренной чуткостью прислушивался к миру окружавших его «бездушных» вещей, к голосу «безмолвной» природы. Вспомним Гете, который говорил о «языке без звуков». Разумеется, этот вопрос должен был особенно занимать такого, неразрывно связанного с родной природой поэта, как Важа Пшавела. Описывая недоступные вершины, зеленые долины и кущи, журчащие ручьи своего любимого края, Важа стремился постичь его язык.

Вера в одушевленность природы была присуща народу еще в древнейшие времена. Но это была наивная вера, порожденная наивным, примитивным взглядом на жизнь. Человечество проделало с тех пор огромный путь. Сознание людей, развиваясь, развеяло туман суеверий и ложных представлений, окутывавший взгляды человека на природу. Можно сказать, что этот путь прогресса человеческого мышления был путем по-

степенного освобождения от примитивных анимистических, пантеистических представлений.

Однако то, от чего освободилось научное познание, еще сохранилось в области поэзии. Совершенно ясно, что в настоящее время никто не станет серьезно утверждать, будто тот или иной поэт действительно верит в одушевленность, сознательность дерева, ручья, горы... Но столь же очевидно, что никто не сможет отрицать художественной условности при описании природы. В поэзии всех народов мира природа до сих пор живет, дышит, мыслит. Она то грустит, то веселится. В поэзии обладают даром речи растения и птицы, шепчут что-то на своем таинственном языке ручейки. Горы мечтают. Все вокруг способно приветствовать солнце, жизнь. Но повторяю, было бы наивным утверждать, что кто-либо из писателей действительно верит во все это. Анимистическое восприятие природы давным-давно уже потеряло убедительность истины. В него не верят даже тогда, когда прибегают к нему, как к средству художественной выразительности.

Вопрос об отношении Важа Пшавела к природе не поддается примитивно-прямолинейному разрешению. Но сложность вопроса вовсе не означает его неразрешимости. Ясный и недвусмысленный ответ на него дает сам Важа в своем творчестве.

Поэт органически воспринимает животворящую силу природы, во многом следуя в данном отношении за своим великим предшественником — Гете. Каждая строчка, вышедшая из-под его пера, решительно отвергает всякие наивные попытки связать его мировосприятие с первобытными анимистическими и антропоморфистскими представлениями. Уместно напомнить здесь известное высказывание Гете:

«Природа не имеет языка, не владеет

речью, но она создает тысячи языков и сердец, которыми говорит и чувствует».

Мировоззрение Важа Пшавела самобытно. Оно порождено прежде всего социальной жизнью его родины, характером населяющего ее народа, особенностями ее природы. Он писал:

«Неужели не видим мы, что у природы нет глаз, нет головы и, следовательно, где же быть разуму? Но ее законы и правила, разумность и устремленность ее развития удивляют и поражают нас».

Однако то, что природа в творчестве Важа говорит, дышит, радуется или печалится, вовсе не дает основания для вывода об идеалистичности его мировоззрения, символическости его поэзии. Слова поэта совершенно ясны и не дают оснований ни для каких двусмысленных толкований. Он говорит о «разумности» законов природы, но вовсе не о «разумности» самой природы. Разница, как видим, существенная и принципиальная. Именно так и следует понимать все высказывания поэта о «сознании» природы, ее «характере», о мыслях и чувствах, испытываемых ею. Природа мертва. «Разум» и «душа» в ней появляются лишь в поэтическом сознании. Художник, творец обладает способностью вдохнуть в нее «душу живую». Это и отличает истинного поэта от людей «слепых» и «глухих» к окружающей красоте, это делает его всемогущим и всемогущим, как бог. Гордостью за величие человека и могущество его творческих сил звучат слова Важа:

Вдохнул я душу в мертвую природу,
Немые скалы речью одарил.

В другом месте Важа Пшавела признается: «Как бы мы ни старались, не сможем заставить говорить камни. И потому мне приходится мыслить и рассуждать за них, так как очень хочется услышать их речь».

Прием «одарения речью» безъязыкой природы помогает писателю понять ее «тайный голос», ее «беззвучный язык» и стать своеобразным переводчиком, посредником между молчащим миром и человеком. Однако, этот литературный прием — никак не выражение мировоззренческой концепции, которую пытались приписать Гете, а позже и Важа Пшавела.

Не выдерживает критики и утверждение некоторых исследователей о том, будто Важа «приписывает» природе человеческие мысли, чувства, переживания. Вопрос не в простом механическом «перенесении» черт живого мира на неживой. «Очеловечивание природы» — этот термин скомпрометирован в трудах

целого ряда западноевропейских последователей идеалистической философии и эстетики — Гросса, Липса, Ворингера и других, которые исходили из взглядов Платона и Гердера. Идеалистическая суть теории «очеловечивания природы» заключается в том, что она признает источником поэтического образа не реальную, объективно существующую действительность, а исключительную личность поэта-художника.

Достаточно обратиться к творческой практике любого по-настоящему крупного и самобытного художника, чтобы убедиться в несостоятельности этой теории. Так, Важа Пшавела искал и находил художественные образы, соответствующие чувствам и переживаниям человека, в окружающей действительности, в природе. И поэтому при анализе его творчества всегда следует помнить об условности приема «одушевления» природы. Его мировоззрение, а следовательно, и его творчество материалистично, так как исходит из признания объективно существующей действительности.

Острый взгляд поэта видит и замечает вокруг себя многое такое, что остается скрытым для обычного человека. Именно поэтому картины природы, окружающей действительности у него совершенно неповторимы, носят характер оригинальной, своеобразной, субъективной образности. Поэтическое отображение действительности в творчестве Важа Пшавела обусловлено диалектикой взаимоотношений объекта изображения — реальной действительности и субъекта — писателя.

Поэт такой неповторимой индивидуальности, как Важа Пшавела, который накладывает на все изображаемое неизгладимый отпечаток своего творческого «я», признавал в то же время, что «фантазия художника не может создать ничего, что бы не было порождено реальностью».

Приведенные нами общие воззрения Важа Пшавела на отображение действительности в литературном творчестве имеют для него не просто теоретическое значение.

В воспоминаниях Д. Кобиашвили рассказан один случай, представляющий в этом отношении для нас особый интерес. Мемуарист рассказывает:

«Однажды я и Важа направлялись в Тианети. По пути мы остановились возле деревни Варцли и принялись собирать грибы. Увлечшись, мы разошлись в разные стороны. Когда я снова увидел Важа, он сидел под большим кизилковым деревом и о чем-то сам с собой разговаривал взволнованно и горячо. Подождав пока он умолкнет, я подошел

и спросил: «Что случилось, с кем ты разговаривал?» «Я доказывал, — ответил он, — что в природе все имеет свой язык, все близко друг другу. Видишь, в лесу кизилы стоят все вместе, буки собрались в одном месте. И так всякие деревья: когда они вместе — лучше растут».

Как видим, такое восприятие органически присуще Важа, характерно для его мироощущения. Только поэт, который так воспринимает природу, мог сказать: «Не знаю, как вам, но мне густой мрачный лес напоминает грустящего, накупившегося человека».

В свое время Гете писал, что процесс видения является в то же время процессом придания формы. Это полностью можно отнести к поэзии Важа. Воспринимая природу в человеческом аспекте, он так же изображал ее и в своем творчестве. Такое видение окружающей действительности для него естественно и органично. И поэтому всякие попытки искусственно навязать ему «очки» всякого рода анимизма и антропоморфизма, символизма и гилозоизма искажают облик великого поэта, обедняют его поэтический мир, ограничивают кругозор.

Перечитайте великолепные поэмы Важа, вспомните описания пейзажей, и сейчас же перед вами встанут картины многоликой природы — грустящей и веселящейся, думающей и чувствующей, приносящей добро и делающей зло. И действительно, если вдуматься, как много окружает нас такого, что может быть понятно и осознано только с человеческой «точки зрения».

Горе осиротевшего косуленка может вызвать такое же сочувствие, как горе ребенка, потерявшего мать. Разве не равноценно самой большой человеческой трагедии, что оставшийся в одиночестве лебедь поет свою единственную и последнюю песнь — и умирает от тоски и любви? И почти прямой аналогией предсмертной «лебединой песне» звучат строки из народной песни:

Я выскажу тебя, мой стих,

Ведь, может, смерть меня настигнет.

Количество подобных параллелей можно увеличивать до бесконечности. Сколько интересного — и именно с человеческой точки зрения! — в необычайном трудолюбии пчелы, в поражающей организованности муравьиного роя, в непоколебимом «оптимизме» неунывающего сверчка...

Важа спрашивал: «Неужто фиалка, укрывшаяся в кустах и колючках, не напоминает вам оскорбленную истину?»

Если мы, подмечая необыкновенные явления природы, только лишь констатируем их, то Важа проникал в самую их суть. Природа — стихия его поэзии,

эмоциональный мир и источник вдохновения его художественного творчества.

Когда поэт бросает взор на горы, он говорит: «Они стоят и ждут чего-то». И кажется, что нельзя даже обращаться к горам иначе, чем со словами, которые можно было бы отнести к утомленному длительным ожиданием человеку.

«Горы! Высокие горы! Чего вы ждете? Скажите — чего? — искренним сочувствием звучит голос поэта. — Может быть, любимая покинула вас? Может, вы потеряли сына, гордые горы? Может, брат или мать у вас далеко-далеко и не шлют о себе вести?..»

Картина застывших в вечном ожидании гор порождает в сознании поэта горестные мысли, и ему кажется, что вместе с ним думают, горюют сами горы.

Важа Пшавела поэтическим чутьем ощущает, как мыслит и чувствует природа. Его волнует лишь то, что она, мыслящая и чувствующая, таится от человека. И поэтическое творчество Важа Пшавела целиком и полностью направлено на то, чтобы обнаружить, понять и художественно выразить это «таинство». И снова вспоминаются вечные поиски гетевского Фауста, который хотел познать для себя и для всего человечества, что же такое мир, который нас окружает, какую тайну скрывает он от людей? Важа Пшавела называет это исконно присущее человеку стремление постичь мир «ненасытностью глаза и сердца». По гениальному обобщению Важа, это стремление присуще не только человечеству. Оно свойственно каждой вещи, каждому предмету, каждому животному, деревьям и цветам, высоким горам.

«Стоят горы и ждут, — пишет поэт. — Их ожидание вечно и нескончаемо. И ничего, ничего в мире не сможет высушить в их сердцах море ожидания. Нет у него ни конца, ни края...

Стоят горы и ждут. Неведомое горе охватило их каменные сердца. Но они не умирают, не погибают, а стоят и ждут. Кого? Или чего? Чего-то таинственного и незримого. Хотите знать, что это такое? Желание увидеть невидимое».

Никто не в силах увидеть невидимое, узреть что-либо за пределами нашего зрения. Однако человек не удовлетворяется познанием природы только в тех пределах, которые ему даны. Важа пишет:

«Все, что доступно для глаза и сердца человеческого, уже постигнуто. И сейчас людям недостаточно этого, они жаждут иного, нового. Но это ведь ненасытность глаза и сердца? — спраши-

ваег он и тут же отвечает: — Да, именно так».

Неослабное желание познать «таинственную речь» природы пронизывает все творчество Важа. Еще Гете говорил, что природа раскрывает свои тайны только в прекрасном. Для Важа это положение проявляется в виде конкретных пластических картин. Его горы «выдают» свою тайну прекрасным многоцветием цветов, шелестом трав, смелой линией оленьего прыжка, легким струением тумана...

Таков для Важа язык природы. Но даже он не смог «овладеть» этим языком в совершенстве. Не смог потому, что, по убеждению поэта, он не достиг той высоты, когда человек становится «венцом» природы. Таким является в его творчестве Миндия — идеальный герой, совершенный человек, достойный считаться «венцом творения». Повторяю — идеальный, но не реальный. Зато для Важа Пшавела совершенно реальна сама природа, реальны ее «человеческие» чувства. Именно потому с такой простодушной верой бросает он упрек:

«Почему не поете вы, горы? Неужто доведется мне умереть, так и не услышав ни разу вашего голоса, вашей песни? Почему не смеетесь? Удостойте меня хотя бы улыбки вашей, вершины...»

Никакими призывами нельзя нарушить молчания гор. Но Важа одарил их голосом — могучим голосом своей поэзии, научил петь, улыбаться улыбками цветов.

Перед смертью Важа, этот непревзойденный певец родных гор, попросил испить воды из горного родника: «Она напомнит мне о горах», — сказал он. «Бога ради, — попросил он сестру милосердия, — расстели мне постель на полу, а кругом набросай полевых цветов». И снова: «Они напомнят мне о горах...»

Органическое единство человека и природы. Только это чувство могло породить единственные и неповторимые в мировой литературе образы, какие мы встречаем в поэзии Важа. Приведем для примера такую «образную цепь». Солнце вырвалось из плена дракона, и тогда венценосная весна пустила вскачь своего сказочного скакуна — Мерани — вверх, на пшавские горы и доли; здесь Арагви бросится ей навстречу, торжественно усыплет путь цветами и травами, а горный ветерок, как добрый вестник, помчится вперед, разнося радостную

весть; а потом, утомленный от бега, где-нибудь на пологом склоне приляжет отдохнуть...

Горы — родная стихия Важа, его романтическая вечная любовь. Глядя на них, поэт возвышается душой: «Люблю высоту, потому люблю и горы», — говорит он. Важа и в людях ценит это же качество, любит тех, «кто возвышается душой и сердцем».

Все, что говорилось о своеобразии изображения гор в творчестве Важа Пшавела, можно с полным основанием отнести и к природе в целом. Так же живо и вдохновенно рисует поэт небо и землю, весну и рассвет. Чудесный летний пейзаж он смело сравнивает с ликом царицы Тамары. Полевые цветы — с ее глазами. Быстрая Арагви напоминает ему юношу с саблей на перевязи, звезды — пуговицы на груди неба.

Некоторые образы поэта поражают своей необычностью, но стоит повнимательней приглядеться к ним, и они с такой же силой поражают точностью и свежестью поэтического видения. Вспомните хотя бы такую картину — горный ручеек бежит, отбросив волосы и напевая свою песенку, а вся природа замолкла, прислушиваясь, и глядит на него, широко раскрыв умные глаза, словно хочет поделиться с ним какой-то тайной. И снова знакомый мотив: ожидание. Чего ждет все вокруг, что напевает ручеек, какую тайну хранит природа, боясь выдать ее? Поэт стремится услышать таинственный голос природы, чтобы понять, чего она ждет.

Молча стоят высокие горы, стоят и ждут чего-то нового, большого и неведомого. Иногда послышится их сдержанный вздох, ливнями обрушится в ущелья. Утром проснется Арагви, склонятся к ее чистой воде суровые горы, омоются в ней и снова стоят неподвижно, как вооруженные воины на страже родных просторов.

И ясно представляешь, как стоит, подняв взор к вершинам, великий Важа и, словно с живыми друзьями, разговаривает с ними на языке своей бессмертной поэзии. Он видит: насупились, намурились высокие горы, стесненные ущельями. Он знает: они ждут чего-то нового, неведомого и прекрасного. Он верит: подымет над вершинами солнце, пронесется по кручам освобожденный Мерани весны-победительницы, и одинокий олень услышит отклик на свой призывный клич.



С л о в о д р у ж б ы

В 80-х годах прошлого столетия на поэтическом небосклоне Грузии загорелась новая яркая звезда. В грузинскую литературу пришел Важа Пшавела.

Мудрец с тяжелыми руками пахаря и с проникновенным взглядом мыслителя подарил родному народу неоценимое богатство, вошедшее огромным вкладом в сокровищницу многовековой национальной культуры.

Важа Пшавела, чье творчество, достигнув высот мировой поэзии, стало подлинной гордостью грузинского народа, был глубоко оригинальным и самобытным творцом, воспитанным на лучших традициях национальной литературы. В то же время он сумел вобрать и творчески освоить все лучшее, что сохранило потомству человечество. Важа Пшавела был превосходно знаком с лучшими образцами мировой литературы, ярким свидетельством чему являются его глубокие рассуждения о Шекспире, Сервантесе, Гете и др. Однако особенно близкой для Важа Пшавела была русская литература.

Великий грузинский поэт, страстно ненавидя самодержавно-чиновничью Россию, с неизменной любовью относился к России Пушкина, Белинского, Льва Толстого.

С русской литературой и фольклором Важа Пшавела познакомился еще в Телавском духовном училище, где он получил первоначальное образование. «Плодами моего шестилетнего пребывания в телавском училище, — вспоминал впоследствии Важа Пшавела, — явились... русские былины, которые мы изучали с охотой, учитель русского языка у нас был хороший...».

Уже со школьной скамьи у будущего поэта пробуждается усиленный интерес к русской литературе. Поступив для продолжения образования в 1879 году в Горийскую учительскую семинарию, директором которой был ученик К. Ушинского выдающийся педагог Д. Семенов, Важа Пшавела с упоением читает сочинения Белинского, Чернышевского, Герцена. Тут же в семинарии двадцатилетний юноша переводит, вернее, переделывает на грузинский лад пьесу А. Н. Островского и П. Я. Соловьева «Счастливый день». Обращение юного Важа к русской литературе в самом начале сво-

его творческого пути — не просто дань хорошей традиции, но прежде всего — свидетельство той огромной любви, которую он испытывал к передовой культуре братского народа. Переделка Важа Пшавела получила положительную оценку и была послана в Москву на Российскую художественно-промышленную выставку.

В 1883 году Важа Пшавела, желая получить высшее образование, едет в Петербург, где поступает вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета. Однако тяжелые материальные условия вынуждают его оставить учебу, и спустя год Важа Пшавела возвращается на родину. За это время он еще ближе знакомится с русской литературой и культурой, общается к общественной жизни России.

Русская литература всегда была для Важа Пшавела примером самоотверженного служения народу. «...Искусство следует за потребностями страны, — писал он. — За примерами не надо ходить далеко, перед нами история русского искусства. Начиная от Ломоносова, вся русская литература служила и служит удовлетворению этих нужд. Было, к примеру, в России время, когда подражали европейскому просвещению только по его внешним признакам — и в одежде, и в образовании, заодно с плохим отрицая и свое хорошее. Литература в свое время повела борьбу с этим пороком. А дальше мы знаем, какие идеи, какие нужды возникли в жизни, и поныне те же идеи тревожат лучших сынов России, и поэзия так же служит этим идеям и нуждам» («Кое-что»).

Обращает на себя внимание то место высказывания Важа Пшавела, в котором речь идет об идеях, тревоживших лучшие умы России. По цензурным условиям он не называет эти идеи, но несомненно имеет в виду революционные идеи передовой русской литературы. Великий грузинский поэт не только приветствовал и разделял эти идеи своих русских братьев по перу, но и выступал в той же статье проповедником «тенденциозного», иначе говоря, — высокоидейного искусства, ополчаясь против сторонников бессодержательной, так называемой «чистой» поэзии.

Важа Пшавела понимал, что свободы и света родной народ добьется лишь путем тесного содружества с русскими братьями. Поэтому-то он так страстно ратовал за это сотрудничество, выступал поборником дружбы народов («Письмо пшавского солдата»).

К русской литературе Важа Пшавела обращался на протяжении всей своей жизни как поэт, как философ и как теоретик литературы. В этом отношении весьма характерно, что, отстаивая свое известное положение о взаимосвязях устного народного творчества с литературным произведением, о необходимости черпать все лучшее в фольклоре, «претворяя, переплавляя материал в горниле собственной души», Важа Пшавела ссылался на пример Пушкина, отмечая как чрезвычайно положительный факт, влияние национального фольклора на великого русского поэта. В статье „Pro domo sua“ он писал: «...Сам Пушкин говорил одному видному собирателю народного творчества, когда тот пришел к нему: «А знаете, ведь я краду ваши стихотворения». Если бы наши слышали об этом, они бы завопили: «Смотрите, Пушкин-то оказался вором, он крал свои стихи у народа!» Всякий, кто хорошо знаком с русским народным творчеством, согласится со мной, что это народное творчество имело большое влияние на Пушкина. Пушкин освоил этот народный клад, и как раз в этом его величие. И все разумные люди считают это не недостатком Пушкина, а его величайшим достоинством...»

Важа Пшавела указывал не только на тесные взаимосвязи творчества Пушкина с русским фольклором. Опираясь на высказывания Белинского, он отмечал преемственность творчества Пушкина, образно сравнивая великого русского поэта с морем, которое вбирает и впитывает в себя различные реки, не теряя при этом своего величавого облика. «...У нас принято считать предосудительным чье бы то ни было влияние на писателя, — писал Важа. — Будто это влияние унижает достоинство таланта. А я считаю это явление естественным, нормальным и даже обязательным в силу закона, называемого законом преемственности. И в этом нет ничего удивительного. Не случайно ведь известный русский критик Белинский говорил о великом русском поэте Пушкине, что, не будь Державина, не появился бы и Пушкин... Писатель обязательно испытывает на себе то или иное влияние. Иначе он был бы бессодержательным, пустым существом, если к тому же он не умеет отобразить впечатления. От чего может звучать его лира, если он не будет прислушиваться к событиям и делам своего времени и не услышит стихов и песен, не увидит волнующих явлений жизни или останется глухим к

явлениям природы? Все это вместе и есть так называемые внешние факторы, а субъективный фактор — это писательское сердце, которое воспринимает их и отликает в определенные формы».

Из этих высказываний видно, как важным теоретическим выводом привели грузинского поэта его глубокие раздумия о Пушкине.

Любовь к своему великому русскому собрату по перу Важа Пшавела сохранил на всю жизнь. Он очень высоко ценил Пушкина, считал его величайшим народным поэтом России. Однажды Важа Пшавела сказал своему приятелю Д. И. Спасскому: «Слиться с народом во взаимном творческом понимании — счастье поэта... Пушкин... Да, он один, только он... да еще Руставели верили в то, что к ним «не зарастет народная тропа»¹.

С большим уважением и любовью отзывался Важа Пшавела и о Тургеневе. Он особенно подчеркивал умение Тургенева создавать образы большого воспитательного значения. «...Одной из важнейших обязанностей писателя, — утверждал он, — является создание типов как отрицательных, так и нужных для улучшения жизни — положительных. Вот почему велика вина писателя и поэта, если он может, но не рисует типы, достойные подражания, могущие иметь воспитательное значение для молодежи. Да и сама литература, лишенная этого качества, бесхребетна и пресна. Хорошо понимал это ныне покойный выдающийся русский романист Тургенев и поэтому изображал в своих романах различные яркие типы разных времен... Он создавал идеальные типы, и молодежь подражала и по сей день подражает им. По правде говоря, если молодежь и следует винить в том, что у нее есть идеи и вера, то в этом в какой-то мере повинен Тургенев» («Кое-что»).

Особо пристальное внимание Важа Пшавела привлек его современник Лев Толстой. Этот интерес великого грузинского поэта к титану русской литературы был вполне закономерен и символичен. «Мудрым отцом огромного мира» называл его Важа, с упоением читал произведения Толстого, знакомился с его биографией. В статье „Pro domo sua“ Важа Пшавела, восторженно отозвавшись о Толстом, указывал на истинную народность его творчества. Известие о смерти Толстого грузинский поэт вос-

¹ Д. И. Спасский-Медынский — педагог, являвшийся в одно время судебным следователем в Тианети. В 1909 г. был уволен за сочувствие к революционному движению. Сведения о нем и отрывок из его неопубликованных воспоминаний заимствованы из книги В. Гольцева «Литературно-критические статьи». Тбилиси, 1957 г., стр. 173, 183.

принял как большое личное горе, излив свои чувства в проникновенном стихотворении «На смерть Льва Толстого». Как плач опечаленной души, вырвались из-под пера Важа Пшавела строки:

Одна ль Россия? — мир огромный
Лишился мудрого отца,
Пролившего на наши души
Сиянье своего венца.

Но Важа был не только бескорыстным почитателем русской литературы, он был принципиальным и взыскательным судьей, отвергавшим все неприемлемое даже у любимейших писателей. Именно он осудил рассказ Тургенева «Отчаянный», выразил принципиальное несогласие с Л. Толстым по поводу некоторых его взглядов на русскую поэзию, высказанных в «Предисловии к роману В. Фон Поленца «Крестьянин» (1901). Как известно, в этом «Предисловии», отразившем противоречия в мировоззрении великого писателя, Толстой отрицательно отозвался о целом ряде русских поэтов, назвав Некрасова «лишенным поэтического дара», отнеся к числу «весьма сомнительных поэтов» Майкова, Полонского, Фета и других. Важа Пшавела никак не мог согласиться с этим мнением, тем более, что имя «печальника земли Русской» — Некрасова пользовалось огромной популярностью в Грузии. В статье «Где поэзия?» Важа Пшавела, рассуждая о критериях оценки поэтического произведения, писал: «Мы должны только сказать, что все они, порицатели и восхвалители, до того, как придумают какую-либо поэтическую теорию и согласно ей оценят произведение, руководствуются собственным вкусом, нюхом, чутьем. Сколько и сегодня почитателей у певца России Некрасова, сколько лучших русских журналов хвалят и возвеличивают его, и вот недавно, как известно, великий русский писатель граф Толстой окрестил его именем «совершенно бездарного поэта»; та же участь постигла Полонского, Фета...»

Характерно, что Важа Пшавела с бережным вниманием относился к высказываниям Толстого. «Здесь кроется какая-то тайна, — продолжал он в той же статье, — которую необходимо... исследовать. Граф Толстой ведь не Тредьяковский, чтобы впустить его слово в одно ухо, а из другого выпустить. Его имя слишком велико, его великий талант не могут отрицать ни почитатели, ни враги, и, следовательно, мы должны задуматься над всяким его высказыванием, взглядом на того или иного писателя...»

Глубокие раздумья привели Важа Пшавела к позициям, в корне противоположным точке зрения Толстого по указанному вопросу. В той же статье он убедительно выступил против теории «отмирания поэзии», доказав, что

поэзия так же вечна, как вечно человечество.

В высказываниях Важа Пшавела можно встретить интересные оценки, данные Ломоносову, Тредьяковскому, Державину, Пушкину, Белинскому, Тургеневу, Л. Толстому, Полонскому, Фету, Надсону и др. Особенно интересно отношение Важа к литературно-критическому наследию Белинского и других русских революционных демократов, которые, безусловно, оказали на грузинского поэта определенное влияние.

• • •

Важа Пшавела всячески популяризировал русскую литературу. Как уже отмечалось, еще на заре своего творчества он переделал пьесу «Счастливый день». В одной из его ранних корреспонденций из Тианети («Голос с гор») мы встречаем двустишие на русском языке, принадлежащее, видимо, одному из русских поэтов:

Жизнь не то, что говорили
Мои книги и мечты¹.

С этого времени стремление познакомиться своих соотечественников с образцами русской литературы приобретает у Важа Пшавела систематический характер.

Перу великого грузинского поэта принадлежит перевод поэмы Лермонтова «Демон», изданный в 1896 г.² под названием «Каджи»³. Глубоко прочувствовав неразрывную связь поэмы Лермонтова с грузинским фольклором, Важа Пшавела наполнил свой перевод многочисленными нюансами народного творчества. В этом переводе ярко проявилось глубоко самобытное дарование великого грузинского поэта, его симпатии к достойному преемнику Пушкина — М. Ю. Лермонтову.

Русской литературой и фольклором навеяны сюжеты и персонажи таких произведений Важа Пшавела, как поэмы «Стенька Разин и его возлюбленная».

Придавая большое значение укреплению дружеских связей между русской и грузинской интеллигенцией, Важа Пшавела переводит в 1909 году стихотворение «Мечта Грузии», принадлежавшее перу поэта А. Н. Кремлева, который жил одно время в Грузии.

¹ Важа Пшавела. Собр. соч., т. 7, стр. 418, Тбилиси, 1956 г. (на груз. яз.).

² «Сакартвелос календари», 1896 г. Кстати, в книге Анны Николадзе «Русско-грузинские литературные связи» (Тбилиси, 1958 г. этот перевод неточно датируется 1897 годом (см. стр. 50).

³ Каджи — в грузинской мифологии злой дух.

Архивные материалы рассказывают о том, как вдумчиво и кропотливо работал Важа Пшавела над рукописями, которые он писал на русском языке. К числу их принадлежит незаконченная статья «К памяти И. Г. Чавчавадзе»¹, в которой Важа Пшавела задался целью рассказать русским читателям о жизни и деятельности великого грузинского писателя. И. Чавчавадзе, по словам Важа, « всю свою жизнь посвятил служению обществу делом, словом, мыслью, всем своим существом ». « ... Кто первый являлся у нас проповедником гуманных идей, ныне ставших модными, — писал Важа, — борцом за права человека, защитником обиженных и оскорбленных — это он — Илья Григорьевич Чавчавадзе »².

Видимо, Важа Пшавела даже задумал создать художественное произведение на русском языке. На эту мысль наводит автограф прозаического произведения, действие которого происходит во время русско-японской войны. По этому отрывку трудно судить о фабуле всего произведения, но ясно одно — главным героем (или одним из главных героев) произведения является русский человек весьма передовых воззрений.

Все сказанное выше наглядно свидетельствует об огромной любви Важа Пшавела к русской культуре и ее творцам.

В свою очередь и передовая русская общественность с неизменной симпатией относилась к великому сыну грузинского народа. Творения Важа Пшавела снискали популярность у русского читателя еще при жизни великого поэта. На рубеже XIX—XX вв. переводы произведений Важа Пшавела на русский язык становятся весьма частым явлением.

На страницах «Нового обозрения», «Кавказа» и других газет появляются «Рассказ косуленка», «Божественный огонь» (отрывок из поэмы «Бахтриони»), «Дикий осот», «Горный ручеек». Эти переводы, выполненные с большой тщательностью и добросовестностью, были все же далеки от совершенства. Однако они свидетельствовали о большом интересе русских читателей к творчеству Важа Пшавела. Газета «Новое обозрение» уже в 1896 году публикует статью известного грузинского критика Гр. Кипшидзе «Новейшие грузинские поэты», посвященную творчеству Важа Пшавела и его брата, известного под псевдонимом Бачана.

¹ Институт рукописей АН ГССР. Фонд Важа Пшавела, № 175, стр. 2. Статья была написана в связи с годовщиной со дня гибели И. Чавчавадзе в 1908 г.

² Институт рукописей АН ГССР. Фонд Важа Пшавела, № 40, стр. 1.

В дальнейшем интерес передовой русской общественности к Важа Пшавела все более возрастает. Вероятно, еще в конце прошлого столетия, в период своего пребывания в Грузии, с творчеством Важа познакомился М. Горький. С этого времени, очевидно, и зарождаются у него симпатии к самобытному таланту грузинского поэта. Именно Горький явился одним из первых инициаторов создания новых качественных переводов на русский язык грузинских классиков, и в частности, Важа Пшавела. В этой связи большой интерес представляет переписка М. Горького с Н. Канделаки (1912—1913) по поводу издания грузинского сборника-альманаха на русском языке. Горький, как известно, охотно согласился принять активное участие в этом благородном деле. Наряду с другими вопросами, в переписке было затронуто и творчество Важа Пшавела. «Алексей Максимович, — писал в декабре 1912 года на Капри Н. Канделаки, — есть у нас выдающийся по дарованию и трудно поддающийся переводу писатель Важа Пшавела. Мы хотели спросить Вас, не возьмется ли Бальмонт переводить его, если мы пришлем подстрочный перевод? Только один Бальмонт может справиться с переводом и уловить дух поэта».

Горький отверг это предложение, боясь, что Бальмонт исказит самобытные и глубоконациональные творения Важа. «Пришлите мне подстрочные буквальные переводы Важа Пшавела, — ответил Горький Н. Канделаки в феврале 1913 года. — К Бальмонту я не стану обращаться, ибо не верю в его способности передать чужой текст точно, без искажений. Но со мною молодой стихотворец, ученик Бальмонта, я дам ему тексты Пшавела... он их переработает в стихи, а я отправлю эти стихи Вам, чтобы Вы сами коллективно проредактировали их и снова с поправками Вашими прислали мне. С Бальмонтом такая операция была бы невозможна»¹.

В материалах, подготовленных в 1913 году для грузинского сборника-альманаха, переводы Важа Пшавела занимали значительное место.

Шли годы, но интерес Горького к Важа Пшавела не ослабевал. В своих воспоминаниях, относящихся уже к периоду пребывания Горького в Грузии в 1928 году, писатель П. Кешелава писал, что Горький, узнав о том, что он работает над монографией о Важа Пшавела, с боль-

¹ О переписке М. Горького с Н. Канделаки см. статью Р. Канделаки «Горький и грузинская литература», «Заря востока», 1929 г.

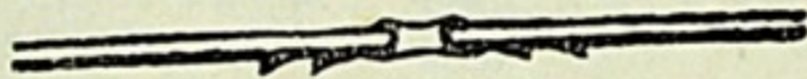
шой теплотой отозвался о великом грузинском поэте, особо отметив его глубокую народность. «Рабочие Грузии любят своих писателей,—заметил Горький некоторое время спустя. — Помню, как они читали Церетели, Эристова, Пшавела, Чавчавадзе, Ниношвили. Они делали большое дело, народное дело. Их надо переводить на русский язык, на языки других народов»¹.

Дело, начатое М. Горьким, достойно продолжили другие выдающиеся деятели русской советской литературы, которые внесли большой вклад в дело ознакомления русских (да и не только русских) читателей с гением грузинского народа. Переводами произведений Важа на русский язык занимались Н. Тихонов, В. Державин, С. Спасский, А. Кочетков, В. Звягинцева, Р. Ивнев и др. Но особое место среди всех, кто переводил Важа, принадлежит Н. Заболоцкому, который блестяще перевел почти все эпическое наследие Важа Пшавела. Переводы Заболоцкого явились значительным событием в культурной жизни нашей страны. Переводчик очень бережно отнесся как к идейному замыслу автора, так и ко всей сложной художественной ткани подлинника. Он сумел ярко передать многогранную языковую стихию Важа Пшавела, социальную сущность и подлинную народность его творений.

¹ Цит. по кн. В. Имедадзе «Горький в Грузии», стр. 119.

Переводы Н. Заболоцкого заслужили положительную оценку как в Грузии (акад. А. Барамидзе, Ш. Апхаидзе, Г. Маргвелашвили, Т. Чхенкели и др.), так и в России. В содокладе П. Антокольского, М. Ауэзова и М. Рыльского на Втором съезде советских писателей говорилось: «...Эта работа оказалась несравнимой ни с чем предыдущим в силу того, что поэт расчистил туман лже-толкований, снял тяжеловесный убор, которым украшали Важа Пшавела до сей поры. Он увидел подлинные черты народного поэта, его легкий, сквозной рисунок, стремительное движение его рассказа. Работа Заболоцкого... должна считаться образцовой».

С большим вниманием отнеслись и относятся к Важа Пшавела и русские советские литературоведы. Творчеству великого грузинского поэта и мыслителя, внесшего значительный вклад в сокровищницу мировой поэзии, посвящены интересные статьи и исследования П. Павленко, В. Гольцева, Е. Лундберга, Р. Миллер-Буницкой и др. Монография Е. Лундберга и Е. Гогоберидзе о Важа Пшавела, изданная на русском языке в Москве и Тбилиси, за короткий срок выдержала три издания. Можно без преувеличения сказать, что в условиях советской действительности творчество великого сына земли грузинской стало подлинным достоянием русского народа, как и других братских народов, объединенных в одну могучую, монолитную семью.





Борис Пирадов

Важа Пшавела и революция 1905 года

(По неопубликованным архивным материалам)

Еще в 90-х годах прошлого столетия в Грузии засверкали первые зарницы революционной грозы. Волны забастовок и крестьянских волнений в 1900—1904 годах, все нарастая, обрушивались на самодержавный строй.

Революция 1905 года охватила все районы Грузии. Ее грозное дыхание достигло и горных ущелий Душетского и Тианетского уездов далекой, затерявшейся в горах Пшави.

Великий грузинский поэт Важа Пшавела, всей своей жизнью, помыслами и творчеством связанный со своим народом, всей душой приветствовал эту очистительную грозу.

«Человеческое терпение иссякло, — писал он в одной из своих статей в феврале 1905 года. — Голодный уже не молчит о том, что он голоден, битый — что его били, пленник — что его держат в неволе, раб о своем рабстве... Прежней жизни пришлось отчитаться перед нашим будущим. Как разоблаченный жулик, она пытается скрыться куда-нибудь, спасая свою шкуру. Вот, какие настали времена».

Активное участие Важа Пшавела в революции 1905 года было подготовлено ранними связями поэта с народническим кружком Михаила Кипиани и целым рядом последующих событий в его жизни.

В 1882 году, когда Важа Пшавела служил учителем в селении Эрцо, сельский священник сообщал о нем в доносе властям:

«Этого учителя нельзя держать здесь, так так он внушает детям противоправительственные идеи»¹.

Такие же доносы о «неблагонадежности» Важа Пшавела писали и сельский старшина и священник из селения Диди Тонети, где несколько позднее пришлось учительствовать поэту.

В период нарастания революционных событий газета «Кавказ» сообщала:

«Волнение распространяется быстро, причем некоторые селения (речь идет о Пшавских селениях Тианетского уезда — Б. П.) проявляют сильное возбуждение...»²

«В Накалакарском, Земо-Тианетском и Магароскарском обществах, — доносил уездный начальник своему начальству, — крестьяне удалили старшин, писцов, судей и рассыльных. Они собираются в воскресные дни для выбора новых должностных лиц, а затем думают двинуться толпой на Тианети, почему я сегодня вызываю из Душети роту. По ходящим слухам, собираются разгромить присутственные места»³.

Тианетский уездный начальник в начале апреля 1905 года незамедлительно стал собирать агентурные сведения о наиболее выдающихся участниках революционного движения в уезде.

В рапорте этого ретивого служаки сообщалось: «Доношу вашему превосходительству, что мне удалось агентурным путем напасть на след некоторых лиц во всех обществах, где происходили восстания. Так, например, агитиро-

¹ ЦГИА ГССР ф. 39, д. 962, л. 5.

² Газета «Кавказ» 1906 г. № 87.

³ ЦГИА ГССР ф. 17, д. 5265, л. 17.

вали народ беспорядками¹ в Эрцойской долине и Магароскарском обществе — сын священника сел. Вадави Душетского уезда Антон Чхеидзе и житель сел. Чопорти того же уезда Чопикашвили.

Из проживающих в уезде известен грузинский беллетрист, сотрудник грузинских газет Лука Разикашвили, пишущий под псевдонимом «Пшавели» (пшавец), который большую часть года живет в сел. Чаргали, Магароскарского общества Тианетского уезда.

О лицах этих я сообщил начальнику жандармского управления, прося командировать офицера для совместных обысков и задержания, так как Разикашвили (Пшавели) крупная сравнительно личность среди грузинских деятелей...»².

Пшави и другие горные районы восстали. Представители властей почти повсеместно были изгнаны. Горцы обезоруживали казаков и солдат, из тайников доставали дедовское оружие, шашки, кинжалы, старинные кремневые ружья...

Важа Пшавела, пользовавшийся в народе огромной популярностью, возглавил пшав-хевсурский вооруженный отряд, с которым собирался в это время двинуться в Тбилиси.

Этот смелый план Важа не сумел осуществить. Силы небольшого, плохо вооруженного пшав-хевсурского отряда не могли сыграть какой-либо решающей роли в революционных событиях 1905 года в Грузии, и Важа это понял.

В период первой русской революции значительные революционные выступления в отдельных городах и уездах не слились в одном наступательном порыве.

В. И. Ленин писал: «... эти вспышки бессильны, каждая поодиночке... но объединенные вместе, эти вспышки могут слиться в такой могучий поток революционного пламени, перед которым не устоит никакая сила на свете»³.

Волнения в горах не утихали. Осенью 1905 года все тот же Тианетский уездный начальник докладывал тифлисскому губернатору:

«Происходящие в других местах Кавказа события снова возымели свое действие. Беспорядки охватили весь уезд, перейдя исключительно на политическую почву. Кругом устраиваются митинги, крестьяне прекратили всякие сношения с уездной администрацией и избрали своих правителей, вследствие чего сельские управления прекратили свои действия, население не дало на военную службу ни одного новобранца, и вообще в уезде началось что-то похожее на анархию»⁴.

Не только Важа Пшавела, но и его родной брат Тедо включились в активную борьбу.

22 сентября 1905 года горийский уездный начальник Альфтан докладывал начальнику:

«Житель сел. Хелтубани — Разикашвили Тедо состоял председателем революционного комитета, по инициативе которого народ удалил правительственных судей и старшин и заменил их лицами, избранными революционным комитетом»⁵.

В другом документе деятельность Тедо Разикашвили характеризовалась еще ярче:

«Главарь и руководитель местной революционной партии в сел. Хелтубани — Тедо Разикашвили... Односельцы беспрекословно исполняют его приказания. Во время бойкота крестьянами помещиков последние вынуждены были обращаться к Разикашвили с просьбой дать письменное разрешение крестьянам исполнить для помещика ту или иную работу.

Еще 23 марта по подстрекательству Разикашвили толпа крестьян отправилась в гор. Гори с намерением силой освободить арестованных полицией своих односельцев, но по дороге толпа была рассеяна казаками...

По инициативе Разикашвили в Хелтубани народ удалил правительственных судей и старшину, а их заменил лицами, избранными революционным комитетом»⁶.

В сентябре 1906 года Тедо Разикашвили был схвачен и заключен в тюрьму. Вскоре по этапу его выслали в далекую Олонецкую губернию.

¹ Так в документе. (Б. П.).

² ЦГИА ГССР ф. 17, д. 5265, л. 56 и 56 об.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 502—503.

⁴ ЦГИА ГССР ф. 17, д. 9160, л. 5.

⁵ ЦГИА ГССР ф. 1 д. 66 л. 38.

⁶ ЦГИА ГССР ф. 1 д. № 09, л. 41.

Опасность расправы нависла и над Важа. В различных документах сообщалось о его «опасной и вредной деятельности», о его «огромном влиянии» в народе.

Видимо, популярность эта среди революционно настроенного населения была настолько велика, что запросто схватить и арестовать народного поэта власти не решались. Арест Важа мог послужить спичкой, поднесенной к бочке с порохом.

В 1907 году, когда реакция победила, опасность расправы над Важа Пшавела усилилась.

В июле 1907 года в горные районы Грузии был направлен с секретным заданием командир 1-го Кавказского железнодорожного батальона капитан Самонов. Ему было поручено установить настроение горцев и выявить активных участников революционного движения.

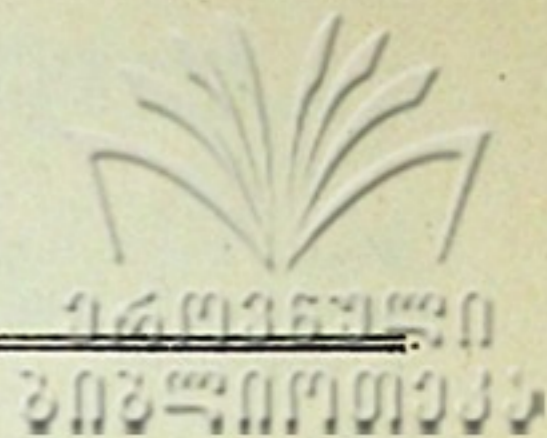
Результаты своей миссии Самонов изложил в обширном рапорте, в котором дал подробную характеристику настроений горцев и отдельных организаторов революционного движения в горных районах Грузии и Северного Кавказа.

Часть его рапорта была посвящена описанию положения в Магароскарской сельской общине.

«Во главе революционного движения сего района, — докладывал Самонов, — стоит народный поэт Важа Пшавела — прозвище. Фамилия — Лука Разикашвили, проживает в сел. Чаргали. Означенный Разикашвили — пшавец, имеет неограниченное влияние на пшавцев, считается народным вождем, я лично знаю его, умный, хитрый человек, который, главным образом, пишет всем прошения и ведет, путем печати грузинской, агитацию, а в последнее время сообщает неверные сведения о наступившем будто-бы голоде в Хевсуретии, о неурожае. Ввиду крайней вредности Важа Пшавела, как человека умного и деятельного, необходимо обдумать ряд мер, дабы его обезвредить, ибо арест его может вызвать серьезные последствия и брожение среди магароскарцев»¹.

Неизвестно, как именно собирался Самонов «обезвредить» Важа Пшавела, но это ни ему и никому другому не удалось. Великий грузинский поэт был силен тем, что был с народом, которому подарил свое богатое и многогранное творчество, глубину мыслей, прогрессивность идей, замечательное поэтическое мастерство и огромную впечатляющую силу великолепных образов.

¹ ЦГИА ГССР ф. 3с. д. 192, л. 75—76.



Нодар Гурабанидзе

Важа Пшавела и грузинский театр

Поразительной многогранностью, идейной глубиной бессмертных творений Важа Пшавела, колоссальной впечатляющей силой его художественных образов следует объяснить тот факт, что они столько времени вдохновляли и вдохновляют мастеров грузинской музыки, резца и кисти, служат неиссякаемым источником духовной пищи для мастеров театра.

Грузинская сцена видела немало произведений трагедийного жанра. Однако по-настоящему созвучны ей такие трагические поэты, как Важа Пшавела. Важа явился первым выразителем чувства трагического в грузинской поэзии. Ни один из грузинских писателей не стоит так близко к греческим трагикам, этим отцам поэзии, как Важа. Для героев его произведений характерна цельность, моральная определенность, и всем своим могучим, неодолимым порывом устремлены они к достижению этического идеала. Эти герои хорошо сознают, что в конечном счете гибель их неизбежна, но это не останавливает их. Можно сказать, что здесь мы имеем дело с определенным сочетанием шекспировского и софокловского понимания трагического: с одной стороны, герои Важа знают, что им «предначертано волей рока», но с другой стороны, — не подчиняются судьбе.

Первым, кто почувствовал, какой сильный спектакль может быть создан по произведениям Важа Пшавела, был режиссер Сандро Ахметели. В поэмах Важа увидел он будущее грузинской трагедии. И действительно, пьеса «Ламара» (по мотивам произведений Важа Пшавела), блестящие спектакли «Изгнанник» (театр им. Марджанишвили) и «Бахтриони» (театр им. Руставели) ознаменовали новую эпоху в истории грузинского театрального искусства. В пьесах Важа перед зрителем предстал совершенно новый мир, населенный

мужественными и бесстрашными героями, воплощающими лучшие национальные идеалы. Вот почему эстетические и творческие искания талантливого грузинского режиссера Сандро Ахметели обрели твердую почву, едва только он обратился к творчеству Важа Пшавела. Стремление Ахметели создать героический театр, преодолеть «теорию потолка», приевшиеся традиции бытового театра определялось тем, что в нашей, советской эпохе видел он новых героев, гигантов творческой мысли и трудового подвига.

В поисках своеобразного стиля Ахметели опирался на лучшие достижения национального искусства, на гениальные находки Важа Пшавела и Пиромани. В народном грузинском театре «ряженных» его привлекало оригинальное решение проблемы пространства, глубина, общность и многоплановость. Использованием их стремился он достичь «массовой индивидуальности» и «индивидуальной массовости». Грузинская многоголосная народная песня раскрывала перед ним новые возможности, вдохновляла его на создание особой, неповторимой многоплановости, подчиненной общему, главному лейтмотиву.

Когда театр Руставели с триумфом выступил в Москве и Ленинграде, когда режиссерские искания С. Ахметели увенчались блестящим успехом, он сказал: «Мы шли путем, начало которого лежало в «Ламаре», через «Анзора», «Тетнульд» и кончая «Разбойниками»...

Итак, «Ламара» была первым спектаклем, воплотившим эстетические идеалы Ахметели! Действительно, в «Ламаре» впервые выкристаллизовались отличительные черты героико-поэтического театра. Важа Пшавела дал театру не только величественную тематику — тематику героическую, возвышенную, дал не только тональность этой темы — тональность политического, непосред-

ственного звучания, но и пластичное изображение героев, бурную ритмику и подлинно зрелищный элемент. В поэмах Важа даны острые трагические конфликты, представлены люди, твердо убежденные в своей правоте и моральной чистоте, подтверждающие их в сильных драматических коллизиях. Сама архитектура его поэм, переходы от напряженных сцен к возвышенному поэтическому монологу, а затем — к диалогу — все это было именно то, чего так настойчиво искал Ахметели.

Работу над «Ламарой» театр начал в сезоне 1925—26 гг. Первые два акта поставил Котэ Марджанишвили, истинный поэт грузинской сцены. Он осмыслил этот спектакль как возвышенное опозитивированное повествование о человеческой любви и смерти. Последующие же два акта были поставлены Ахметели, осмыслившим пьесу в ином, героическом плане. С. Ахметели вскоре снова вернулся к «Ламаре» и поставил ее именно так, как подсказывало ему его собственное театральное чутье. Он сделал этот спектакль торжеством героического народного духа, его темперамента, мужественной и поэтической природы, живого ритма массовых действий. На сцене, среди мастерски выполненных художником Ираклием Гамрекели декораций, воссоздавших суровый горный пейзаж — извилистые тропы, крутые склоны и грозные скалы, — ожили герои Важа Пшавела. Звучные речи их напоминали грохот водопадов, их движения отличались той неповторимой пластичностью, которая так присуща внешне сдержанным, но полным внутреннего огня и порывистым горцам. Индивидуальность этих героев в сочетании с монументальностью и эмоциональной насыщенностью массовых сцен создала удивительно волнующую картину. Здесь все поражало: и единое, стройное движение, и отдельные жесты, скульптурное разнообразие как отдельных деталей, так и целых сцен, непринужденность перехода от речи к песне, от жеста к пляске, от глубоко трагического пафоса — к жизнеутверждающему оптимизму.

Хотя в поэмах Важа значительное место уделено картинам быта грузинских горцев, главным для поэта были общечеловеческие идеи, вопросы взаимоотношения личности и народа, борьба могучих человеческих страстей, конфликт между понятиями о чести и долге и всеобъемлющим чувством мести, между ненавистью и любовью. Именно этим духом и был проникнут спектакль «Ламара», этот величественный гимн всемогущей силе любви. Постановка этого спектакля знаменовала победу истинно грузинского театра. Режиссеру удалось найти и героическую тему, к

которой он так страстно стремился, и средства для ее выражения. Хоть он и ошибался порой (например, когда фетишизировал ритм), но зато нашел новые, своеобразные формы для грузинского театра. Впоследствии он сумел развить свой метод, обогатить его, очистить от всего случайного, ненужного и использовать в своих классических спектаклях («Анзор», «Разбойники» и др.). Уже в июне 1930 г. он писал: «Возможно, «Ламара» была неизбежной ступенью в развитии национального грузинского театра, но долго задерживаться на этой ступени нельзя».

Таково значение созданного по мотивам Важа Пшавела спектакля «Ламара» для грузинской театральной культуры.

* * *

Замечательная пьеса Важа Пшавела «Изгнанник» («Отверженный») имеет странную историю: на протяжении многих лет она вообще была забыта грузинским театром. Затем ее намеревался поставить К. Марджанишвили, но почему-то не осуществил своего намерения. Только в 1945 г. эта пьеса была поставлена на сцене театра им. Марджанишвили (режиссер К. Андроникашвили), не по-настоящему величественный, проникнутый шекспировскими страстями спектакль создал режиссер А. Чхартушвили (театр им. Марджанишвили, 1957 г.), который еще в 1944 г. осуществил первую постановку пьесы Важа на сцене Батумского театра.

А. Чхартушвили глубоко понял и правильно осмыслил пьесу Важа. Трагедию двух непримиримых врагов — Чонты, похитившего чужую невесту, и Бахи, мстящего за свою поруганную честь и доброе имя, он сумел показать как трагедию по существу положительных характеров, совершающих преступление в угоду собственным страстям. Чонта, не сумевший совладать со своей любовью, похитил невесту Бахи и заслуживает наказания. Но Баха, охваченный жаждой мести, обращается за помощью к врагам своей общины — кистиам и совершает таким образом тягчайшее моральное преступление, подобно шекспировскому Кориолану.

Спектакль в постановке А. Чхартушвили был связан единым ритмом, герои — проникнуты истинно трагическим пафосом. Суровая простота, лапидарность и образность пьесы Важа получили свое полное отражение в спектакле. Монологи, проникнутые внутренней экспрессией, блестящее композиционное решение мизансцен — все это сближало постановку с авторским замыслом. Режиссер сумел коснуться самых глубоких корней произведения Важа, включив в сцену оплакивания Чонты один из шедевров народного творчества — песнопение плакальщиц. Прощание народа со своим героем

Чонтой было возведено до подлинного величия, где сила трагического сострадания захватывала сердца зрителей. Этой сцене предшествовала волнующая сцена изгнания Бахи, начинавшаяся с гневного, зловещего колокольного звона, затем — очаровательная пастораль (встреча Бахи с кистинской девушкой Гулсундой), неповторимая музыкальная градация (гул колоколов, траурное песнопение, лирическое интермеццо) и наконец — патетическая гибель Бахи у знамени своей родины. Все это создавало удивительно яркую палитру спектакля, разнообразие его симфонического строя, воспринимавшегося в единстве благодаря строгому распределению мизансцен и четкому внутреннему ритму. Спектакль заканчивался мужественной смертью обоих героев, искупивших свою вину и похороненных в родной земле как верные ее сыновья. Такова была главная мысль спектакля А. Чхартисвили: люди зачастую слепо следуют своим страстям, но все это отступает на задний план, как только их охватывает великая, всеочищающая любовь к родине.

В истории театра им. Марджанишвили постановка «Изгнанника» сыграла определенную роль, расширив масштабы и возможности его творческой деятельности, повысив художественное мастерство театрального коллектива.

Трудно дать в узких рамках журнальной статьи анализ всех постановок «Изгнанника», но все же следует особо отметить режиссерскую работу А. Васадзе в Кутаисском театре.

Третий спектакль, позволивший зрителю снова почувствовать дух творчества Важа Пшавела, это «Бахтриони» (пьеса, созданная Д. Гачечиладзе по мотивам поэмы Важа). Спектакль этот пользовался заслуженным успехом не только в Грузии, но и во время прошлогодних гастролей в Москве и Киеве.

Режиссер Д. Алексидзе сумел воплотить в спектакле на глубоко национальном материале общечеловеческие идеалы, взывающие непосредственно к сердцу и разуму зрителя. Мужественный дух грузинских патриотов, сочетающийся с самыми нежными и тонкими движениями человеческой души, получил в спектакле удивительно яркое выражение. Своеобразие этого спектакля, новизна режиссерского осмысления и актерского исполнения состоят в замечательном слиянии эпических и лирических моментов.

Можно смело сказать, что все сцены спектакля, — будь то героический под-

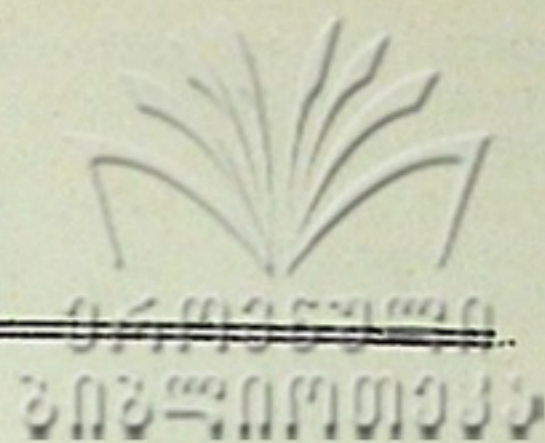
виг грузинских воинов, или их огневая пляска, или сцена «вопрошения» святыни — неразрывно связаны с волнующей историей любви и самопожертвования Лелы и Андареца.

Поразительно сильно и глубоко волнующе начало спектакля: за густым туманом неясно виднеются контуры изрезанных ущельями гор (художник Ф. Лапнашвили)... И внезапно слышится «песня гор» (композитор А. Чимакадзе), словно вздох этого сурового, мрачного мира; ожили, пробудились горы... Туманы расползаются по ущельям; все живое присоединяет свой голос к этой песне гор. И вот очистилась от тумана земля, на которой происходит действие спектакля. Совершенно исключительное по силе впечатление производит речь прорицателя о том, что по велению святых для победы необходимо принести в жертву непорочные души Лелы и Андареца. В эмоциональном отношении это — самая сильная сцена. Прорицатель (С. Закаридзе) медленно выходит на сцену, держа в правой руке меч, а в левой — свечу. Застывшие в ожидании чего-то сверхъестественного, воины стоят на коленях. Внезапно тихо, словно откуда-то издалека, из незримого мира доносится «Алило» (молитвенная песня), и прорицатель обращается к божеству и силам природы, вручая им души обреченных на гибель жертв. А затем воины провожают уходящих героев, ободряют их; слышится величественный хорал. У Важа Пшавела смерть во имя благородного дела — продолжение жизни, торжество человеческого духа, и это замечательно представлено в финале спектакля, когда прорицатель осеняет крестным знаменем погибших героев.

Спектакль «Бахтриони» — результат вдохновенного труда всего коллектива театра. Его принципиальное значение состоит в том, что он явился воплощением лучшей традиции грузинского театра — его поэтичности, возвышенности страстей, обобщенности и символичности образов, ясных, пластических средств выражения. Все это замечательному коллективу удалось одухотворить подлинной театральностью.

Поэтическое вдохновение представлялось Важа могучим орлом, слетавшим к нему на плечо. И можно сказать, что крылья этого орла изображены на занавесе, который опускался после исполнения «Ламары» С. Ахметели, «Изгнанника» А. Чхартисвили и «Бахтриони» Д. Алексидзе.





Важа Пшавела в кино

На протяжении всей своей истории кино, и особенно советское кино, развивалось в тесном содружестве с литературой. Немало лучших, этапных советских кинопроизведений имели первоосновой литературные произведения.

Грузинская кинематография еще на заре своего существования часто обращалась к экранизации литературных произведений. Однако приходится с горечью признать, что, создав целый ряд прекрасных фильмов-экранизаций, грузинская кинематография и до сих пор остается в непростительном долгу перед великим поэтом, прозаиком и мыслителем Важа Пшавела.

Впервые в киноискусстве к творчеству Важа обратились мультипликаторы. Еще два десятилетия назад грузинские кинематографисты попытались воссоздать на экране рассказ Важа Пшавела «Свадьба соек». Сценарий по мотивам произведения был написан поэтом Д. Гачечиладзе, началась даже подготовительная работа, однако снять фильм не удалось, так как грузинская кинопромышленность в то время не обладала еще достаточными техническими условиями для съятия высокохудожественного мультипликационного фильма. Только в 1958 году Тбилисская киностудия выпустила на экраны рисованный фильм «Свадьба соек», который очень тепло был принят зрителями.



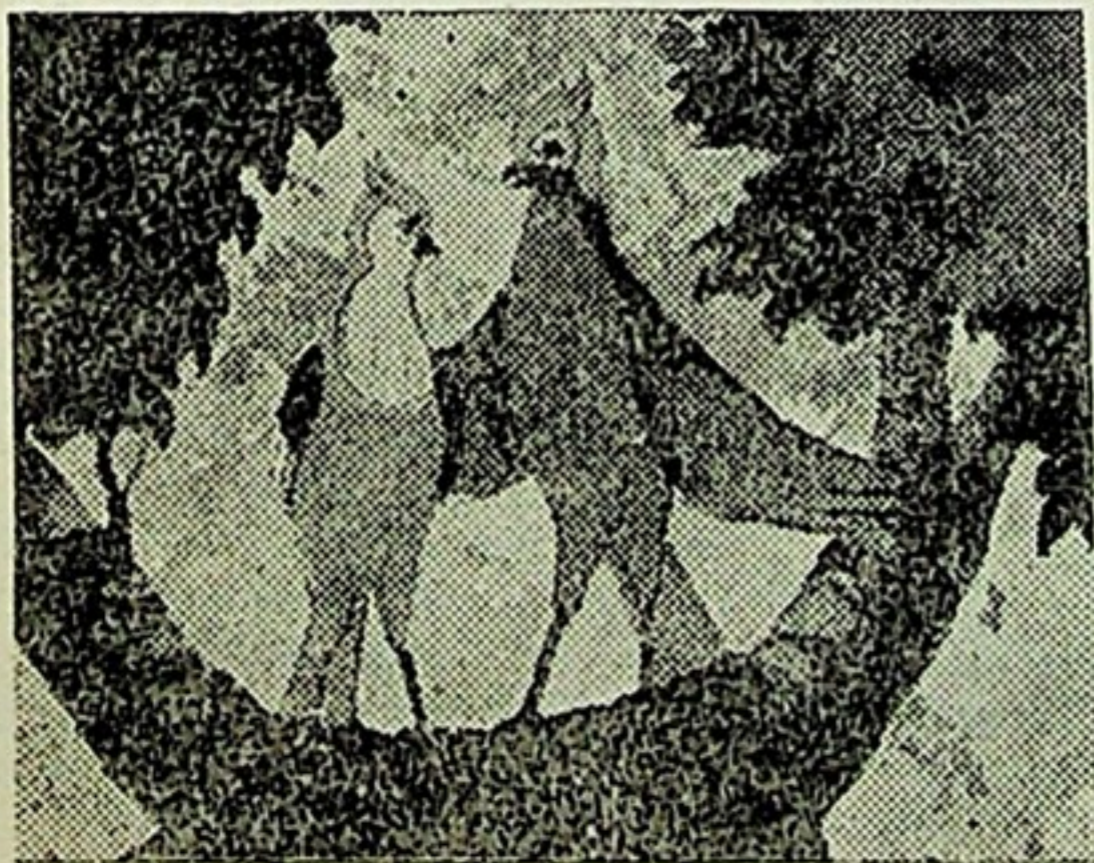
Создателям фильма (режиссер — заслуженный артист Грузинской ССР А. Хинтибидзе, сценарист — народный артист республики С. Долидзе) удалось донести до зрителя замысел великого поэта, своеобразие национальной формы, тонкий юмор и драматизм произведения.

Этот фильм длится на экране всего минут 10, но сколько прекрасных деталей нашли режиссер С. Долидзе и художник Б. Стариковский в изображении лесного мира, «птичьих» персонажей, которые очень трудно поддаются пластической обработке как при создании внешнего образа, так и при их «одушевлении». Сколько изобретательности и юмора в отдельных эпизодах, таких, как свадебное шествие, танец гандаган, «физическое воспитание» птенцов и др.

Можно с уверенностью сказать, что авторы бережно, с большой любовью поработали над каждым словом и эпизодом произведения Важа, над каждым рисунком и кадром.

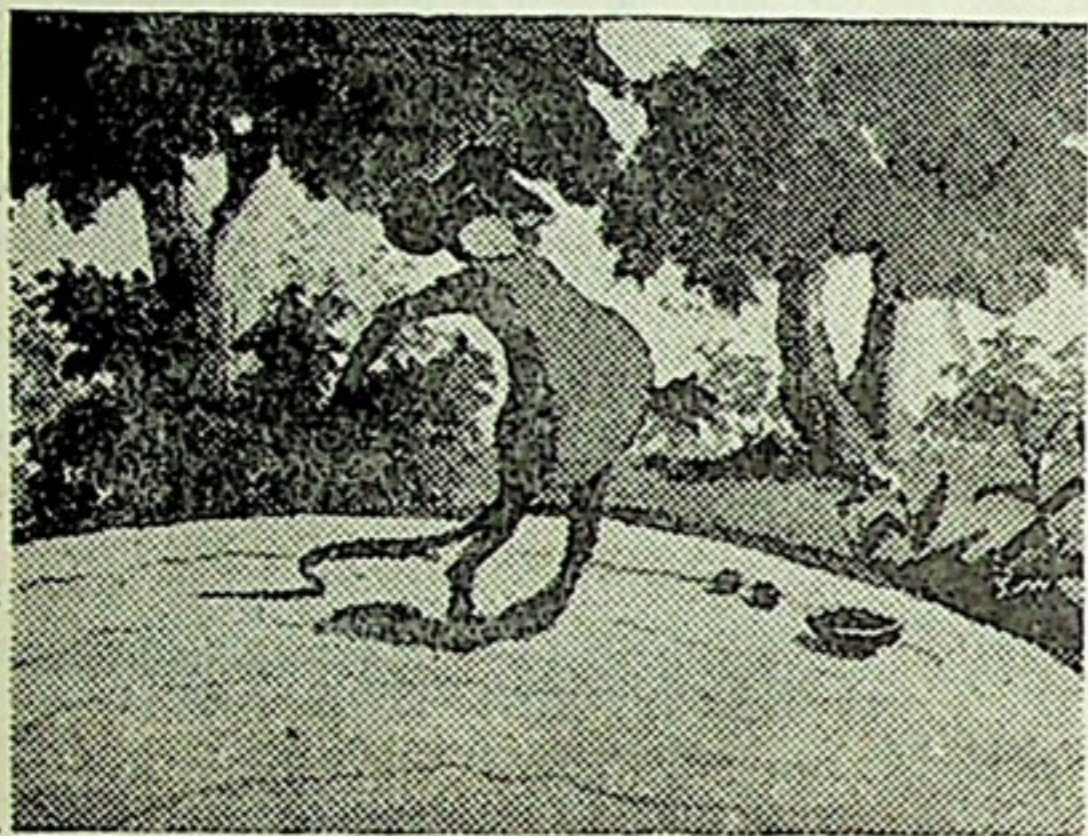
Другим произведением Важа Пшавела, послужившим основой фильма, явился его рассказ о старом сухом буке.

Небольшой по объему, рассказ приобрел большую значимость благодаря глубокому философскому и патриотическому смыслу. В нем мощно звучит основной мотив творчества писателя — ра-



дость бытия, радость от сознания, что жизнь продолжается. Главный образ произведения — старый сухой бук — символически переплетается с образом Родины, которая, как верил поэт, воскреснет для новой, счастливой жизни.

Молодой режиссер М. Кокочашвили сумел дать этому высокохудожественному произведению яркое кинематографическое воплощение. С большой эмоциональностью, присущей произведениям Важа Пшавела, он показал «переживания» старого дерева, с художественной выразительностью раскрыл оптимистическое содержание произведения. С надеждой глядит старый бук на зеленый росток, который пробился на одном из его корней и ждет весны, чтобы набраться сил и окрепнуть. Маленький зеленый росток — единственное его утешение.



В этом и раскрывается оптимистический мотив фильма — эстафета жизни передается молодому поколению.

Нельзя не отметить музыкального оформления «Сухого бука». Пение известной перуанской певицы Имы Сумак нередко гармонично сливается с картинами природы, изображенной в фильме. В ее удивительном голосе мы слышим и плач старого дерева, и жалобные стоны маленького ростка в бурю, и ликующие звуки торжествующей молодой жизни.

Произведения Важа Пшавела несомненно послужат богатейшим источником для творчества грузинских кинематографистов — они лишь ждут своего кинематографического воплощения.

Н. ДОЛИДЗЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВАЖА ПШАВЕЛА ЗА РУБЕЖОМ

Имя великого грузинского поэта Важа Пшавела известно далеко за пределами родины. Еще в самом начале двадцатого столетия, при жизни поэта, ряд его стихотворений был переведен на немецкий язык большим другом грузинской культуры Артуром Лейстом.

Эти стихотворения в переводе Артура Лейста вошли в сборник «Грузинские поэты», вышедший в Дрездене в 1900 году. В кратком предисловии дается характеристика творчества Важа Пшавела. В сборнике помещено десять стихотворений, среди них «Арагви», «Весна», отрывок из поэмы «Алуда Кетелаури» и другие.

В 1903 году тот же Артур Лейст издает в Дрездене книгу «Грузинский народ». В разделе, посвященном грузинской литературе, есть краткий обзор творчества Важа Пшавела. «Его самобытная поэзия, освежающая

и оживляющая, как вода горного ручья, мощными струями льется из его стихов», — пишет Лейст в этом обзоре. Там же приводится в переводе на немецкий язык стихотворение «Арагви».

В 1915 году в газете «Грузинские вести» № 8—9, был помещен в переводе на английский язык (переводчик Е. Орбелиани) известный рассказ Важа Пшавела «Рассказ косуленка». В том же году на венгерский язык был переведен рассказ «Мышеловка» (перевод Белла Викари).

В 1958 году в Грузии была издана на английском языке «Антология грузинской поэзии» (Тбилиси, изд-во «Сабчота Сакартвело»), в переводе Венеры Урушадзе. В антологию вошло десять стихотворений Важа Пшавела («Застольная», «Орел», «Элегия», «Письмо солдата-пшава матери» и другие) и поэма «Змеесед». В предисло-

вии М. Квесселава дается оценка творчества Важа Пшавела. «Антология грузинской поэзии» вышла далеко за пределы нашей страны и получила немало положительных откликов в зарубежной печати.

В 1961 году на польском языке была издана «Антология грузинской поэзии» под редакцией Леопольда Левина, в которой он участвует и как переводчик. Над переводами стихотворений Важа Пшавела на польский язык работали, кроме него, поэты Войткевич, Загорский, Литвинюк.

В антологию вошли семь стихотворений Важа Пшавела: «Жалоба меча», «Завещание», «Песня пшава», «Гора и равнина» и другие. Это далеко не полный перечень переводов произведений Важа Пшавела на иностранные языки.

Н. АККЕРМАН



Книги к юбилею

«Сто стихотворений» — так называется сборник избранных стихов Важа Пшавела, выпущенный издательством «Сабчота мцeralи». В него вошла, в основном, лирика поэта. Это — «Ночь в горах», «Орел», «Письмо пшавского солдата», «Памяти Давида Гурамишвили», «Бакури» и многие другие стихотворения.

Составитель и редактор сборника — поэт Александр Гомнашвили. Оформление художника Ладо Григолия.

* * *

Вышедшая в том же издательстве книга Вахтанга Разикашвили «Важа Пшавела по рассказам современников» знакомит читателя с жизнью и работой замечательного грузинского поэта и общественного деятеля, по воспоминаниям очевидцев, лично знавших его.

Эти воспоминания в продолжение 25 лет любовно и кропотливо собирал Вахтанг Разикашвили (сын Важа Пшавела). В числе рассказчиков — родственники, односельчане, народные певцы и сказители, поэты Сандро Шаншишвили и Сико Пашалишвили, писатель Давид Касрадзе и другие.

О последних днях жизни Важа Пшавела рассказывает заслуженный врач республики Нино Цицишвили.

В книге 8 фотокладок, запечатлевших Важа Пшавела в семье, среди друзей, в кругу грузинских писателей и т. д.

Редактор книги Амиран Габискирия. Оформление художника Ираклия Джанашвили.

* * *

Большая монография Дмитрия Бенашвили «Важа Пшавела», изданная «Сабчота мцeralи» к юбилейным дням, отображает жизненный и творческий путь Важа — поэта, прозаика, драматурга, этнографа. Наряду с биографическими данными значительное место в монографии занимает исследование его многогранного творчества — лирики эпических произведений, драматургии.

* * *

Полное собрание сочинений Важа Пшавела в пяти томах выпустило к юбилею издательство «Сабчота Сакартвело». Первый и второй тома содержат стихи и поэмы, третий — рассказы, четвертый — рассказы, пьесы и переводы на грузинский язык произведений западноевропейских и русских авторов, в частности, «Орлеанской девы» Ф. Шиллера и «Демона» М. Лермонтова.

Пятый том объединяет критические и этнографические статьи и корреспонденции, печатавшиеся разновременно в журналах и газетах.

Главный редактор пятитомника — академик, народный поэт Грузии Георгий Леонидзе. Оформление художника Элгуджа Амашукели.

* * *

«Жизнь Важа Пшавела» — так называется книга литературоведа Соломона Кубанейшвили, выходящая в этом же

издательстве. Книга написана по документам и воспоминаниям современников.

Редактор — Елена Гоголашвили. Оформление художницы Тамары Сикорской.

* * *

Монография Георгия Джигладзе «Жизнь и творчество Важа Пшавела», тоже выходящая в издательстве «Сабчота Сакартвело», является ценным исследованием многогранного литературного наследия великого грузинского поэта. Высоко оценивая творчество Важа Пшавела, автор подчеркивает его огромное значение в грузинской литературе, в дружбе народов нашей многонациональной родины.

* * *

Последняя книга двенадцатитомника «Наша сокровищница», выпущенная издательством «Накадули», посвящена творчеству Важа Пшавела. В книгу вошли его известные стихи, поэмы, рассказы и пьеса «Отлученные».

Редактор — академик, народный поэт Грузии Георгий Леонидзе. Оформление художника Ладос Григолия.

* * *

Отдельными книжками большим тиражом издает «Накадули» поэму «Алуда Кетелаури» и три поэмы «Гость и хозяин», «Змеед» и «Алуда Кетелаури». Редактор Дженато Чантурия. Первая книжка красочно оформлена цветными иллюстрациями художников Левана Цуцкиридзе и Тенгиза Мирзашвили. Художественное оформление второй — выполнено Теймуразом Кубанейшвили.

* * *

«Песня ласточки» — сборник избранных детских стихов Важа Пшавела выпускает издательство «Накадули» для дошкольников. Редактор — Лили Гегелия. Сборник красочно оформлен художником Георгием Тотибадзе.

* * *

Двухтомник Важа Пшавела подготовлен издательством «Заря Востока». В первый том вошли лирические стихи и поэмы «Змеед», «Гость и хозяин», «Бахтриони», «Раненый барс» и другие. Второй том составляет художественная проза и статьи Важа.

В редколлегии двухтомника — Симон Чиковани, Бесо Жгенти, Тенгиз Буачидзе. Оформление художника Теймураза Кубанейшвили.

Подписано в печати 17 июля 1961 г. 5 печ. листов + 2 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 762

Тираж 2.500

У9-04925

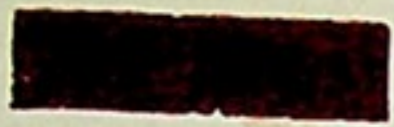
Цена 40 коп.

ქართული „ლიტერატურული გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

18 793



40 коп.



საქართველოს
საბჭოთაო წიგნობა